

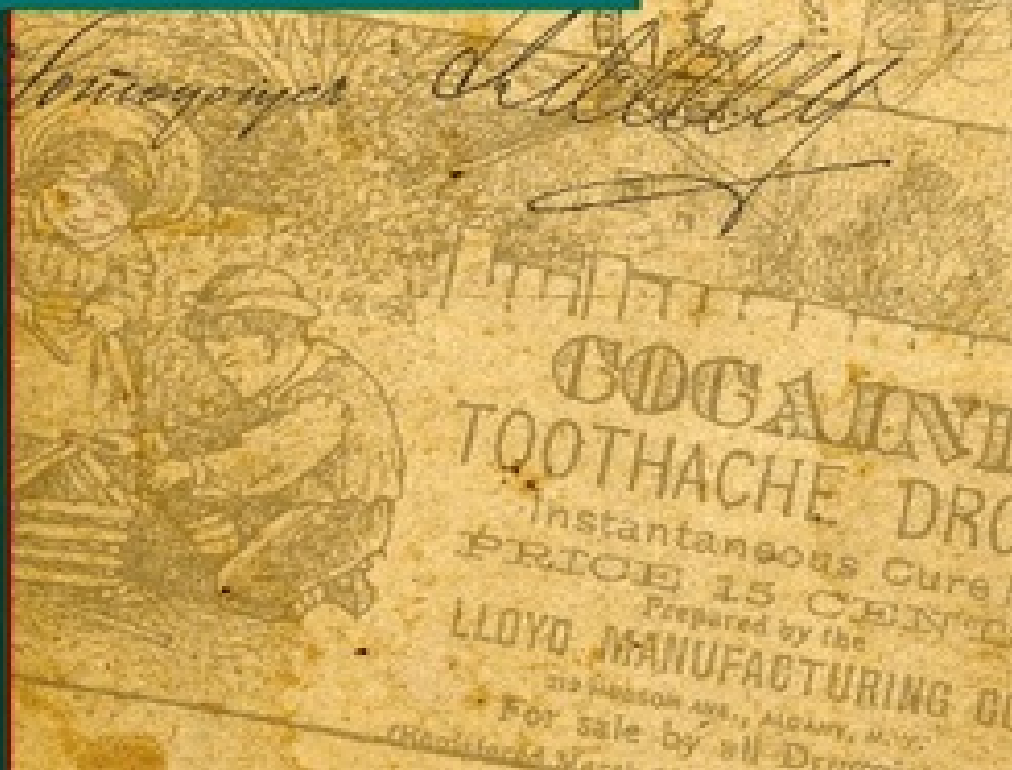
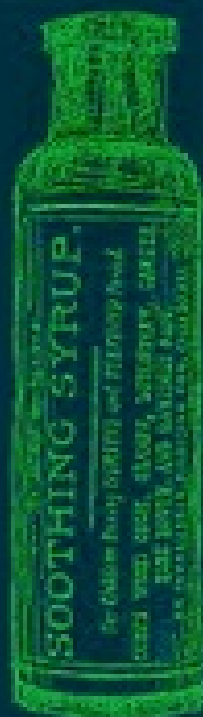
Дело № 773
1876 г.

Указ предположил подписи едвалии собственноручно со пр...
Васильевича...
тариуса, со контр...
части, на Большой Покровской улице со
дом № 10;

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ

Происшествия из службы
сыщика Алексея Лыкова
и его друзей

Annotation

Действие книги «Выстрел на Большой Морской» разворачивается в двух городах — Санкт-Петербурге и Москве. Март 1883 года. Лыков и Благово переехали в столицу и служат теперь в Департаменте полиции. В своей квартире застрелился бывший министр внутренних дел Маков. Замешанный в казнокрадстве, он ожидал ареста и следствия; видимо, не выдержали нервы... Но Благово подозревает, что произошло убийство. А преступники инсценировали самоубийство, чтобы замести следы. Выясняется, что смерть бывшего министра была выгодна многим. Благово едет в Ниццу к вдове покойного государя, княгине Юрьевской. Лыков тем временем отправляется в Москву по следам двух негодяев — отставного кирасира и его подручного из уголовных. С риском для жизни сыщик проверяет все самые страшные притоны уголовной Москвы...

- [Николай Свечин](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Эпилог № 1](#)
- [Эпилог № 2](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)

Николай Свечин

Выстрел на Большой Морской

Глава 1

Подозрительная смерть

В пять часов утра 28 февраля 1883 года вице-директор Департамента государственной полиции Благово был разбужен курьером. Выйдя заспанным в халате, он лаконично спросил прибывшего:

— Несчастье?

— Так точно, ваше высококородие, — вполголоса ответил курьер, отставной ефрейтор из жёлтых кирасир. — Бывший министр Маков наложил на себя руки. Господин директор департамента выехали к ним на квартиру. Велено и вам прибыть к сему месту; коляска ждёт внизу.

Отослав курьера к экипажу, Павел Афанасьевич принялся торопливо одеваться. Эх, Маков, Маков... Он вспомнил своё первое знакомство с ним восемь лет назад, закончившееся ссорой. Благово в чине коллежского асессора расследовал тогда в Нижнем Новгороде дело о конокрадстве в гигантских размерах. Лев Саввич был уже тайным советником, директором особенной канцелярии при министре внутренних дел Тимашеве, и фактически заправлял всем министерством. В семьдесят восьмом он сменил Тимашева, в восьмидесятом, во времена «диктатуры сердца» Лорис-Меликова, был переведён в главные почтмейстеры. Всесильная княгиня Юрьевская, любовница, а затем и жена императора Александра Второго, благоволила Макову. Когда Лорис занял его место в МВД, специально для Льва Саввича придумали новый пост — Министерство почт и телеграфов. В этом качестве ловкий царедворец вновь хорошо выдвинулся. В его руках оказалась вся перлюстрация империи! Маков возил каждое утро Юрьевской выписки из чужих писем, часто нелюбезные для императора. Вдвоём они их подправляли в выгодном для княгини смысле, и затем она показывала эти строчки стареющему государю. Совсем одуревший от любви к последней своей пассии, Александр Николаевич был уже как воск в её руках. Он немилосердно карал всех, кто был неугоден княгине, и перлюстрированные письма многим отравили тогда жизнь... Но случилось 1 марта 1881 года. Великий реформатор и великий грешник был смертельно ранен бомбой на Екатерининском канале. Новый государь Александр Третий уже через месяц выгнал ретивого почтмейстера в отставку. После этого у Макова начались неприятности. Ревизия выявила большое хищение по канцелярии

МВД в бытность его министром. Называли вполголоса фантастическую сумму — недоставало 400 000 рублей! Последнее время опальный сановник, всеми забытый и презираемый, сидел дома и ожидал ареста. И вот... Надо полагать, не выдержали нервы.

В начале седьмого часа Благово прибыл на квартиру Макова. Бывший министр продолжал жить на казённых площадях, в доме МВД на Большой Морской, 61. Эффектное трёхэтажное здание в стиле итальянского ренессанса, построенное Кавосом, выходило главным фасадом на Мойку. Самый аристократический квартал в столице; не удивительно, что покойнику не хотелось отсюда уезжать. Странно лишь, что его не торопили с выездом...

Роскошная квартира министра находилась на втором этаже, рядом с зимним садом. Благово обнаружил Макова лежащим в кабинете, подле камина, в луже остывшей уже крови. Одет он был в домашний халат из полубархата, с кистями. На груди напротив сердца чернело входное отверстие от пули; в правой руке зажат обшарпанный армейский «смит-вессон». Лицо искажено гримасой боли и предсмертного ужаса.

— Типическая картина самоубийства, — раздался за спиной Благово знакомый голос его начальника. Директор Департамента государственной полиции фон-Плеве, стройный, подтянутый, с серьёзным строгим лицом и умными глазами, прошёл на середину кабинета.

— Не находите, Павел Афанасьевич? Совсем типическая. Оформите протокол совместно с градоначальником, и копию до обеда мне на стол.

— Расследования разве не будет, Владимир Константинович?

— А чего тут расследовать? — искренне удивился Плеве. — Проворовался, попался — и стрельнул себя. Очевиднее не бывает!

— Маков был левша, а револьвер держит в правой руке. И потом, взгляните на его халат. Ничего не замечаете?

Плеве осторожно опустил на колени, стараясь не запачкаться в крови, и с минуту внимательно рассматривал одежду покойника. Потом поднялся, посмотрел на Благово недоумённо и немного раздражительно:

— Что же я должен был заметить, Павел Афанасьевич? По мне, так всё обыденно. Не темните! Что вас насторожило?

— Пола халата не оплавлена близким выстрелом и на ней совершенно отсутствует пороховой нагар. Посмотрим теперь, что на коже.

Благово отёрнул полу халата и ворот батистовой рубахи, и удовлетворённо крикнул.

— Что там? — нетерпеливо спросил директор департамента.

— Конус пламени при выстреле, как известно, равен по своей

протяженности длине ствола. У нас здесь «смит-вессон» образца 1871 года, так называемая модель номер один. Длина ствола у неё — восемь дюймов. Значит, при выстреле в упор или с этого расстояния ткань халата должна была загореться либо, как минимум, порыжеть. Отставить револьвер на такое расстояние самоубийца мог, но вот как быть с воздействием пороховых газов на кожу? На ней должен был бы остаться, как его называют судебные медики, пояс ожёга. А вокруг него, вбитые под кожу силой выстрела, находились бы копоты и, во множестве, порошинки. Пояс ожёга остаётся при выстреле с расстояния восемь десятых аршина!^[1] Здесь же мы наблюдаем чистое входное отверстие без всяких порошинок. Вывод — стреляли не в упор, а с расстояния примерно в аршин.

— Разве невозможно самому вытянуть так руку?

— На аршин? Только если чимпанзе. И потом, повторюсь, Маков был левша.

— Это-то вы откуда знаете?

— Когда я впервые познакомился с ним в семьдесят шестом году, то обратил на это внимание. Так делает всякий сыщик, автоматически.

Плеве замолчал, отошёл к окну. Постоял так некоторое время, затем повернулся к своему вице-директору и сказал:

— Павел Афанасьевич. Я всегда признавал ваши превосходство и опытность в уголовно-сыских вопросах. Видимо, вы и сейчас правы. И если это убийство, выдаваемое за самоубийство, то следует немедленно сообщить об этом министру графу Толстому. А он, надо полагать, распорядится о следствии. Но, чтобы доложить его сиятельству определённо, ваших теперешних наблюдений пока недостаточно. Осмотрите тщательно кабинет и всю квартиру, расспросите домашних и прислугу, словом, начните розыск.

— Слушаюсь, Вячеслав Константинович.

Тут из шинельной раздались энергические шаги и в комнату влетел товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Оржевский. Увидев распростёртое на полу тело, он снял фуражку, перекрестился, потом, нагнувшись, внимательно рассмотрел труп Макова. Зыркнул на полицейских своим жёлтыми совиными глазами:

— Как ловко угодил, а? Нервишки сдали... Ну-с, быстренько составьте протокол и отдайте копию мне, я сам передам графу.

В качестве товарища министра Оржевский заведывал всей полицией империи и являлся поэтому непосредственным начальником Плеве. Вид Пётр Васильевич имел задорный и несколько вызывательный, слыл в свете острословом и любил заводить себе недругов.

— Статский советник Благово имеет сомнения, — осторожно проговорил директор департамента.

— Какие ещё тут могут быть сомнения? В чём? — изумился генерал-лейтенант.

— В том, что Маков сам себя застрелил.

— Да вы что?! — ахнул Оржевский. Осмотревшись, он сел верхом на ближайший стул, зажал подмышкой саблю и приказал:

— Докладывайте.

Павел Афанасьевич сжато сообщил свои соображения. Заведующий полицией наморщил лоб, помолчал несколько секунд, потом согласно кивнул:

— Точно! Этот дурень был левшой, сейчас и я это припоминаю. Что намерены делать, Вячеслав Константинович?

— Провести негласное расследование.

— Одобрю. Но только своим силами, без привлечения Грессера.

Генерал-лейтенант Грессер был новый петербургский градоначальник, только что назначенный. Оржевский уже успел с ним поссориться и старался теперь насолить ему при каждом удобном случае.

Пробыв в квартире Макова ещё минут десять, начальство удалилось и Благово остался один. Он начал с осмотра помещения. Жена и трое детей покойного, потрясённые случившимся, сидели в обнимку в гостиной; двое младших плакали в голос. Оставив допрос вдовы на ужо, сыщик прошёл в спальню бывшего министра и сразу же обнаружил на разобранной постели лист синей сахарной бумаги, заляпанный воском. Понюхал — пахнет нашатырём!

— Что, покойный вчера лечился от простуды? — спросил он у сопровождавшего его по дому камердинера.

— Точно так, ваше высокородие. Второго дня барин захворали, так мы давеча капали им на грудь восковую свечку.^[2]

— Ага, значит, господин Маков собирался вылечиться, а не помирать?

Камердинер промолчал.

— А кстати, любезный, кого ты впускал к нему вчера вечером?

— Никого не впускал. Через парадное-то... К нам уж давно никто не ходит, с тех пор, как... А к чёрным дверям Лев Саввич наказали не подходить. В тии двери они сами впускали, а кого — то нам не ведомо.

— И давно у вас эдак заведено?

— Ещё когда их высокопревосходительство были министром внутренних дел. Сами понимаете: там пропасть всего секретного, чего нам, прислуге, знать не положено.

— И часто такое бывало?

— Дык, раз-то в неделю завсегда.

— И ты никого никогда не видел из этих секретных посетителей?

— Упаси Бог, ваше высокородие! Очень серчали. Прохора, что до меня служил, за то и рассчитали, что любопытство проявлял, рожу в коридор высовывал, когда не велено. Мы уж знаем: ежели барин такой приказ дали, сиди и не шелохнись. Надо им будет — звонком вызовут. Даже в ретирадное идти не смей!

— Эко у вас строго. Но ведь барин твой давно уже не министр!

— Ну и што? Когда они почтвами заведывали, так ещё гуще началось; едва ль не через день! Как ево, правда, вчистую уволили, то прекратилось, а вчера, слышь, опять наказали. Я подумал: сызнова секретные дела начались; может, барина опять в службу возьмут? А то скучали очень, да на нас злились... А чево злиться-то? Я, што ли, ево рассчитал?

— А как жена Льва Саввича к этому относилась?

— Известно как: не нравились ей все эти секреты. Боялась, как бы чего дурного из них не вышло. Тайны какие-то, заговоры... А права оказалась барыня Софья Александровна — вот чем оно кончилось-то! Стрельнул барин себя, великий грех совершил; видать, в такое вляпался, прости Господи, что деваться уж стало некуда. Опять, люди говорят, в хищениях ево больших подозревали, об прежние годы. Правду бают, ваше высокородие?

— Правду... как тебя?

— Орестом зовут.

— Правду, Орест, тебе сказали. В министерстве ревизию сделали, не досчитались четыреста тысяч рублей. Аккурат в те годы пропали, когда твой барин должность отправлял.

— Эх-ма... — горестно вздохнул камердинер. — Четыре-на-сто тыщ... До чего жадность-от людей доводит; а потом жизни себя лишать. Экой грех! Как теперя бедная Софья Александровна с тремя детьми на руках жить-то будет? Младшему, Лёвушке, шести ещё нет. А имения никакого барин не нажил. Пенсию-то хоть вдове дадут, ваше высокородие?

— Это государь решит. Скажи мне лучше, Орест — почему так вышло, что ты выстрела не слышал?

— А я слышал, как уж сейчас соображаю. А тогда подумал: Яков — это наш кухонный мужик — печь в постирочной растопил. Ну, и трещали они сильно, дрова-то. Сырые шибко; кто только таких всучил? Так трещали, страсть! Будто кто из ружья палил. Ну, я и не подумал на что плохое. Был там один навроде щелчок, не в пример другим. Особливый

какой-то. Вот я сейчас и думаю, то был выстрел. А тогда решил — дрова...

— Когда последовал этот щелчок?

— Близко часа ночи. Точно не скажу — дремалось мне.

— А когда ты барина мёртвым нашёл? Ты ведь его нашёл?

— Точно так, ваше высокородие, я. Напримерно, после трёх. Уснул было, а проснувшись, встал по малой нужде и пошёл в клозет. Гляжу — а в кабинете-то лампа горит. Не положено! Я зашёл задуть — и увидел...

Тут Орест всхлипнул.

— Хороший был барин-то. Весёлый... А теперь как они станут жить? С квартиры сгонют. Меня отставят, как пить дать. Вам, ваше высокородие, камердинер не нужен? Я ж самому министру прислуживал, обращение знаю!

— Я тебя запомню, Орест, что смогу, сделаю. Но сейчас не до того. Скажи лучше: почему ты подумал, что Лев Саввич сам застрелился?

— Так орудие-то у него в руке, рази вы не видите?

— Понятно. Что же он тогда от простуды лечился, если всё одно помирать?

Камердинер задумался, потом сказал радостно, словно открытие сделал:

— Полагать надо, ваше высокородие, што до ночи у него ещё надежда была, мол, обойдётся. А кто-то к нему пришёл и известие принёс, што не обойдётся. И не осталось надежды. Он и наложил. Сам на себя.

— Правдоподобно, — похвалил слугу Благово. — А где барин секретные бумаги держал?

— В кабинете, в несгораемом шкапу.

— А ещё где?

Орест замолчал. Было видно, что он знает о тайнике, но не хочет говорить.

— Ладно. Проводи меня дальше по квартире.

Они продолжили обход, и вскоре Павел Афанасьевич оказался в образной. Маленькая комната без окон, с решётчатой дверью, была внутри вся увешена иконами. В четыре ряда они покрывали стены, в темноте тускло горело восемь или девять лампад. Пахло ладаном и деревянным маслом.

— Очень набожный был?

— И-и-и! Не то слово! Все посты блюл, а службу знал лучше батюшки. У нас, изволите ли знать, домовая церковь имеется; так барин там частенько-таки отца Амвросия подправляли. Особливо литургию Преждеосвящённых Даров...

Благово тщательно осмотрел всю огромную квартиру в двенадцать комнат, потом поговорил с новоиспечённой вдовой. Софья Александровна Макова, урождённая Бороздина, оказалась грузной, почти уже утратившей былую привлекательность сорокапятилетней женщиной. И без того, видимо, недалёкая, она совершенно потерялась от внезапного несчастья и ничего интересного сообщить сыщику не сумела. Трое детей были ещё малы — старшей дочери едва минуло одиннадцать. Прислуга тоже отнекивалась; Орест оказался из них самым сообразительным и осведомлённым. Выстрела никто не слышал, ночных гостей никто не видел.

Закончив с расспросами, Благово принялся за обыск маковского кабинета. Подошло уже время обеда, и Орест принёс ему с кухни холодной телятины, калачей и чашку консомэ. Время от времени занятия сыщика прерывало появление посторонних. Так, около одиннадцати ввалилась целая толпа во главе с министром юстиции Набоковым. Пришёл ненадолго государственный секретарь Половцов (покойный являлся членом Государственного совета), высокий, надменный. Осмотрел брезгливо тело — его увезли только к вечеру, написал и отдал курьеру записку для государя, и удалился. Так же ненадолго заехали судебный следователь и полицмейстер первого отделения. Долше всех проторчал статский советник Виноградов, исправляющий должность начальника петербургской сыскной полиции (Путилин второй год по состоянию здоровья пребывал в отставке). Вместе с двумя агентами он по пятам ходил за Павлом Афанасьевичем и повторял все его действия. Благово так и подмывало спросить коллегу, что он думает об отсутствии копоты на платье трупа, но он удержался. Всегда полезно, когда следствие ведётся параллельно кем-то ещё: ум хорошо, а полтора лучше! Но подсказывать нельзя, иначе какое же здесь тогда соревнование? Сам Виноградов ничего на сей счёт не говорил; было ясно, что версия самоубийства его устраивает. Он выгреб из несгораемого шкапа Макова все бумаги и, довольный, уехал. Благово наконец-то остался один, можно было приступать к поиску тайника.

Он нашёл его почти сразу — сказала опытность. В массивном письменном столе хозяина оказалась двойная задняя стенка. Осторожно выдвинув её по специальным замаскированным полозьям, Павел Афанасьевич обнаружил за ней три письма. Почерки на всех трёх письмах были разные, и ни один из них не принадлежал самому Макову. Похоже, что бывший министр почт и телеграфов не только вскрывал и переписывал чужую корреспонденцию, но в исключительных случаях и воровал её.

Перлюстрация — одна из самых охраняемых тайн в империи, но Благово по роду службы знал о ней в деталях. Никогда оригиналы писем не

изымались, а только копировались, после чего запечатывались заново и отсылались адресату. Здесь же Маков решился на прямое хищение! Видимо, эти депеши представляли для него особый интерес.

Когда Благово просмотрел все три письма, он понял, насколько серьёзным оказалось дело о возможном убийстве действительного тайного советника Льва Саввича Макова. Серьёзным и даже опасным, и в первую очередь для него самого. Но деваться было уже некуда — следовало срочно доложить о находке Плеве.

Глава 2

Третье повеление

Вечером 28 февраля Благово сидел в кабинете директора департамента полиции на Фонтанке, 16, и угрюмо молчал. Так же молчал и Плеве. Найденные Павлом Афанасьевичем письма лежали на столе; казалось, от них исходит какая-то недобрая сила.

— Да, — пробормотал, наконец, Плеве, — ну и гадюшник вы разворотили. Теперь у нас сразу три версии смерти Макова. И одна хуже другой...

Благово взял в руки лист голубоватой бумаги с императорской короной наверху, развернул его и прочитал ещё раз. Это была записка великого князя Николая Николаевича Младшего, адресованная жене генерала Оржевского. Из неё явственно следовало, что парочка находилась в любовной связи. Заведывающий полицией именовался в записке старым козлом...

— Не понимаю! — воскликнул директор. — Великому князю двадцать семь лет, а ей уже сорок четыре. Что он в ней нашёл?

— Ну, Наталья Ивановна дама всё ещё видная и притом весьма бойкая. Полагаю, это она окрутила нашего гусара, а не он её. Притом учтите: в Николае Николаевиче двенадцать вершков росту^[3]. Многим это нравится. К тому же георгиевский кавалер, полковник лейб-гвардии Гусарского полка, а главное, двоюродный брат государя. Есть чем увлечься увядающей женщине.

— Но он-то, он-то куда?

— У них это в обычае, — ответил вице-директор.

И Плеве, и Благово хорошо знали, сколь развращена императорская фамилия. Николай Николаевич Старший первый подавал сыну хороший пример: он уже много лет жил с бывшей балериной Числовой и имел от неё четверых детей. Жена его, великая княгиня Александра Петровна, не стеснясь никого, путалась в это же время с киевским викарием. Супруга младшего брата императора, Владимира Александровича, заразила мужа сифилисом! Она открыто изменяла ему со всеми по очереди адъютантами и, кстати, состояла в давней связи с тем же Николаем Николаевичем Младшим. Жена великого князя Михаила Николаевича, Ольга Фёдоровна, спала с воспитателем своих семерых детей генералом Петерсом, а её муж

прижил на стороне незаконную дочь от некоей девицы Серебряковой. Не отставал от родни и брат государя великий князь Алексей Александрович. Будучи холостым, он сильно увлекался балеринами и имел вдобавок сына от знаменитой своим цинизмом фрейлины Жуковской, дочери известного поэта.

— Ну, эта версия наименее вероятна, хотя и её мы обязаны проверить до конца, — сказал Благово. — У нас ведь есть люди в окружении Николая?

— Как не быть. Я распоряжусь, чтобы их прислали к вам для беседы. Согласен, это маловероятно, но нужно убедиться. А вот другое письмо...

Благово взял второй лист, и лицо его приняло брезгливое выражение. Короткая записка была написана рукой Екатерины Михайловны Долгорукой, жены покойного государя. Адресатом оказался германский посол генерал Швейниц. Юрьевская предлагала в этой записке купить у неё за пятьсот тысяч рублей секретный протокол о заключении между Россией и Францией оборонительного союза! Светлейшая княгиня сообщала, что её супруг забыл документ в их спальне в день смерти, и она оставила его себе «на всякий случай».

— Я сегодня же повстречаюсь с графом Ламздорфом^[4] и выясню, насколько это серьёзно, — пообещал Благово, и добавил ехидно: — Не удивлюсь, если наши дипломаты не заметили пропажи столь важной бумаги.

— И, наконец, третья версия, — Плеве подтолкнул своему вице-директору неопрятный лист гостиничной почтовой бумаги, исписанный мелким писарским почерком. — Что скажете на сей предмет?

Это было письмо некоего Рупейто-Дубяго Павлу Демидову князю Сан-Донато. Один из богатейших людей России, князь профессионально бил баклуши, не будучи занят на государственной службе. Корреспондент именовал его «братом второй степени» (?) и просил разрешения «тряхнуть тут, в Москве, одного рогожца, что дружит с террористами, а деньги сдать в кассу Дружины». ^[5] Помимо самого разрешения на акцию, автор письма требовал прикрытия от московской полиции, причём в весьма развязном тоне.

— «Брат второй степени». Хгм... Вячеслав Константинович, это что, пресловутая «Священная дружина»?

— Увы, она самая.

— Как мог Пашка Демидов занимать там начальственную должность? Он же глуп, как бревно. Кто ему доверил?

Плеве молчал.

— А ещё говорят, у них Боби Шувалов ходил в штаб-офицерах?

— От нашего министерства дружину курировал Оржевский. Полагаю, он и даст вам все необходимые разъяснения, — сухо ответил директор.

Благово, как человек очень осведомлённый, знал, что в 1881 году было создано добровольное тайное общество по защите особы государя. Инициатором выступил личный друг Александра Третьего граф Воронцов-Дашков, нынешний министр двора. В общество, названное «Священной дружиной», вошло несколько сот человек, преимущественно служилое чиновничество и военные. Время тогда было смутное, силы террористов преувеличивались, и за жизнь помазанника Божия всерьёз опасались. В таких условиях в дружину вступило немало порядочных людей, разуверившихся в законных способах борьбы с крамолой. Павлу Афанасьевичу тоже предлагали членство, но он отказался. Позже до него стали доходить слухи о том, что «Священная дружина» быстро выродилась в объединение проходимцев вперемешку с недотёпами. Великосветские дилетанты увлечённо принялись играть в тайных агентов; жулики всех мастей примазались к секретным фондам. Сведения о дружине просочились в печать, поскольку горе-конспираторы рассказывали о «тайном» обществе даже извозчикам... Злоязычный Салтыков-Щедрин публично высмеял добровольных охранителей, назвав их «Клубом взволнованных лоботрясов». Начались скандалы. Какие-то тёмные личности разъезжали по стране, приходили к губернаторам, показывали им странные бумаги и требовали отчёта и денег. В конце концов ситуация сделалась невыносимой и, усилиями Победоносцева и графа Толстого, дурацкое общество было ликвидировано. В ноябре 1882 года государь распорядился закрыть «Священную дружину» и произвести ревизию её расходов (на которые сам в своё время выделил миллион из собственных средств). Мог Маков в период активности лоботрясов подцепить, путём перлюстрации, какую-нибудь серьёзную тайну? Конечно, мог. Народ там был гнилой; версия ничуть не хуже двух предыдущих.

— Итак, — резюмировал Плеве, — подозрения об убийстве бывшего министра мы должны немедленно донести до сведения его сиятельства. Не сомневаюсь, что он столь же быстро доложит наши соображения его величеству. Поскольку по одной из версий проходит супруга Оржевского, придётся держать эту линию расследования от Петра Васильевича в тайне.

— Слушаюсь.

— Вы уверены, что петербургское сыскное не зацепило ничего серьёзного?

— А они и не искали. Виноградов человек опытный; думаю, он заметил отсутствие нагара на халате Макова, но ничего об этом не заявил.

Зачем ему нераскрытое убийство, уводящее в столь опасные высшие сферы? А тут такая удобная версия: проворовался, попался и... Но если бы вы видели его молельню!

— А бумаги, изъятые Виноградовым из несгораемого шкапа? Вдруг там ещё с полдюжины подобных писем?

— Тогда мы скоро узнаем это от градоначальника. Но я сомневаюсь. Иначе не нужен был бы тайник.

— Будем надеяться, что не появится с той стороны новой грязи; будет нам и этой вдосталь. Что у вас сейчас на главном плане, Павел Афанасьевич?

— На главном плане — два высочайших повеления: о фальсификации мяса и об убийствах в Конногвардейском полку.

Плеве пригорюнился. Действительно, оба дела, уже порученные им Благово, находились на столе у государя и он торопил с их расследованием. Первое касалось великого княжества Финляндского. Общеизвестно, что по всей Финляндии издавна существовал нехороший обычай. Как только у крестьянина там падало животное — всё равно, корова или лошадь, и всё равно, от болезни или старости — как его тот час же покупали и везли в Петербург. Существовал целый преступный промысел по поставке мяса павших животных в колбасные заведения столицы. Всё великое княжество участвовало в нём без зазрения совести, а следствием было развитие в Петербурге пищевых отравлений и заразных болезней. Когда под Рождество захворало на Охтах сразу более пятидесяти человек и следы опять привели к финской падали, терпение государя лопнуло. Видя, что градоначальство не справляется с этой напастью, он поручил дело департаменту полиции. Благово уже съездил в Гельсингфорс, переговорил с тамошней полицией и сейчас шерстил наиболее нетребовательные из колбасных заведений. Оказывалось так, что заправляли всем русские, а точнее ярославцы, составляющие в столице самое влиятельное землячество.

Второе поручение было ещё хуже первого. На Успенье в подвалах цейхгауза Конного полка, что возле Почтамта, было обнаружено при ремонте печей сразу восемь разложившихся трупов. При одном из них, женском, оказался молитвенник на английском языке. Это сразу навело сыщиков на мысль, что в числе убитых состояла и та молодая англичанка, что пропала в столице год назад. Следствие двигалось медленно из-за сопротивления полкового начальства, которое поддерживал командующий округом великий князь Владимир Александрович. Выявились страшные вещи: конногвардейцы уже много лет по ночам открыто грабили и убивали

прохожих возле своих казарм, торговали потом вещами со своих жертв, а офицеры это покрывали! Руководили делом прожжённые сверхсрочнослужащие вахмистры. Будучи в фаворе у начальства, они держали в кулаке весь полк, а не хотевших молчать душили. Когда кольцо несчастной англичанки обнаружилось в ломбарде и хозяин его показал на конногвардейцев, государь повелел не церемониться ни с кем. Было арестовано десять человек и появились уже первые признательные показания, но до завершения следствия было ещё далеко.

— Что ж, Павел Афанасьевич, — горько пошутил Плеве, — Бог троицу любит. Не могу я никому перепоручить уже ведомые вами дела; а уже и третье на подходе. Чую, ждёт нас ещё одно высочайше повеление. В вопросах же сыска вы наиболее опытны из всего состава департамента. Кто везёт, на того и валят... Но обещаю полное содействие!

— Тогда дайте Лыкова мне в помощь. Он сейчас ничем особым не занят, а в этом деле пригодится.

— Да чем же? Тут кулаками махать не предвидится.

— При расследовании убийства, Вячеслав Константинович, никогда не знаешь наверное, что предвидится. Лыков мой ученик, он умный и уже весьма опытный оперативник с большим будущим. И умеет он не только кулаками махать, как вы думаете. Алексей поедет в Москву. Ведь именно там, помнится, замыслили «трясти» рогожца. Как раз по его части: связи с этой средой у него имеются ещё с Нижнего Новгорода. И потом, уже пора готовиться к коронации, а тут без него точно не обойтись.

Последний аргумент убедил Плеве окончательно, и он устно распорядился перевести титулярного советника Лыкова в полное распоряжение Благово. Дело в том, что вопрос с коронацией наконец-то решился. Александр Третий затянул её, опасаясь покушений на свою жизнь, которые так удобно совершить в толпе. Сейчас выяснилось со всей определённою, что террористы обескровлены и силы их подорваны окончательно; можно ехать в Москву. Долгожданное событие было назначено на май. К этому времени предстояло «почистить» Первопрестольную от всякого тёмного элемента. Воронцов-Дашков предложил привлечь к делу охранения священной особы государя силы московских старообрядцев. В МВД сразу вспомнили следствие о завещании Аввакума, с блеском проведённое четыре года назад в Нижнем Новгороде. Герои этого дела — Благово и Лыков — ныне служили в департаменте полиции и были, следовательно, под рукой. Им и поручили начать предварительные переговоры с влиятельными московскими староверами, преимущественно рогожцами. Значит Лыков, пусть и на

своём, невысоком, уровне, но мог уже официально заниматься этим вопросом. Пусть уж заодно и убийцу Макова отыщет!

Умный Плеве не ошибся в своих опасениях. Вечером первого марта, вернувшись с молебна в память царя-мученика, его вызвал к себе граф Толстой. И передал очередное повеление императора: найти и арестовать злодеев, лишивших жизни бывшего министра внутренних дел. Он хоть и мошенник, но стрелять безнаказанно никого нельзя. Тем более действительных тайных советников...

Глава 3

По первому следу

Утром второго марта в кабинет Благово пришёл рослый осанистый господин в элегантной нанковой тройке. От него резко пахло туалетной водой, усы были подозрительно черны, на волосах — накладка. Словом, типический саврас, профессиональный дамский угодник в возрасте. Крашенный господин оказался управляющим двором великого князя Николая Николаевича Младшего.

Павел Афанасьевич расспрашивал его более получаса. Управляющий (фамилия его оказалась Шлаубах) выказал себя человеком неглупым и весьма осведомлённым обо всех тайнах своего августейшего патрона. Выяснилось в частности, что с мадам Оржевской князь расстался ещё осенью и без всяких скандалов; что сейчас он тайно встречается с женой Половцова, и что в ночь убийства на Большой Морской его высочество находился в своей постели. И совершенно определённо никуда не отлучался.

Благово и не сомневался, что великий князь сам в Макова не стрелял. Картина, как огромного роста гусарский полковник, гремя саблей, в полночь крадётсЯ с револьвером в дом бывшего министра, могла только позабавить. Но при своём характере Николай Николаевич не остановился бы кого-нибудь нанять на эти цели. Поразмыслив, Благово решил отработать версию до конца и поехал на Офицерскую, 26, в сыскное.

Статский советник Виноградов принял коллегу настороженно.

— Нашли что в бумагах? — издалека начал Павел Афанасьевич.

— А... — махнул рукой Виноградов. — Чуть не до утра просидел, семь пудов свечей извёл, и всё без толку. Одна галиматья.

— Вы, конечно, заметили отсутствие на халате у Макова порохового нагара?

Главный сыщик столицы осёкся, несколько секунд молча смотрел на Благово, потом ухмыльнулся:

— Смешно было бы с моей стороны предполагать, что это ускользнёт от вашего внимания... Да, я сие тоже заметил!

— Получено высочайшее повеление разыскать убийцу. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Понятно. Чем могу помочь?

— Сведениями, бесценный Иван Александрович. Кто из известных вам преступников, находящихся ныне на свободе, способен на такую ловкость?

— Хгм... Проникнуть ночью в густо населённую квартиру, застрелить хозяина, подделать самоубийство и скрыться незамеченным. Высший сорт работа! Я знаю только одного человека, которому такое по силам.

— Сашка-офицер?

— Всё-то вы знаете, Павел Афанасьевич, — уважительно произнёс Виноградов. — Он, стервец, кто же ещё! Но именно у него и алиби, потому, как данный мазурик уже две недели сидит здесь, в Казанской части, на одном с нами этаже.

— На чём-то попался?

— Подозревается в ограблении квартиры Охотниковых.

Сашка-офицер представлял из себя весьма незаурядную личность. Звали его по паспорту Александр Беклемешев, и в молодости он действительно носил погоны. В чине поручика Сашка принял участие в Ахалтекинской экспедиции 1879 года, закончившейся для нас, как известно, порядочной трёпкой. Прикомандированный к ракетной сотне, он участвовал в знаменитой «косой атаке», когда сотня лихо прорубилась сквозь полчища туркмен и прикрыла затем отход всего отряда. Владимирский крест с мечами и бантом украсил грудь храброго поручика. Затем, однако, у него начались недоразумения с законом. Видимо, Беклемешеву было скучно жить обычной жизнью. Такие люди хороши для войны, но плохо годятся для повседневного существования... После нескольких тёмных историй и последовавшего затем суда чести поручик вышел в отставку. Умный, смелый, очень хладнокровный и до безумия дерзкий, повидавший много крови — он стал наёмным убийцей.

Этот вид преступлений в России, слава Богу, отсутствует — в отличие, скажем, от Италии или САСШ. Ну разве что купчиха наймёт приказчика задушить стареющего мужа, чтобы пожить наконец вольготно и при деньгах... Такие проступки легко раскрываются и незадачливый наёмник оказывается в Нерчинском каторжном районе. Не то оказался Сашка-офицер! Он применял свои таланты очень редко и за большие деньги. Артист! Сыскная полиция подозревала его в трёх убийствах, но ничего не могла доказать. Особенной дерзостью отличалось последнее, в восемьдесят втором году. Некий граф Кушелев шёл себе спокойно по Певческому мосту, как вдруг его нагнал замотанный в башлык всадник на прекрасном аргамаке, застрелил с седла и ускакал. Среда бела дня и прямо под окнами Зимнего дворца.

Да, такой человек мог прикончить Макова в его собственном кабинете и незаметно удалиться. Похоже, на сегодня он один такой в столице. И у него алиби — сидит вон за той стенкой.

Удовлетворённый услышанным, Благово откланялся и вернулся к себе на Фонтанку. Доложил Плеве, что версию с великим князем можно исключить, и затем около часа просидел с Лыковым. Откомандированный из летучего отряда в его распоряжение, Алексей был очень этим доволен. Павел Афанасьевич подробно рассказал ему всё дело и поручил съездить в Москву к рогожцам. Подытожил так:

— В расследование первых двух версий тебе лучше не соваться. В этих высших сферах могут так трянуть, что очутишься помощником исправника в Минусинске. Что я тогда скажу твоей матушке? А в Первопрестольной — обычная уголовщина, да и «Священная дружина» уже прикрыта. Поговори с Арсением Ивановичем Морозовым, чтобы он выделил тебе на подмогу Горсткина. А я телеграфирую Козлову, что ты выполняешь высочайшее повеление — он сам поймёт, что от него требуется.

Горсткин был начальником секретной службы рогожцев, поставленным на эту должность ещё покойным Буффало; Козлов — московским обер-полицмейстером. Вдвоём эти люди знали о Москве всё.

Отпустив Лыкова, Благово пешком отправился на Дворцовую площадь, в Министерство иностранных дел. Директор канцелярии граф Ламздорф и обрадовался появлению сыщика, и удивился. Статского советника весьма уважали в «дипломатической гостиной» Яхт-клуба за тонкий ум. Но на службу к графу Благово пришёл впервые — и явно неспроста.

— Что случилось, Павел Афанасьевич? Вы изловили австрийского шпиона?

— Ещё хуже! Германский посол схвачен в Апраксином дворе на карманной краже; готовьте ноту о высылке.

— Ха-ха. Очень смешно. Валяйте уж — что там у вас? Чую, что плохие новости...

— Владимир Николаевич, в министерстве за последние два года никаких важных бумаг не пропадало?

Ламздорф нахмурился:

— Насколько важных?

— Протокол с французами о подготовке оборонительного союза, подписанный покойным императором.

— Откуда вы вообще знаете о его существовании? — вскочил с кресла

граф. — Боже мой, Боже мой! Если немцы пронюхают, что есть такой документ — может случиться всё что угодно!

— И даже война?

— И даже война. Не завтра, конечно, но самый первый шаг для её подготовки будет сделан. Нынешний государь крайне неохотно пролонгировал «Союз трёх императоров», и только на три года. Он совершенно не верит австриякам и с трудом терпит германцев. Зерно истины в этом есть: с тевтонами России нечего делить, а вот между нами и Австро-Венгрией стоят Балканы. Учитывая маниакальную цель всей русской внешней политики — проливы — мы уже встали на рельсы большой европейской войны. Отобратить проливы у Турции можно, только победив саму Турцию. А там куча славян под пятой! и то же самое у австрияков. Выпустив славян из турецкой клетки, мы неминуемо вступаем в неразрешимый конфликт с Австро-Венгрией. Ведь покорённые ею племена чехов, словаков, русинов также захотят свободы. Короче говоря, путь на Константинополь лежит через Вену. А это означает войну и с Берлином! Германцы же никогда не позволят России уничтожить дружественную им, немецкоговорящую империю и стать в итоге повелительницей Балкан. Если это понимаем мы с вами, ещё лучше сие понимает Бисмарк. Война между нами тремя — лишь вопрос времени. Мы начали зондировать в сторону Франции. Немцы немедленно расценили это как начало охлаждения в отношениях. Они уже очень насторожены и начинают готовиться к худшему. А у нас словно нарочно Катков раздувает антигерманскую истерию при попустительстве властей!

— Так что насчет протокола?

— Скажите правду: откуда вы узнали о его существовании? Во всей империи его читали только три человека: покойный государь, наш министр Гирс и я.

— Где сейчас протокол?

— За моей спиной, в секретном сейфе.

Ламздорф поднялся, обошёл кресло и постучал по дубовой панели стеновой обивки, в которой виднелось едва заметное отверстие для ключа.

— Вы уверены, что он там?

Граф самодовольно улыбнулся:

— Не смешите меня, Павел Афанасьевич! Такие бумаги хранятся сверхстрого. Их выдаю лично я и только по письменному распоряжению министра. Упомянутый вами протокол ни при каких обстоятельствах не мог покинуть этого шкапа!

— Владимир Николаевич. Не обижайтесь, ради Бога, моим

недоверием, но не могли бы вы прямо сейчас в этом убедиться?

Ламздорф озадаченно смотрел на Благово, не находя, что ответить. Потом хмыкнул, снял с брегетной цепочки крохотный ключ, отпер сейф, закрыл его от посторонних глаз спиной и начал копать. Через три минуты поисков он развернулся к сыщику — на нём не было лица.

— Павел Афанасьевич!! Это... катастрофа! Имеете вы сведения о его нынешнем местонахождении?

Благово рассказал графу о письме Юрьевской, найденном им в квартире Макова. Ошарашенный чиновник побежал с этой новостью к Гирсу, а статский советник вернулся в департамент. Оказалось, что там его уже сорок минут ожидает некий господин в серой визитке. Лицо господина показалось Благово знакомым.

— Да-да, мы встречались на Гороховой. Позвольте представиться: помощник делопроизводителя сыскного отделения петербургского градоначальства коллежский асессор Скиба.

— Да, господин Скиба, припоминаю. Кажется, Максим Вячеславович? Прощу пожалуйста без церемоний.

— Польщён, Павел Афанасьевич; точно-с так.

— Чем могу служить? Вас, видимо, прислал Виноградов?

— Увы, Павел Афанасьевич, я пришёл к вам не по приказанию начальства, а в тайне от него. Понимаю, как некрасиво это звучит, но... Вы ведь сегодня интересовались у Виноградова Сашкой-офицером?

— Да.

— И вас уверили, что тот сидит под замком?

— Да. А что, не сидит?

— Нет, Сашка действительно с середины февраля пребывает в подследственной камере Казанской части. Там есть такой коридор на третьем этаже, окнами во двор; в нём четыре камеры, и все они закреплены за сыскным отделением. И сторож при них тоже наш, он состоит в штате отделения, а не части.

— И что далее?

— Далее то, Павел Афанасьевич, что Беклемишев отлучался за эти дни из камеры. Но не для допроса. Он числится лично за Виноградовым и по его запискам несколько раз отпускался на волю безо всякого конвоя. А потом под утро возвращался.

— Хм... Он агент Виноградова?

— Позвольте напомнить, Павел Афанасьевич, что Сашка-офицер убийца. Может ли он быть полицейским осведомителем? Вор, мелкий мошенник — не спору; сам их вербую дюжинами. Но убийца!

— Согласен, Максим Вячеславович, это было бы чересчур. Куда же он тогда уходит? И что связывает начальника сыскной полиции с «мокрушником»?

— Вы ничего... э-э... такого не слышали о Виноградове?

Благово нахмурился.

— Слышал, конечно. О вашем начальнике давно уже дурное поговаривают. Будто бы приставы всех частей Петербурга носят ему денежную дачу. А ежели кто отказывается, то в этой части резко возрастает количество краж со взломом, грабежей и даже убийств. Статистика быстро ухудшается, пристав попадает в опалу у градоначальника и может лишиться должности. А сыскная полиция ищет преступников очень неспешно и всегда безрезультатно. Так?

— Истинная правда, к сожалению.

— Вот это да! И все молчат?

— Так ведь недоказуемо! Ну, залезли в квартиру, в другую; ну, сломали их с десятков — и что ж? Какая тут связь с Виноградовым?

— Но связь есть?

— Конечно, есть. Все «иваны» и «мазы», родские^[6] воровских шаек ему хорошо известны. Он их вызывает и говорит: надо поработать в Александро-Невской части, особенно в её третьем участке. Действуйте смело и никого не бойтесь: я вас искать не стану. После седьмой квартиры закругляйтесь и переходите в Коломенскую часть.

— Неужели это действительно возможно, Максим Вячеславович? Чтобы начальник сыскной полиции — и руководил ворами!

— Нельзя сказать, что он ими действительно руководит. У преступников свой промысел, у него свой. Правильнее утверждать, что существует область совместных интересов. Если градоначальник прикажет Виноградову поймать, к примеру, «ивана» Савелия Чижова по кличке Дубовый Нос, то он его арестует. И Дубовый Нос на это не обидится: служба есть служба, ему велели — он исполнил. Но при возможности вместе заработать эта парочка легко договорится. С начальником сыскной полиции выгодно дружить!

— Давно так у вас?

— А вот как Путилин ушёл в отставку, так сразу и началось.

— Иван Дмитриевич знает об этом?

— Конечно, знает — Виноградов всегда был его любимчик.

— И молчит?

— Молчит. Сам этим не занимался, когда был при должности, но Ивану Александровичу уже и тогда всё позволялось.

— Понятно... Путилин при Трепове поднялся, поэтому так к этим делам равнодушно относится. Трепов за годы своего градоначальства украл три миллиона рублей — и ничего... Но вернёмся к Сашке-офицеру. Он-то квартирными кражами не занимается?

— Да, эта птица другого полёта. Но мне доподлинно стало известно, что в ночь с 28 февраля на 1 марта, когда умер Маков, Сашка уходил из камеры. По очередной записке Виноградова.

Благово стукнул себя кулаком по колену и не удержался, выругался:

— Скотина! Значит, инобытия ^[7] у Беклемишева нет?

— Нет. Не готов утверждать, что именно он застрелил Макова, но в камере его в ту ночь не было до самого утра.

Благово встал.

— Вы можете подать об этом рапорт?

Скиба тоже поднялся.

— Это невозможно! Сведения получены мною от сторожа секретных камер Панибратова. Проболтался... по пьяному делу. Но Панибратов хорошо прикормлен начальником отделения и письменных показаний, конечно, не даст. В каком виде я тогда предстану? Написал бездоказательную кляузу...

— А приставы? Они могут подтвердить факт денежных поборов со стороны Виноградова. Сколько можно это терпеть?

— Господа приставы сами дерут будь здоров! Если начнётся следствие, то выяснится, что они перетаскали в сыскное суммы, много превышающие их годовое жалование. Где они их взяли? Всё с тех же мазуриков. Нет, поднимать шум никому не выгодно. Меня сделают козлом отпущения и выкинут со службы, а после полицейской — сами знаете — никакой другой службы уже не найдёшь. Все шарахаются от нас, как чёрт от ладана.

— Я вас понял. Поищем другой путь. А пока вот что, Максим Вячеславович. Не желаете ли перевестись в Департамент государственной полиции? Имеется вакансия чиновника по особым поручениям шестого класса.

— Почту за честь, Павел Афанасьевич! А то уж никаких сил нет смотреть, что у нас в сыском отделении творится, и ничего поделать не могу!

— Вот и договорились. Я сегодня же подам записку фон-Плеве о замещении должности; надо усилить кадром третье делопроизводство. И спасибо вам за важные сведения.

Глава 4

Рупейто-Дубяго и его колбасник

Выполняя поручение Благово, Лыков отправился на встречу с Демидовым, князем Сан-Донато. Адресат перехваченного Маковым письма жил в роскошном фамильном особняке на Сергиевской улице. Несметный богач оказался рыжим весноватым мужчиной средних лет с отёчным лицом и высокомерным взглядом.

Дабы беседа удалась, Алексей взял с собой коллежского советника Фланша, курировавшего в департаменте «Священную дружину». Фланш представил Лыкова князю и приказал ответить на все его вопросы, поскольку Алексей Николаевич выполняет высочайшее повеление. Демидов мигом утратил весь аристократизм.

— Князь, — сразу взял быка за рога Лыков, — кто такой Рупейто-Дубяго?

— Это бывший наш агент, брат восьмой степени. Кличка — Московский Баранчик.

— Странная какая кличка...

— Ну, это из представлений про Петрушку, вы же помните?

Лыков действительно вспомнил. Любимый герой уличного театра, наглый и дерзкий Петрушка, бил лакея, купца и даже полицейского. И вот, когда он уже совсем терял от безнаказанности чувство меры, из-за кулис появлялось загадочное могучее чудовище — Московский Баранчик — и сжирало негодяя.

— Зловещее получается прозвище. Он что, за палача у вас был?

— Навроде того. Напугать кого следует, приструнить. Жутковатый дяденька. Среди нас, белоручек, он выделялся: его ничего не стесняло. Опасный человек.

— Как же вы такого — и в дружину?

— Эти люди бывают весьма полезны в определённый момент! Рупейто — человек дела. Я, или Бобби Шувалов, или князь Щербатов — это тоже всё лигеры^[8] — мы же сами не можем быть палачами! У нас, извините, духу не хватит; да и не умеем мы человека убить. А с террористами церемониться нельзя. Хватит уже — доцеремонились! Вот и призвали в братья нескольких таких, кому в обществе руки не подашь, зато им можно поручить грязные работы.

— Что конкретно он у вас выполнял? Из грязного...

Демидов замялся.

— Ну... вы же знаете, чем всё кончилось. «Священная дружина» распущена, а деятельность её признана государем... э-э-э... как бы помягче сказать... Действительно, ничего конкретного мы совершить не успели. Или не сумели. Создали отделения в 30-ти городах России и три заграничных: в Париже, Вене и Берлине. Отделения были даже и весьма многочисленные; в московском, к примеру, состояло более 15 000 человек!

— Ну, это всё дармоеды; вы мне о делах расскажите.

— Мы, например, организовали в столице патрулирование улиц, по которым проезжает государь! Семь главных улиц. Были старшие над улицами, которые постоянно наблюдали прохожих, и всё такое прочее...

Лыков, как профессионалист, при этих словах только усмехнулся:

— По проспектам, значит, прогуливались? Ну, дело хорошее, для здоровья полезное. А ещё что?

— Да так, собственно, и всё... Газету в Германии выпускали, проправительственную. Некоторые из наших собирались поехать в Женеву, вызвать там на дуэль и убить Бакунина с Тихомировым.

— Не поехали?

— Не поехали.

— Московский Баранчик под вашим началом что-нибудь совершил?

— Не припоминаю такого. Денег, правда, подлец, извёл много, и всё безотчётно. На оружие, на съём конспиративных квартир, на завербование агентов среди революционеров.

— Много на вербовал?

— Ну, что вы, господин Лыков; кого он там мог на вербовать! Так, перевод средств. Приходили от него пару раз какие-то странные люди, брали аванс и более не появлялись. Лица ещё у них были синие, с отливом. А потом я из дружины ушёл. Когда понял, в какую карикатуру всё наше движение выливается, сдал дела и ушёл.

— Давно ушли?

— Прошлой осенью ещё.

— С тех пор с Дубягой дел не имели?

— Не имел. Избави Боже!

— А откуда он вообще взялся? Кто его привёл в дружину?

— Раздобыл его откуда-то сенатор Шульц, последний управляющий Третьим отделением. Патентованный мошенник! Такого же и привёл... Кажется, Рупейто был у него в отделении негласным агентом. А почему, Алексей Николаевич, Департамент полиции вдруг заинтересовался этим

субъектом?

Лыков вынул из кармана письмо, обнаруженное в тайнике у Макова, и протянул его князю:

— Узнаёте почерк?

— Кажется, его...

— Что это за история с купцом, которого Дубяго предлагает вам «потрясти»?

Демидов дважды перечитал письмо и вернул его затем сыщику.

— Собственно этого письма я не получал. Где вы его взяли?

— В тайнике у бывшего министра внутренних дел Макова.

— Это который давеча застрелился?

— Да.

— Он ведь в последней должности состоял министром почт и телеграфов! Перлюстрация?

— Разумеется. Но что насчёт купца? Вы сказали, что не получали именно этого письма. Получили другое?

— Да, и сразу его уничтожил. Но суть предложения была та же самая: есть купчина, который якшается с революционерами, хорошо бы его прижать.

— Фамилию купца Рупейто-Дубяго называл?

— Нет; указал лишь, что это рогожец.

— Возраст, характер торговли, место жительства?

— Нет, более ничего.

— Что же вы ответили вашему Баранчику?

Демидов смутился.

— Я ушёл от конкретного ответа. Написал, что помочь в защите от полиции не могу, но желание наказать купчишку понимаю.

Лыков опешил, затем сощурился и посмотрел на князя очень внимательно, как доктор на пациента.

— Это можно было расценить, как ваше согласие на экспроприацию?

Сан-Донато раскис окончательно.

— Нет, конечно же нет! В крайнем случае оно смахивало на моральное одобрение, но никак не на санкцию.

— Игра слов, князь. Вы не запретили акт, а всё остальное — игра слов. Как вы, аристократ и бывший офицер, могли поступить столь... легкомысленно?

Демидов помолчал минуту, потом спросил, не поднимая головы:

— Что стало с этим человеком? Рупейто убил его?

— Этого мы не знаем. Департамент только начал расследование. Когда

вы в последний раз видели Московского Баранчика?

— Тогда же, когда сдавал дела по дружине: прошлой осенью. Но почему вы так взялись за него? Даже не знаете, перешёл ли Рупейто от слов к делу. Подумаешь — три строчки в письме годовой давности! Наверняка всё осталось как было.

— Возможно. Но Макова застрелили два дня назад. В собственном кабинете, инсценировав самоубийство. И искали какие-то бумаги.

Демидов сделался блее мела.

— Но ведь Маков покончил с собой! Из-за взяток — это всем известно!

Титулярный советник встал.

— Господин Демидов! Как вам известно, я действую во исполнение высочайшего поручения. Маков погиб насильственной смертью, и в этом нет никаких сомнений. Государь повелел найти и арестовать убийцу. Версия о самоубийстве оставлена, чтобы не возбуждать в обществе лишние толки. Кроме того, преступники успокоятся, и их легче будет изловить. Вы понимаете, что должны оказать мне полное содействие? Полное!

— Да, да, разумеется! — Демидов тоже поднялся, смотрел в глаза сыщику преданно и немного подобострастно. — Я мало что знаю, но расскажу всё. Рупейте около сорока лет, по виду он бывший офицер из армейской кавалерии. Я виделся с ним всего четыре или пять раз! Где он живёт и чем занимается — не знаю; он очень скрытен. Кажется, имеет какие-то связи в полиции; возможно, они остались от Третьего отделения. И ещё у Рупейто есть колбасник.

— Колбасник?

— Ну да, ходит за ним повсюду, как Санчо Панса. Жуткий типаж! Атлетического сложения, но какого-то гориллообразного: огромная грудная клетка, длинные руки при среднем росте, а мышцы с него прямо свисают! Парень работал на колбасной машине — сами понимаете...

Лыков знал, о чём говорит князь. В колбасных заведениях используют особые ручные машины, которые режут куски мяса в мелкий фарш. Собственно машина весит несколько пудов; в неё наваливают еще 4–5 пудов мяса, и двое дюжих парней начинают двигать скрытыми внутри ножами. На весу, над тазом, постоянно встряхивая аппарат... И так десять часов в день почти без отдыха. Через несколько месяцев такой работы парни набивают себе мускулы, какие не снились и Гераклу. В кулачные бои колбасников не брали — могли убить сгоряча, а в уличных драках их боялись даже ломовые извозчики.

— Имя этого богатыря не помните?

— Нет, я видел его только на расстоянии. Но впечатляет до печёнок. Лба, почитай, что нет, зато плечи просто невообразимые. Он должен быть чудовищно силен! И очень предан Дубяге.

— Есть кто-нибудь из бывших членов «Священной дружины», кто может добавить что-то о Московском Барашке?

— Да, такой человек существует и, возможно, он знает больше меня. Это полковник Смельский, начальник Красносельского военного госпиталя. Он в течение года заведывал у нас всей петербургской агентурой, и в этом качестве часто общался с Дубягой. Всеволод Никандрович опытный полициант: перед турецкой войной он служил помощником начальника Отделения по охране общественного порядка и спокойствия при Петербургском градоначальстве. Брат пятой степени, личный номер — 136. Состоял членом Исполнительного комитета дружины, но был уволен. После того, как подал записку.

— Что за записка?

— О необходимости реорганизации работы «Священной дружины». И об упорядочении пользования её денежными средствами.

— Теперь понятно! С таким человеком мне, действительно, следует повидаться. Что, Смельский руководил агентурной деятельностью Баранчика?

— Пытался первое время. Баранчик, видя, что полковника на мякине не проведёшь, стал обращаться через его голову напрямую ко мне и к Бобби Шувалову. Из тех соображений, что мы менее сведущи в организации охранительных мероприятий.

— Граф Шувалов — адъютант великого князя Владимира Александровича и полковник лейб-гвардии Гусарского полка, — пояснил молчавший до сих пор Фланш. — Он также входил в Исполнительный комитет «Священной дружины».

— Где я могу найти полковника Смельского?

— В Красном Селе, в госпитале.

И Лыков, опять в компании с Фланшем, отправился в Красное Село.

Смельский понравился ему с первого взгляда. Уже в возрасте, но ещё крепкий и подтянутый, с внимательными глазами хорошего полицейского, он странно смотрелся в тихой гавани столичного пригорода. Какая нелёгкая загнала сюда приличного человека? Услышав первый вопрос Алексея — о «Священной дружине» — полковник смутился.

— Я знал, что добром это не кончится. Ждал, что придут и спросят: «Смельский, старый дурак, что ты там делал?».

— Разве грешки какие за собой имеете?

— До этого, слава Богу, не дошло — если вы имеете в виду растраты. Меня уволили из Лиги без прощения, но к моему большому облегчению. Надоели болтуны типа Сан-Донато, и мошенники вроде...

— ...Московского Баранчика?

Полковник сразу помрачнел.

— Это вы про Рупейто-Дубяго, значит, пришли узнать? Тоже предсказуемо. Нет, тот не мошенник, а похуже. Что он натворил?

Лыков молча вынул письмо и протянул его Смельскому. Тот прочитал его и помрачнел ещё больше.

— Что с купцом? Жив?

— Этого мы не знаем. Будем разбираться.

— А князь — что он ответил Баранчику?

— Написал, что прикрытия от московской полиции не обещает, но чувства насчёт экспроприации вполне понимает и одобряет.

— Идиот! Молокосос! Это всё равно, что дать Рупейто индульгенцию.

— Облегчите мне поиски — расскажите всё, что знаете об этом человеке.

— Увы, я мало что знаю. Рупейто очень быстро стал действовать в обход меня, когда заметил, что я требую настоящей работы. Ему куда проще было дурить этих дубоголовых, демидовых с шуваловыми.

— Откуда он вообще взялся?

— Шульц привёл. Тоже проходимец первый сорт, хотя и сенатор. Я ещё в градоначальстве от него терпел. Казнокрад и мелкий жулик!

— Опишите наружность Дубяги.

— Роста моего: два аршина восемь вершков.^[9] Телосложения крепкого. Волоса тёмно-рыжие с сединой. Глаза зелёные навывкате. Лицо нечистое. На правой щеке родимое пятно размером с полушку. Усы офицерские. Нос прямой, обыкновенный. Уши удлинённые с закруглённой мочкой. Рот обыкновенный. Когда нервничает, грызёт ногти... Что ещё? Овал лица немного ассиметричный книзу. Любит одеваться с шиком, но очень безвкусно, словно антрепренёр. Впечатление производит неприятное. Обманчиво недалёк.

— Обманчиво?

— Ну да. Знаете, есть люди не умные, но по-животному хитрые. И в некоторых ситуациях весьма опасные. Весьма. Рупейто — Дубяго нельзя недооценивать: он способен на многое, пожалуй, что и на всё. Ради денег, разумеется.

— Где он служил? Он ведь бывший офицер?

— Выглядит как бывший армейский кавалерист. Ноги, во всяком

случае, кривые... Более всего напоминает кирасира.

— Но ведь кирасиры только в гвардии сохранились, армейских уж лет двадцать, как нет!^[10]

— Полки переименовали, но люди-то остались! Кирасир — это, если угодно, характер. Тяжёлая кавалерия, войска прорыва! Их и сейчас видать в любой толпе: рослые, прямые и наглые. В бою это хорошо, а вот в общезжитии — не очень. Жулики из отставных кирасиров получаюся чаще, чем из других родов войск; это уже замечено.

— Понятно. Что ещё имеете рассказать? Где Дубяго обретался до поступления в дружину?

— Бог его ведаёт... Возможно, был и в полиции. Знаете, туда охотно берут всех, кого выбросили из полка.

— Ох, знаю, Всеволод Никандрович. Из-за таких и нам иной раз руки не подают. Адреса его не помните?

— Он останавливался обычно в номерах Артамонова на Кирочной.

— Ещё что-нибудь вспомните, пожалуйста. Любовница, какого ресторана завсегдатай, имеет ли родственников — любая мелочь может быть полезной.

— Нет, извините, мы не в тех были отношениях, чтобы он знакомил меня со своим любовницами.

— Про колбасника его что имеете сказать?

— Это вы о Михайле спрашиваете? Зоологический тип. Силищи невероятной, а умишком обойдён. Зато очень предан Рупейте: порвёт по его указке любого.

— Он из уголовных или просто лихого поведения?

— Точно не скажу, бесед с ним не вёл. По повадкам, так вроде он не сидел; но тюрьма по нему давно плачет! Впрочем, я видел его всего дважды и дальше передней не пускал.

— А как к такому Мишке относились всякие светские тузы — графы и князья?

— Странно, но его присутствие лишь придавало веса Московскому Баранчику. Посмотришь на этого колбасника и сразу поймёшь: тут человек дела. Белоручкам и паркетным шаркунам нравилось, что под их командой состоит подобный оранг-утанг. И случись что, эти двое легко замараются там, где графья с князьями сдрефят. А то вон штабс-ротмистр Безобразов из кавалергардов принёс проект: он поедет в Женеву как частное лицо, там придерётся к Лаврову, вызовет его на дуэль и убьёт. Каково? Причём Безобразов состоял товарищем начальника петербургского округа «Священной дружины»! Официальное, так сказать, лицо и мой

непосредственный начальник. Ох, грехи наши тяжкие...

— Как же вы, Всеволод Никандрович, простите, в это вляпались? Вы же не те шаркуны, имеете полицейский опыт.

— На деньги прельстился, Алексей Николаевич. Грешен! Я с семьдесят пятого года занимаюсь сыском. Ещё при Трепове служил чиновником особых поручений в секретном отделении канцелярии градоначальства. Потом в чине подполковника перешёл в охранное отделение, был помощником его начальника. Ушёл с этой должности на войну. Подал рапорт добровольцем, но в сами боевые действия не попал, сунули в службу военных сообщений. Там тоже скучно не было! По окончании войны вернулся в столицу: место моё занято, в отделении новый начальник, подполковник Судейкин, переведённый из Киева... Кое-как пристроили старые товарищи сюда, в военный госпиталь, пенсион дослуживать. А тут вдруг! Вспомнили мои прежние навыки и предложили возглавить агентуру петербургского округа «Священной дружины». Такие имена! Я думал — это серьёзно, коли такие имена... Ну и кроме того жалование шесть тысяч в год плюс тысяча двести прогонных! Кто ж от такого откажется? Конечно, я прельстился. Но на полгода только и хватило моего усердия. Поначалу всё шло успешно: ввели меня в Исполнительный комитет, дали «брата 5-й степени». Начал собирать агентуру. А потом такое началось... Вспоминать стыдно. Как понял я, куда ветер дует, попробовал сначала исправить. Написал докладную записку Набольшему — это графа Воронцова-Дашкова кличка. Так, мол, и так, деньги летят без счёта, нужно сделать то-то и то-то. Конкретные предложения. Дата, подпись. И тут же выскочил обратно в госпитальные начальники. Пользую теперь увечных воинов и радуюсь, что легко отделаюсь.

— У вас остались, может быть, какие-то записки от Рупейто-Дубяго, донесения, письма?

— Нет, я всё при отставке передал Демидову, князю Сан-Донато. Но это был один мусор, он вам ничем не поможет. Нужно ехать в Москву, искать там.

Глава 5

Августейшая версия отпадает

Благово решил ковать железо, пока горячо. Всё ж таки за ним стояло высочайшее повеление, распахивающее любые двери... Если пугануть им как следует Виноградова, может, и расколется. Своя голова дороже; сдаст он Сашку-офицера — и дело раскрыто.

И статский советник поехал обратно в сыскное. Виноградов проводил допрос какого-то оборванца с подбитым глазом. Увидав вернувшегося Благово, он сразу помрачнел, выставил мазурика из кабинета, сел, сжал кулаки и спросил:

— Ну, что ещё?

— Господин Виноградов, вы представляете, что будет с вами, если выяснится, что вы препятствуете следствию? Находящемуся на контроле у его величества... С вашим-то количеством врагов!

— У хорошего сыщика всегда много врагов. Но поясните вашу мысль насчёт воспрепятствования.

— Я сейчас поговорю в телефон прямо при вас с фон-Плеве, вызову особую команду департамента, мы заберём Панибратова и он очень быстро расколется. Полагаю, и записочки ваши отыщутся, по которым он Сашку-офицера выпускал.

Начальник отделения задумался. Вид у него при этом был вовсе не испуганный, скорее, раздосадованный.

— Ладно, — сказал он спустя минуту. — Я же понимаю: если вы вцепились в хвост — уже не отстанете. Вас бы, по правде говоря, надо на моё место. Только намекните — я уйду без борьбы. Жалование очень хорошее!

— Давайте о деле.

— А может, лучше не стоит? Поверьте, я вас уважаю и желаю добра. Тут такие люди замешаны... Даю слово дворянина, что Сашка Макова не убивал; он был занят в ту ночь другими делами. И вам бы лучше не знать, какими. Обещайте мне не давать хода тому, что услышите!

— Я должен знать всё, господин Виноградов. До мелочей. И сам потом решу, как мне распорядиться этими сведениями.

Статский советник опять надолго задумался. Почему же он так спокоен? Здесь каторга светит, с лишением всех прав состояния. Что-то не

так...

— Хорошо. Если вам угодно совать свою голову под топор, не смею вам в этом мешать. Но я предупредил! А теперь вспомните полицейскую сводку по столице на 28 февраля. Департамент её получает. Сколько там было убийств?

— Сводку той ночи? Момент... Кажется, кроме смерти Макова там ещё было одно убийство. Купца какого-то. Так?

— Именно так.

— Его зарезали в трактире «Рим», в Апраксином.

— И как артистично зарезали, Павел Афанасьевич! Сидел себе купец, потреблял ботвинью с сигами. Кругом уйма народу. И тут вдруг — раз! — линнемановской^[11] лопаткой, словно топором, по сонной артерии. У всех на глазах, не тушуясь. Ударивши, убийца спокойно направился к дверям и вышел вон, никем не остановленный. Так все были поражены, что даже словесный портрет злодея не смогли потом составить! Крови натекло — страсть; я сам выезжал на место происшествия.

— А, выйдя из трактира, сей головорез отправился на Офицерскую и заселился обратно в камеру? Где никому и в голову не придёт его искать.

— Именно так.

— Вы настолько спокойно мне в этом признаётесь, господин статский советник, что, право, я обескуражен. Кто дал Сашке-офицеру приказ кончить несчастного купца?

— Терпение, господин статский советник; сейчас мы дойдём и до имён. Но сначала уточним личность убитого. Не помните фамилию из сводки?

— Смешная какая-то фамилия... Нет, достоверно не помню.

— Зелипупов, моршанский купец. Теперь понимаете?

— Зелипупов? Тот самый? — Благово стукнул себя кулаком по коленке. — Вот оно что! Ну да, конечно, тот самый. Эко вывернуло!

Уже давно, в 1869 году, в Тамбове судили секту скопцов, возглавляемую знаменитым Максимом Плотицыным. Этот обычный с виду моршанский торговец оказался, по итогам следствия, главой всего скопческого старообрядческого толка, самого богатого и самого законспирированного из расколов. Со всей России единоверцы передавали Плотицыну капиталы на развитие учения. Во время обыска полиция обнаружила подземные кладовые, доверху набитые деньгами. Дом Плотицына был подобен дворцу Аль-Рашида: по всем полкам и на подоконниках лежали в беспорядке бесценные ожерелья из драгоценных камней, золотые табакерки, перстни с бриллиантами... Всего было

конфисковано денег и ювелирных изделий на сумму более десяти миллионов рублей! На суде вскрылись факты связи сектантов со многими важными тузами, даже из высшего общества. Расколо-учитель и с ним ещё 27 единоверцев отправились на каторгу. При этом оказалось, что сам предводитель секты оскоплён не был и вёл весьма скромный образ жизни!

Позже выяснилось и другое: полиция конфисковала лишь часть скопческих капиталов. Незадолго до ареста Плотицын успел передать основные богатства своему помощнику, моршанскому же купцу Зелипупову. Последний тоже оказался под судом, но был оправдан и сделался затем новым предводителем изуверской секты. Синод довёл это до сведения государя, и Александр Николаевич лично повелел сослать начётчика в Вологду. Высочайшее повеление саботировалось несколько лет! Зелипупов вёл себя вызывательно: открыто жил в Моршанске, занимался коммерцией, наезжал и в столицы. Наконец, он в тамбовском казначействе случайно попался на глаза вновь назначенному начальнику губернского жандармского управления полковнику Новицкому, который шуток не признавал. Обнаглевший купец оказался — таки в Вологде. С тех пор прошло десять лет, в течение которых Благово ничего не слышал о Моршанском Аль-Рашиде. И вот теперь Сашка-офицер зарубил его в питерском трактире линнемановской лопаткой!

— Что, вологодская ссылка уже закончилась?

— Давно! Скопцы выкупили его у Макова за сто тысяч.

— Кто же велел убить Зелипупова? Как я понимаю, Сашка получил заказ через ваше посредничество, а вам велено было помогать.

— Истинный крест, Павел Афанасьевич. Всё расскажу, не сомневайтесь. Ведь в этом имени — моё спасение! Вы, как и пожелали, узнаете полный расклад — и после этого оставите меня в покое.

— Настолько в этом уверены?

— Настолько, настолько. Дело в том, что Зелипупов много лет ссужал деньгами... великого князя Михаила Николаевича. Ещё когда тот был наместником на Кавказе. Ссуды августейший должник, разумеется, не возвращал, но оказывал за это обер-скопцу своё покровительство. В том числе прикрывал и от полиции. При прежнем государе, своём брате, Михаил Николаевич ничего не боялся. Тогда сосланным на Кавказ «христовым голубям» был просто рай: никто их не трогал, все знали: хозяин не велит! Но государь сменился и Зелипупова взяли наконец за пищик^[12]. Он и давай козырять именем великого князя: расписки показывать и даже частные письма. Отстаньте, говорит, а то нажалуюсь на вас самому! Сыщики же только смеются. Жалуйся, говорят, старый мерин,

а только Александр Третий не то, что Второй. Он таких вещей не терпит; будет на орехи и тебе, и великому князю. И верно: пришёл к Михаилу Николаевичу судебный следователь и стал вопросы задавать. Представляете? Вежливо, но вопросы-то всё неудобные. Нашего фельдмаршала чуть от такой наглости кондратий не хватил. Он было на дыбы: как ты смеешь, мальчишка, я тебя в порошок сотру... Побежал к царствующему племяннику, а тот говорит: перед законом, дядя Миша, мы все равны и я тоже. Чтобы принял ещё раз следователя и ответил на все вопросы! В итоге ко мне явился генерал-адъютант Софиано.

— Леонид Петрович?

— Так точно. Товарищ генерал-фельддехмейстера^[13], правая рука Мишутки не только по артиллерии, но и по всяким более интимным делам. Ловкий господин! Софиано передал мне просьбу своего августейшего патрона: заткнуть Зелипупову рот. Я подумал — и предложил, так сказать, радикальный способ. Как раз у меня Сашка-офицер об эту пору под боком был. Великий князь, как мне передавали, спервоначалу ужаснулся. Помоему, так просто денег жалел: Сашка запросил пятнадцать тысяч. Но скопец всё не унимался, и начал давать уже весьма откровенные показания под роспись. Ему ничего другого и не оставалось: скопцов теперь не на тёплый Кавказ ссылают, а в Якутскую область... Словом, согласие и деньги были получены, дело — сделано. Если бы не вы, Павел Афанасьевич, так бы всё и осталось шито-крыто. Скажите — правда за правду — как вы узнали? Это вам Скиба сказал?

— Кто таков этот Скиба? — не моргнув глазом, ответил Благово. — В свидетели пойдёт?

— Или Миронович? Тот тоже подлец известный.

Сыщики помолчали. Благово, признаться, был обескуражен услышанным. Дядя государя, председатель Государственного совета, генерал-фельдмаршал — и заказчик наёмного убийства. Что теперь делать с такими сведениями? Виноградов смотрел на него с усмешкой и почти сочувствием.

— Да не забивайте себе голову, Павел Афанасьевич! Доложите всё Плеве, а он пусть решает.

— Плеве не полезет в такой вопрос.

— И правильно сделает! Плодить себе недругов из великих князей... Таких дураков нет. Он доложит министру. Тот на себя тоже не возьмёт. Я вам расскажу, как дальше сложится. Граф Толстой не решится докладывать государю такое мутное дело, а поедет на Миллионную, 19^[14]. И там они...

что? правильно! обо всём договорятся. Я никаких показаний, извините-с, не дам. Сашка-офицер примет убийство на себя — мстил-де за честь поруганной сестры — и пойдёт на каторгу, откуда вскорости и сбежит. Крайним окажется мелкая сошка Панибратов. Он во всём сознается: да, выпускал душегуба на одну ночь за мзду, ешьте меня с кашей... Его выгонят со службы, а Михаил Николаевич в награду пристроит верного человечка. Каким-нибудь смотрителем в своё имение Боржом. В жаловании Панибратов существенно выиграет, и от столиц будет далеко. Кому от вашего дознания повезёт, Павел Афанасьевич, так это ему!

— А вы?

— А я... останусь начальником сыскной полиции. И вы ещё не раз по службе будете со мной соприкасаться. Обещайте же не смотреть тогда волком!

И Виноградов весело рассмеялся.

Раздосадованный Благово ушёл не прощаясь. Будто дерьма наелся! Разумеется, всё получилось именно так, как предсказывал главный столичный сыщик. Павел Афанасьевич доложил полученные сведения Плеве и тот без раздумий приказал ему расследовать две оставшихся версии убийства Макова. А этой больше не касаться.

Глава 6

Взбаламученное болото

Смерть Макова вызвала в столице очередную волну пересудов. 1 марта днём в Петропавловском соборе состоялась панихида по умершему 27 февраля бывшему канцлеру Горчакову, в присутствии императора. Благово по должности обязан был на ней присутствовать. В парадном мундире с чёрным крепом на рукаве он обошёл несколько знакомых семейств: Новосильцевых, Глинку-Маврина, Волковых — все говорили только о Макове. Несчастный канцлер, всеми забытый, никого более не интересовал, а тут такое событие... Павел Афанасьевич внимательно выслушивал сплетни — он знал, что в расследовании всё может пригодиться.

Оказалось, например, что смерть бывшего министра уже успела породить скандал. Лев Саввич до последнего оставался членом Государственного совета. Председатель его, великий князь Михаил Николаевич, письменно запросил обер-прокурора Синода Победоносцева: должно ли оказывать покойному какие-либо почести? Тот немедленно и категорично ответил запиской, что никаких (на что же рассчитывать самоубийце и взяточнику?) Такое же мнение устно высказал и государь, тогда ещё не извещённый, что Маков ушёл из жизни не по своей воле. Однако помощник статс-секретаря Гартман по собственной инициативе разослал всем членам совета повестки на панихиду по их товарищу. Пришлось Половцову, как секретарю, отменять эти повестки и отсчитывать своего излишне ретивого подчинённого.

Общество нимало не сомневалось, что Маков застрелился, спасаясь от надвигающегося ареста и позора. Слухи о его огромных растратах в бытность министром всё множились; назывались уже баснословные суммы. Кроме казнокрадства, покойнику приписывали ещё и многочисленные взятки со старообрядцев запрещённых толков.

Вечером 2 марта Плеве вызвал к себе Благово и передал ему собственноручную записку государя, адресованную княгине Юрьевской. В ней Александр Александрович повелевал безутешной вдове немедленно вернуть в Россию украденный ею дипломатический документ. А также ответить на все вопросы статского советника Благово, которые тот сочтёт необходимым задать. Вместе с запиской Плеве вручил Павлу Афанасьевичу заграничный паспорт и билет до Парижа.

— Вячеслав Константинович, в соборе давеча много говорили о маковском казнокрадстве. Насколько эти слухи справедливы? Его действительно ожидал арест?

— Со дня на день. Вы знакомы с тайным советником Перфильевым?

— Это со Стёпой? Лично, слава Богу, нет, но говорят о нём исключительно плохое.

— Степан Степаныч действительно легендарный мошенник. Он друг покойного, и был при Макове-министре директором канцелярии МВД. Основные хищения совершались именно там; достоверно установлена пропажа 380 000 рублей. Перфильев воровал и делился с Маковым, а тот его прикрывал. Следователь уже получил ордер на арест Лёвы, как вдруг такое дело.

— Со смертью Макова расследование о хищениях прекратится?

— Оно стало невозможным. Перфильев валит всё на министра, а того уже не спросишь.

— Стало быть, Степан Степаныч много выиграл от смерти Макова?

Плеве вскинул голову:

— Вы полагаете?

— Старая истина: ищи, кому выгодно.

— Хм... Об этом я не подумал. Ещё одна версия, ничуть не хуже прочих. От такого подлеца всего можно ожидать.

— Когда Макова в восьмидесятом году заменил Лорис-Меликов, Юрьевская уговорила государя создать специально для него министерство почт и телеграфов. Уходя, Лёва взял друга Стёпу с собой и назначил его директором Почтового департамента. Перфильев в этом качестве имел отношение к перлюстрации?

— Нет, это противу правил. Работа «чёрных кабинетов» — важнейшая государственная тайна; официально их не существует. По всей империи таких кабинетов лишь девять: здесь, в столице, а также в Москве, Варшаве, Киеве, Харькове, Тифлисе, Вильно, Бресте и Одессе. Здешней перлюстрацией заведует петербургский почт-директор тайный советник Шор. Владимир Фёдорович — очень важная персона! Каждое утро он особым курьером в двойных конвертах пересылает выписки из вскрытой корреспонденции лично министру внутренних дел. И никому более! Я и даже Оржевский не допущены к этим вопросам.

— Откуда же тогда в тайнике у Макова взялись украденные письма? Он уже три года, как не министр внутренних дел, а найденная мною корреспонденция — полутороговой давности.

— Нынешний порядок ввёл нынешний государь. При его августейшем

родителе Маков как почтовый министр ведал в том числе и перлюстрацией. На этом, кстати, он и погорел.

— Да, я тоже такое слышал. Рассказывали, что он принёс новому императору целую связку чужих писем, желая тем ему услужить. Его величество, напротив, разгневались и Маков был отставлен, а министерство его ликвидировано. Правда, перлюстрация, как таковая, сохранилась: его величество понимает её необходимость для охранения государства.

— Просто она стала менее доступна для всяких проходимцев. Факт вскрытия частной корреспонденции не радует государя, но он согласен, что в интересах безопасности не до чистоплюйства. В прошлом году ассигнования на перлюстрацию увеличены вдвое против прежнего. Граф Толстой время от времени представляет на прочтение его величеству выписки из писем, но лишь политического характера. Александр Второй, наоборот, требовал сплетен...

— И всё-таки не складывается, Вячеслав Константинович. Маков отставлен от почтового министерства 16 марта 1881 года. А два из трёх обнаруженных у него писем датированы 82-м годом, когда Лев Саввич уже дремал в Государственном совете. Кто-то продолжал снабжать своего уже бывшего начальника чужой корреспонденцией.

— Это точно не Шор. Он держится за своё место зубами: по секретной росписи расходам, ему полагается усиленный оклад жалования. Кто-то из чиновников помельче. Видимо, ещё в бытность Макова почтовым министром они сколотили на паях предприятие по краже секретов. Потом шантажировали людей и этим зарабатывали; о Лёве ходила такая слава. И даже уйдя в Госсовет, Маков, получается, сохранил возможность читать чужие письма. Но ничего, мы отыщем того, кто ему помогал! Штат петербургского «чёрного кабинета» всего 14 человек — не спрячется.

Благово собирался уже откланяться — утром ему ехать в Париж, но Плеве всё не отпускал его. Он ходил по кабинету в некотором смущении, словно не решался заговорить. Статский советник вопросительно взглянул на начальство:

— Что-нибудь ещё, Вячеслав Константинович?

— Да. Меня попросил об этом граф Толстой, а его, в свою очередь, граф Воронцов-Дашков. Вам нужно встретиться с тайным советником Римером и получить от него некоторые инструкции. Нет, я неверно выразился: не инструкции, а сведения. Нет, опять не то...

Благово недоумённо молчал. Кто такой этот Ример? И что это за сведения, которые оказываются на поверку инструкциями? Последние

принято получать лишь от начальства, а не от посторонних тайных советников.

Плеве потёр в раздражении лоб.

— Чёрт, как же правильно назвать? Одним словом, Карл Карлович Ример — влиятельная фигура, близко стоящая к государю. Уф! Ну, если не к самому его величеству, то к людям, его окружающим. В первую очередь к Победоносцеву и Воронцову-Дашкову — эти двое сейчас заправляют всем в империи. Именно Ример придумал «Священную дружину»; идея хотя и неудачная, зато патриотичная. Я вижу, вы не согласны, но не спорьте, пожалуйста! Так вот. Поскольку ваше расследование касается этой организации, вам и следует встретиться с Карлом Карловичем. Вы получите важные сведения из первых рук, а заодно и некоторые советы о том, как надо вести это дело.

— Позвольте уточнить, ваше превосходительство, — перешёл на официальный тон Благово, — в какой мере я должен считать эти «советы» приказами? И как лицо, постороннее вертикали полицейской власти, может руководить моими действиями? При наличии высочайшего повеления...

— Я понимаю ваше раздражение, Павел Афанасьевич. Мне самому это не нравится. Но имеется приказ министра: увидеться вам с Римером и получить от него указания о рамках расследования.

— Кто он вообще такой? Никогда не слышал этой фамилии.

— Тайный советник Ример состоит членом Совета министров внутренних дел^[15]. Насколько я извещён, служба его протекала сначала в МИДе, потом по нашему ведомству. Чем он там занимался, точно не скажу, но трётся он в очень высоких сферах. Близкими конфидентами Римера являются генерал Богданович и князь Владимир Мещерский — дальнейшее, полагаю, можно не объяснять...

Благово нахмурился. Действительно, дальше можно не объяснять! Генерал Богданович состоял в том же Совете МВД, а ещё являлся старостой Казанского собора. В таковом качестве он стремился залезть в любую щель, где только пахло рублём. В средствах генерал не стеснялся и был поэтому непреходящим героем скандалов, грязных интриг и махинаций. Салон генеральши Богданович стал главным в столице центром по производству сплетен. Порядочные люди сторонились славной семейки, как чумы; проходимцы всех мастей, наоборот, всегда находили здесь радушный приём.

Ещё хлеще был второй «конфидент» Римера князь Мещерский. Происхождением из старинного славного рода, он опозорил фамилию

непередаваемой мерзостью характера. Мужеловец, не скрывающий своих противуестественных наклонностей, он издавал на казённые средства журнал «Гражданин». Это весьма обыденное и вполне приличное занятие князь сделал доходным ремеслом. Сановники из числа нетвёрдых заискивали перед ним и платили большие суммы за хвалебные в свой адрес статьи. Оппоненты же делались — через журнал — жертвами публичного доносительства. Сила князя заключалась... в его покойной сестре Марии.

Пятнадцать лет назад нынешний император, а тогда ещё наследник, влюбился в юную и красивую фрейлину Мари Мещерскую и совсем потерял голову. Как раз в это время на самом вершине решался вопрос о его женитьбе на датской принцессе Дагмар, доставшейся цесаревичу по наследству от умершего старшего брата. Александр Александрович пришёл к отцу и заявил, что не хочет жениться на датчанке. И наследником престола тоже быть не хочет. Он любит Мари, любит больше всего на свете, и желает жениться на ней и жить частным человеком. Император долго не мог понять, о чём ему говорит срывающимся голосом новый наследник. А когда понял, беседа их завершилась очень быстро. Александр Второй просто наорал на сына и выгнал его вон. Сказал: «Женишься, как велю. Думаешь, я бы не хотел жить счастливо с любимой женщиной частным человеком? А кто крест нести будет? Крест правителя огромной, нищей, всегда готовой взорваться страны. Крест человека, отвечающего за эту грозную страну перед Богом. Ох, как он тяжёл... Мне уж недолго осталось; на том свете отдохну. Тогда ты сядешь на моё место и поймёшь. Иди. У нас, царей, нет права на личную жизнь. Смирись.» И Саша смирился — он был послушным сыном. Женился на Дагмар — сейчас это русская императрица Мария Фёдоровна. Живёт августейшее семейство душа в душу, подавая всем пример для подражания. Прекрасная Мари вышла замуж в том же 1868 году за миллионщика Демидова и через год умерла родами. Александр Александрович до сих пор, говорят, хранит на дне своего сердца память о ней. И хотя он счастлив в браке и, в отличие от своих блудливых отца и деда, не ходит на сторону, первая любовь свята... Поэтому Владимир Мещерский, сколь бы гнусен лично он ни был, находится под высочайшим покровительством. И может себе позволить всё, что угодно. И позволяет! Благово не видел ничего предосудительного в издании за казённые деньги патриотического журнала. Надобно бороться за умы, иначе всё профурсим. Вот только человек, которому власть доверяет столь деликатное дело, должен быть чист. А на Вово Мещерского вот опять уголовное дело завели по обвинению в непристойной связи с трубачём

Московского полка. Какой уж тут патриотизм...

Итак, приятель двух негодяев и при этом посланник всесильного министра двора желает с ним побеседовать. И передать ряд советов. Точнее, приказаний. А министр внутренних дел и директор департамента, непосредственные начальники Благово, не сочли возможным отстоять законный ход расследования. Передали статского советника в чужие, при этом весьма грязные, руки, и умыли свои. Что ж, придётся встречаться, а там поглядим.

Как оказалось, тайный советник Ример уже подошёл и дожидался в секретарской, пока Плеве обработает своего вице-директора. Вячеслав Константинович лично открыл дверь, впустил гостя, а сам вышел, сказав:

— Я на десять минут схожу к телеграфистам.

Карл Карлович Ример оказался низеньким сухеньким мужчиной десятью примерно годами старше Благово. Бритое надменное лицо, взгляд умный, злой и, так сказать, сановитый... Достоевский написал про таких: «болезненное высокомерие». Тайный советник с порога пытался обозначить, кто тут главный.

— Господин Благово, вам передали о директивности нашей беседы?

Статский советник молча, с достоинством, кивнул. Глаза Римера сделались ещё злее.

— Вам, как я вижу, это не нравится? Угодно формализоваться?^[16]

— Поглядим, как дальше пойдёт, — небрежно ответил Благово.

Ример прошёлся в задумчивости по кабинету и, как бы невзначай, сел за директорский стол. Павел Афанасьевич иронично хмыкнул и уселся в кресло напротив, положив ногу на ногу.

Несколько секунд тайный советник смотрел на статского, словно решая, как ему вести себя далее. Потом резко спросил:

— Быть может, вас поменять? И по этому делу, и вообще по должности? Строптивы уж очень...

— Попробуйте. За место я не держусь. Решать о моей должности, правда, не вам, любезный; на то соответствующие люди есть.

— Вы и вправду такой незаменимый?

— Спросите у начальства.

— Да уже спросил. Говорят, кроме вас, никто более не справится. А насчёт «соответствующих людей», так именно они меня и прислали. Они и решают. В том числе, на основе моих рекомендаций. Так что учтите, господин статский советник: если вы мне не угодите, решение придёт очень быстро!

— Вот уж что я совершенно не намерен делать, так это угождать вам.

Говорите дело; у меня мало времени. А что там потом решат на ареопаге, и будут ли при этом учтены ваши рекомендации, мы узнаем позже.

— Не понимаю вашего упрямства! — в крайнем раздражении проговорил Ример. — Вам должны были сообщить, что я уполномочен давать вам любые указания!

— Эка хватил! — присвистнул Благово. — «Любых» указаний мне, столбовому дворянину, не может давать никто, даже государь. И уж тем более не таинственные посланники с загадочных верхов. Вы дело-то говорить будете? Иначе я сейчас откланяюсь... Чаю надо купить в дорогу. С бубликами. А если тон мой не нравится — так подите вон! Жалуйтесь кому хотите.

Ример пожевал молча губами, разглядывая дерзкого собеседника. Тот сидел совершенно равнодушный; было видно, что ему действительно наплевать на все угрозы.

— Ну хорошо. Я действительно доложу в инстанциях о вашем поведении, но пока попробуем продолжить беседу. Как вам видится её продолжение?

— Вы вежливо, без угроз и зубовного скрежета, излагаете мне то, что хотите изложить. Я столь же вежливо вас выслушиваю. Буде мне что-то не понравится в ваших, как вы их называете, инструкциях, я сношусь со своим начальством — выполнять ли мне их? Ежели что-то не понравится очень — выполнять не буду, кто бы ни приказал.

— Тогда вам придётся покинуть службу!

— Безусловно, — согласился Благово, — поеду в Мариенбад почки лечить.

— Хорошо, попробуем сойтись на вашей платформе, — миролюбиво кивнул Ример. — Я, с вашего разрешения, начну с разъяснения моего в этом деле участия.

— Сделайте одолжение.

— Начатое вами, господин Благово, расследование убийства Макова выводит вас на недавно закрытую «Священную дружину». Так?

— Так.

— Дело в том, что мы с графом Владимиром Илларионовичем Воронцовым-Дашковым являемся её, так сказать, изобретателями.

— Сомнительные лавры, — хмыкнул статский советник.

— Не торопитесь. Сама идея была верной. Лечи подобное подобным! Террористы не стесняются стрелять из-за угла или взрывать исподтишка динамитом, а полиция всё законы перечитывает: как бы чего не нарушить! Из-за этого и не уберегли помазанника Божиего, Александра Освободителя.

Не согласны?

— По совести, в ваших словах есть доля правды. Успешно бороться с людьми, не имеющими никаких принципов, можно только... хгм... имея очень широкий инструментарий. Это давняя моральная проблема всех порядочных правоохранителей: где остановиться? какой ценой ты готов получить результат?

— Вот видите, мы кое в чём, и очень важном, уже сошлись! — обрадовался Ример — Сейчас обсудим вопрос, да может, и обо всё договоримся. Но я продолжу.

Собственно, идея создания дружины принадлежит лично мне. Я убедил в правильности её графа, а тот уже занялся самым созданием тайного общества. С ведома и полного согласия его величества. Там было две главные цели. Первую я вам уже изложил: расширить, как вы изволили выразиться, инструментарий борьбы с террористами. Вторая цель — вовлечь в эту борьбу здоровые силы всего общества, не оставлять её только одной полиции. Полагаю, и здесь вы со мной согласитесь.

— Разумеется. Общество, в котором стыдно быть патриотом, но модно — либеральным болтуном, обречено на крушение. И никакая полиция его не спасёт.

— Павел Афанасьевич! — Ример вскочил с кресла, обежал письменный стол, их разделяющий, и остановился перед Благово. — Это же полное совпадение в главном, в принципах! Я ошибался в вас; примите мои извинения за тон, в котором я начал беседу.

— Бог с ним, с тоном, давайте о деле. Согласитесь, Карл Карлович, что ваши идеи, будучи верными по сути, оказались извращены. Что за сброд вы, простите, набрали для исполнения столь тонких и ответственных задач!

Ример вздохнул и сел напротив.

— Да, я рансеньирован.^[17] Это чисто русская беда. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Как тараканы из щелей полезли вдруг такие личности, что просто диву даёшься!

— Вроде Рупейто-Дубяго?

— Вроде Рупейто-Дубяго. Я встречался с ним один раз, но мне хватило. Этот может и ограбить, и зарезать, а дружина ему нужна только для прикрытия. Не исключаю, что Макова застрелил именно он. Поэтому все передаваемые мною инструкции — давайте назовём их просьбами, чтобы вам было легче — сводятся лишь к одному: действовать деликатно! В составе «Священной дружины» состояло немало благородных людей с честными намерениями; взять хоть бы композитора Чайковского! Нельзя их отталкивать. Второй раз таковых уже не собрать, если сейчас публично

раскрыть имевшиеся в практике перекосы. Ведь цели проекта были исключительно патриотическими. Защитить жизнь нашего обожаемого монарха — кто под этим не подпишется? Только негодяи.

— То есть, мы с вами сейчас говорим только о деликатности?

— Фактически, да. Любая огласка о таких типах, как Дубяго, оттолкнёт наших союзников. И очень будет на руку нашим противникам. Просьба о деликатности и особой секретности производимого вами расследования исходит от упоминаемых мною патриотов, обеспокоенных разбродом в обществе. Мы объединены идеей благоденствия России под сенью самодержавной монархии. В число нас входят и министры, и некоторые великие князья, и много крупных сановников. Сотрудничая с нами, вы будете обеспечены благосклонным вниманием высших властей и, как следствие, успешной карьерой.

Заметив тень на лице Благово, Ример тут же оговорился:

— Понимаю, что для вас, Павел Афанасьевич, важен не личный успех, а здоровье государственного организма; но ведь одно другому не мешает!

— Хорошо. Первую просьбу-инструкцию я понял. Я должен держать вас в курсе расследования и согласовывать с вами свои действия. Так?

— Истинно так, и, пожалуйста, без обид. Одно дело делаем!

— Ещё что?

— Вторая просьба-инструкция касается княгини Юрьевской. Она ведь тоже фигурирует в вашем расследовании?

— Да, одна из версий связана с ней.

— Протокол с французами?

Благово промолчал.

— Я рансеньирован и об этом, Павел Афанасьевич. Министр Гирс в панике, а государь в гневе. Вы ведь выезжаете в Париж для встречи с нею?

— Точно так.

— Пославшие меня люди и здесь весьма не желают огласки. Эта бесчестная женщина хорошо понимает щекотливость созданного ею положения и фактически шантажирует государство! Занимается этим княгиня уже давно. Издала во Франции книгу о покойном венценосце, своём муже, полную интимных подробностей. Встречается с журналистами, а французские журналисты — это не наши, они напишут любую грязь, лишь бы продать тираж. Бог знает, на что ещё способна эта жадная дура... Я уполномочен сообщить вам следующее: государю стали известны все её секретные счета. Наш посол в Лондоне граф Шувалов, бывший шеф жандармов, использовал свои давние связи. По личному повелению его величества он провёл расследование и обнаружил в банках

Германии и Франции вклады Юрьевской на общую сумму более 5 000 000 рублей. Откуда у неё такие деньги? Александр Второй завещал ей (Ример вынул из кармана каюю-то бумажку и справился по ней) 3 302 970 рублей. Ещё 100 000 она получает ежегодно из казны как вдова императора. А остальное как заработано? Конечно, это взятки, полученные княгиней в то время, когда она торговала концессиями и должностями, пользуясь своей близостью с государем. По совести, их бы надо конфисковать и вернуть на родину. И влияния русского императора достаточно, чтобы заставить власти Германии и Франции совершить со счетами Юрьевской подобную операцию. Вы должны передать ей это и категорично потребовать украденный документ — иначе останется без копейки!

— Вы передаёте мне августейшее повеление? Через кого именно вы его получили?

— Не через кого, Павел Афанасьевич, а от кого. Я услышал это из уст самого государя два часа назад. Он просил передать также, что надеется на вашу опытность.

Благово встал, вытянул руки по швам:

— Приложу все силы, дабы оправдать доверие его величества!

Глава 7

Разговор в карете

На этом беседа с загадочным господином завершилась, и Павел Афанасьевич направился к себе на квартиру собираться в дорогу. Неожиданно на подъезде министерства его окликнули. Незнакомый человек кивнул на стоящую поодаль карету с зашторенными стёклами и протянул статскому советнику визитную карточку.

— Не считите за труд поговорить. Всего несколько минут!

Благово развернул карточку к свету и с изумлением прочитал: «Граф Лорис-Меликов Михаил Тариелович». Вот так интрига! Бывший министр внутренних дел и всесильный «диктатор сердца» при Александре Втором, фактический регент России. Хитрый армянин едва не протащил при обезумевшем от любви прежнем императоре конституцию, и только воцарение другого Александра, монархиста до мозга костей, отменило эти планы. А то бы сегодня уже парламент выбрали! Сейчас отставной диктатор проживает в Ницце, кстати, по соседству с Юрьевской. Что привело его сюда, и зачем ему понадобился сыщик в скромных чинах?

Благово без раздумий сел в карету и она сразу тронулась.

— Вы позволите отвезти вас на квартиру? — спросил граф после того, как они представились друг другу. — А по пути и поговорим.

Благово согласился, и они неспешно покатали на Театральную. Павел Афанасьевич с любопытством разглядывал знаменитого администратора. Постарел! А ведь ему нет ещё и шестидесяти. Тридцать лет непрерывных войн на Кавказе, а затем управление вздыбленной огромной страной износили этого некогда весёлого, храброго и незлого человека. Благово, не разделяя политических взглядов Лориса, относился к нему с глубоким уважением. Настоящий боевой генерал, с золотым оружием и двумя Георгиевскими крестами. Когда террорист Млодецкий в 1880 году в упор стрелял в него, смелый кавказец не стал, как его император в похожей ситуации, убегать зайцем от пуль. Он бросился на убийцу с кулаками, повалил его, отобрал револьвер и сдал подоспевшей охране. А затем просил царя не вешать Млодецкого, как это полагалось по закону, а сохранить ему жизнь. Царь, правда, не согласился, и террориста казнили... Хитрости, конечно, Михаилу Тариеловичу, тоже было не занимать — на то и армянин. С Юрьевской сильно дружился, когда этого требовало дело;

либеральничать научился сообразно моде. Ну, да всё это прошлое...

Два умных человека ехали какое-то время молча, разглядывая друг друга, затем бывший диктатор неожиданно спросил:

— Вы сейчас с Римером беседовали?

— Да, — удивлённо ответил Благово. — У вас остались в министерстве конфиденнты?

— А вы знаете ли, что это за человек?

— Тайный советник, член Совета министра внутренних дел. Утверждает, что два часа назад беседовал с государем.

— Ример сказал вам, что именно он придумал пресловутую «Священную дружину»?

— Да. Видимо, он этим гордится, хотя я бы на его месте не стал...

— В конце 82-го года в германской прессе появился ряд очень резких статей о дружине и царящих в ней порядках. Даже не резких, а злых и унижительных для России — потому, что там излагалась чистая правда. И государство, и его высший руководитель получили ощутимую оплеуху. Моральный урон был огромным. Анонимный автор оказался на удивление хорошо осведомлён. Он привёл много деталей, смешных и часто постыдных; Россию словно бы публично высекли.

— И что?

— Автор тех статей — Ример.

— Зачем это ему?

— Эх, господин Благово, — горько вздохнул Лорис-Меликов. — Я вам скажу, зачем; а вы мне поверите? Вас аттестовали, как очень умного человека, почему я надеюсь-таки на понимание. Ример — враг нашей с вами страны. И проделал свои мошеннические уловки с целью нанести ей урон.

— Заговор? В такой замысловатой форме? Полноте, это для купцов из Охотного ряда. Предложите что-нибудь более правдоподобное.

— Поймите, — терпеливо стал объяснять генерал. — Это не моя выдумка, всё очень серьёзно. Ример человек ниоткуда. Никто не знает, где он служил и как достиг чина тайного советника. Когда я был министром внутренних дел, то затребовал его формуляр. Там одни белые пятна! Учился в Германии, служил в нашем посольстве в Англии, выполнял некие секретные поручения графа Нессельроде в бытность того русским министром иностранных дел. Надеюсь, вам не надо объяснять, что Нессельроде являлся австрийским агентом?

— Так Ример шпион?

— Нет, тут тоньше. Он — креатура некой силы, враждебной России.

— Германии или Англии?

— Кто знает... Он не любит ни тех, ни других. А какие есть ещё силы? Мировое еврейство? Смешно. Масоны? Эти просто клоуны... В нашу последнюю с ним встречу Ример сказал мне странную речь. До сих пор я над ней размышляю, а понять не могу. Он заявил, что все три европейские империи — Россия, Германия и Австро-Венгрия — это зло. От которого следует побыстрее избавиться. И что сделать это удобнее всего посредством большой европейской войны, натравив монархии друг на друга. Он, Ример, и его всесильные друзья сейчас этим и занимаются.

— Готовят европейскую войну? Фантазмагория, ваше сиятельство. Его вторая фамилия, видимо, Мюнгаузен.

— ...Ещё Ример сказал, что сегодня такая война невозможна, но через двадцать лет их неотрывных усилий предпосылки будут созданы. Три империи будут уничтожены. Этот прохвост заявил буквально следующее: мы спустим их в ватер-клозет, и пошлём следом ещё и Турцию. И тогда во всей Европе установится повальное народовластие!

— Кто такой Ример, чтобы замахиваться на таких колоссов? Бред сумасшедшего. Там интересы сотен миллионов людей, там огромный запас прочности. Почему вы принимаете всё это безумие всерьёз?

— А вам не кажется безумием отказываться России от «Союза трёх императоров»? И идти в объятья республиканской Франции, ставя себя тем самым в положение врагов Германии? Наша власть уже делает то, что декларировал мне два года назад этот космополитический гадёныш. Как по нотам! Слово мы играем его пиесу!

Благово озадаченно замолчал. Действительно, странное совпадение. Если это совпадение... Сам интересуюсь международными делами, он, как и Лорис, считал для России союз с Германией полезным. Кстати, и граф Ламздорф того же мнения, и не последний вроде бы в МИДе человек. И лично министр Гирс. Кто же тогда меняет нашу внешнюю политику, и сообразно какой логике мы переходим с немцами в контры? Начало им положил ещё Александр Второй в 1875 году, когда не позволил Германии развязать вторую войну против Франции (немцы называли её превентивной). Мотивы были чисто политические: не столько было жалко Францию, сколько нельзя было допускать чрезмерного усиления тевтонов. Бисмарк обиделся — и отыгрался на Берлинском конгрессе 1881 года, перечеркнув плоды русских побед на Балканах. Теперь уже затаил обиду наш государь и передал её по наследству цесаревичу, без того не жалующему немцев. Взойдя на трон, Александр Третий вспомнил все германские щелбаны и принялся потихоньку отворачиваться от Берлина в

поисках новых союзников. Англия в друзья традиционно не годилась, оставались галлы. Неприязнь к райху в государе подогревала императрица, датчанка по происхождению. Выполняя при этом тайное задание датского двора, весьма обиженного поражением от немцев в войне 1866 года... Ночная кукушка дневную перекукует! Ламздорф прав: между нами стоит Австро-Венгрия. Эта империя не имеет будущего, она быстро дряхлеет (также, кстати, как и турки), и скоро нам придётся делить большой балканский пирог. Через те же двадцать лет, которые пророчит Ример. Сегодня мы Германии важнее, чем австрияки: они не желают нашего союза с Францией и войны на два фронта. Между двумя императорами существуют родственные связи; Бисмарк, держащий в руках всю внешнюю политику Германии, настроен в целом пророссийски. Но если мы сейчас оттолкнём протянутую нам руку? Что будет через двадцать лет? Несчастный Гирс устал уже объяснять немцам гримасы своего бородатого императора. Когда храбрый, но безмозглый Скобелев сунулся, дурак, не в своё дело и закатил в Париже противогерманскую речь, государь вызвал его телеграммой «на ковёр». Однако вместо заслуженной головомойки «белый генерал» удостоился двухчасовой аудиенции, из которой вышел обласканный. А Катков? Столько лет кричит: «Ату немчуру! Германия — главный враг России!». Кайзер негодует, запрашивает Александра Третьего, насколько точка зрения журналиста совпадает с нашей официальной позицией — а государь демонстративно вручает Каткову Владимирский крест!

— Согласен, — сказал, наконец, Благово, — это мы с огнём играем. Побитые французики с удовольствием подставят русские головы вместо своих под германские пули. Но при чём тут какой-то паршивец Ример? Тут государь сам банкует.

— Это ему так кажется, что сам. Многое подсказывают, очень осторожно, но навязчиво. Через жену-датчанку, через схоласта Победоносцева. Меня пугает, что Ример говорит — а потом оказывается так, как он предвещал.

— Что ещё он сулил?

— Хаос в управлении страной, искусственно созданный. Проведение контрреформ, намеренно излишне жёстких, чтобы озлить общество и столкнуть его с властью. К примеру, Положение об усиленной охране, расширяющее права губернаторов и создающее условия для административного самодурства... Назначение на важнейший пост министра внутренних дел наибольшего в стране реакционера. Притеснение крестьянства. Дипломатический тупик: конфликт и с Германией, и с

Англией.

Благово ошарашено посмотрел в глаза старому генералу, тот ответил долгим, понимающим и печальным взглядом.

— Теперь поняли?

— Как по писанному... Само имя графа Толстого является олицетворением реакции — он и назначен. Положение об усиленной и чрезвычайной охране от 14 августа 1881 года уже работает во зло, при наших-то тупоголовых губернаторах. А по крестьянству, говорят, обдумывается новая система управления, полукрепостная.

— Представляете, что будет через двадцать лет таких порядков?

— Ример — масон?

— Нет, что вы. Масоны — это просто ряженые; их выставляют на передний план, чтобы скрыть настоящих кукольников. Ример как раз из последних.

— Не понимаю. Кто такие настоящие кукольники?

— Люди тайного влияния есть в каждом государстве. И их, похоже, объединяет некая общая цель, недоступная нашему зрению. Я не знаю, кому служит Ример, но вижу, что он несёт зло России. Берегитесь его и наблюдайте за ним. Если, конечно, не испугаетесь. Когда я был почти всесильным, он пытался влиять и на меня. Поняв это и не разделяя проводимых им идей, я попытался удалить этого человека. И очень быстро сам оказался не у дел. Теперь ваша очередь пробовать, на своём месте и своими средствами. Мне кажется, вы любите Россию, а «повальное народовластие» не пойдёт ей на пользу. Вы сейчас мне не верите, но присмотритесь внимательно к действиям Римера — и согласитесь со мной. Мы уже приехали. Прощайте, и будьте осторожны!

Благово вышел из кареты крайне озадаченный. Кто он такой? Подумаешь — статский советник, вице-директор департамента полиции. Мелкая, по правде сказать, сошка! Ему могут приказывать многие, а он — лишь верному Лыкову да ещё парочке делопроизводителей. Расследование убийства Макова против его воли втянуло третьеразрядного бюрократа в такие дебри, где легко и шею себе свернуть. Благово уже заочно сцепился с дядей государя, фельдмаршалом и председателем Государственного совета. Неизвестно ещё, как ему аукнется то открытие, что великий князь нанимает убийц для прикрытия тылов! Теперь вот появился «враг России» Ример, запросто разговаривающий с императором. Послезавтра Благово познакомится со вдовой Александра Второго, влезет в дипломатические тайны взаимоотношений Петербурга и Берлина. Ну как тут уберечь шею? Она всего одна, а ловушек — несчитано. И надо покамест уберечь от них

хотя бы Алексея. Послать его подальше от дворцовых тайн, ловить обычных, хорошо знакомых уголовных. Эх, Лев Саввич, растудыт-тебе бом-брам-стеньгу в одно место! задал ты нам работёнку...

Поднявшись в квартиру, Павел Афанасьевич накормил кота и принялся собирать сак. Василий Котофеевич Кусако-Царапкин ходил за хозяином по пятам и призывно урчал толстым брюхом. Лыков, стервец, в приступах сыновьей фамильярности называл могучее животное — Котово. Только статский советник вспомнил об этом, как явился его ученик с новостями о Рупейте. Они засели в гостиной за самоваром, и Алексей в подробностях рассказал полученные им сегодня сведения. Получалось, что концов почти не видать; если этот мошенник сменит документы — ищи ветра в поле...

Павел Афанасьевич не сказал Лыкову ни слова о своих встречах с Римером и Лорис-Меликовым, зато подробно изложил историю с великим князем. В заключении распорядился:

— Меня не будет пять дней. Займись пока Дубягой и его колбасником. Начни с номеров Артамонова. Кроме того, тебе непременно надо съездить в Москву. Эта парочка могла убить Макова лишь при одном условии: что до этого они прикончили упоминаемого в письме купца-рогожца. Иначе чем бы он их шантажировал? Выясни: были ли в Первопрестольной за последний год такие убийства? Телеграмму обер-полицмейстеру Козлову я утром послал, тебя ждут. За помощью, в случае необходимости, обращайся только к Плеве. Больше никому не верь! Особенно опасайся Виноградова — чёрт знает, что у него на уме. Не принимайся бы вредить... Если тебя станет искать некий Ример — уклонись от встречи. Нащупаешь где-нибудь большую политику — остановись, дальше не лезь, жди моего возвращения. Твоя задача — только Рупейто-Дубяго! И постарайся за эти пять дней никуда не свалиться, не вывихнуть шею.

Глава 8

Начало поисков

Утром следующего дня Лыков пришёл в номера Артамонова на Кирочной. Заведение оказалось хоть и не фешьоннабельным, но вполне приличным: фикусы в деревянных кадучках по всем лестницам, чистый буфет, бритые коридорные. Хозяин, хитрован-ярославец, сразу вспомнил постояльца с заковыристой двойной фамилией.

— Как же, был такой, четыре раза о прошлом годе у нас останавливался. С ним ещё, опять, парень навроде прислуги, здоровый такой! А барин занятый...

— Чем занятен?

— Ну... вроде из благородных, офицер — по осанке видать; а когда смотрит на тебя, хочется бумажник проверить. Сразу и не скажешь, что в ём не так, а насторожишься. Как на лес глянет, так и лес вянет... Неприятный жилец; радовались мы, когда они съезжали.

— Рупейто с кем-то у вас встречался? К нему приходили?

— А это у буфетчика лучше спросить. Записки, я знаю, он получал, а насчёт встреч — я сейчас Потапа позову.

Буфетчик подтвердил, что при нём Рупейто ни с кем не встречался, зато рассказал много интересного про колбасника. Они оказались из одной волости, знакомы с парней! Фамилия Мишки была — Самотейкин, и происходил он из села Поим Сердобского уезда Саратовской губернии. Место было приметное и имело зловещую репутацию, ибо являлось уже не одно столетие настоящим разбойничьим притоном.

Лыкова давно интересовал вопрос: откуда на Руси берутся разбойничьи сёла? Почти в каждой губернии таковые имеются, начальство о них знает, но ничего не может поделать. Перед самым своим отъездом из Нижнего Новгорода Благово с Лыковым разгромили подобное преступное гнездо. В селе Вершинино Сергачского уезда больше столетия безнаказанно убивали людей. Занималось этим, конечно, меньшинство, а большинство знало, молчало, а зачастую потворствовало. Полицейские на живца, роль которого исполнил Алексей, поймали одно разбойничье семейство с поличным. Следствие открыло жуткие подробности: в нескольких дворах обнаружили целые кладбища невинных жертв, а в домах — взятые с них вещи и документы. Состоялся суд, на скамье

подсудимых оказались двадцать человек. Вскрылась страшная картина круговой поруки целого преступного села, в котором убийства проезжих сделались многолетним доходным промыслом.

Таким же был и Поим. Большое и богатое селение на границе Саратовской и Тамбовской губернии: три крупорушки, шесть мельниц и маслобоен, более пятисот дворов. Две церкви! Местоположение Поима на бойком торговом тракте предопределило его разбойный характер. Как и в Вершинине, убийством проезжих купцов наследственно занималось лишь несколько семейств. У них в обычае было заметать следы, сжигая тела своих жертв в овинах. Каждый год в канун ярмарок или по их окончании в селе по ночам сгорало 5–7 таких овинов. Сельчане уже знали, для чего это делается, и тушить пожары не прибегали... Потом недорогое строение отстраивали заново, до следующей ярмарки. Вся округа догадывалась о кровавом промысле страшного села, знала и уездная полиция, но ничего не менялось десятилетиями.

Тот факт, что Мишка Самотейкин был родом именно из Поима, говорил о многом. Но буфетчик рассказал и ещё кое-что. В Литовском замке — петербургской городской тюрьме — содержался Мишкин земляк, осуждённый за грабежи, некий Пашка-Канонир. Ранее они вместе работали на бойнях на Скотопригонном дворе, и сделались приятелями. Мишка получал от Пашки из тюрьмы весточки и пересылал туда деньги. Возможно, для Лыкова здесь открывался способ разыскать колбасника.

Это было всё, что удалось выяснить на Кирочной. Закончив с гостиницей, Алексей поехал в Военное министерство. В управлении кадренного состава его ждал неприятный сюрприз: формуляра отставного офицера Рупейто-Дубяго в архиве не обнаружилось. Разумеется, человека с такой фамилией не значилось и в городской адресной экспедиции. Благово оказался прав: таинственная парочка или уехала из столицы, или легла на дно.

Поразмыслив, Алексей отправился в сыскное. Не заходя к Виноградову, он навестил хорошо ему знакомого старшего делопроизводителя отделения коллежского асессора Шереметьевского. Услышав о Пашке-Канонире, тот молча порылся в картотеке и протянул коллеге тонкую серую папочку.

— Тут всё, что есть у нас на этого расстегая. Сколь помнится, действительно сейчас сидит; возможно, что и в Литовском. Личность вполне заурядная.

В деле оказался фотографический портрет грабителя: угрюмое туповатое лицо, шея, как у быка. Звали Канонира Павел Тимофеев

Мишаркин. Крестьянин села Поим. Отслужил срочную службу в артиллерийской бригаде — отсюда и прозвище. Работал башколомом на Скотопригонном дворе, затем в колбасном заведении Каныгина там же, на Забалканском проспекте. В 82-м попался на грабеже: обобрал торгового человека на углу Обводного и Предтеченской. Оглушённая жертва лежала в канаве и Пашка-Канонир уже убежал, когда, на его беду, в улицу свернули два казака-атаманца^[18]. Увидев картину, лихие гвардейцы взяли налётчика в кулаки и доставили его в часть. Пашка получил три с половиной года исправительных работ, которые отбывал теперь в Литовском замке. Каких-либо упоминаний о его сообщниках в деле не имелось.

Делать нечего — Лыков отправился в Литовский замок.

На пересечении Мойки и Крюкова канала вот уже почти сто лет располагается странной формы угрюмое строение. Оно представляет собою пятиугольник неправильной конфигурации, с семью круглыми башнями. Над главным фронтоном два ангела держат крест — фигура эта отмечена в арестантских песнях. В замке квартировали ранее Кавалергардский полк и Гвардейский экипаж, но название он получил по третьему своему обитателю — Литовскому мушкетёрскому полку. В 1824 году солдаты из него были выведены, и Литовский замок перестроили под городскую тюрьму. Сейчас в ней 103 камеры, разбитые на 10 изолированных отделений: татебное, бродяжье, воровское, благородное и прочие; помещаются в них чуть более 800 человек. Лыкову надо было именно в татебное, куда сажали за тяжкие преступления.

Подойдя к воротам, Лыков снял фуражку и перекрестился на образ, вделанный в башню. Икона изображала Спасителя в темнице, закованным в кандалы, и потому почиталась обитателями замка. Под образом, приделанные к стене цепочками, стояли на полках три железные кружки и была надпись: «Для арестантов, Христа ради». Бросив в каждую по пятак, титулярный советник предъявил подворотному^[19] полицейский билет и вошёл внутрь.

Огромный двор тюрьмы почти весь в летнее время засаживался огородом, разбитом на отдельные палисадники. Сейчас по расчищенным от снега дорожкам кое-где прохаживались, а кое-где трудились арестанты. В самом центре двора, словно сторожевая вышка, стояла голубятня. Возле стены четверо в серых бушлатах с синими воротниками пилили дрова. (Лыков знал, что цвет этот присвоен воровскому отделению; нужное ему татебное носило чёрный воротник). Не мешкая, сыщик прошёл в угловую

башню, стоящую на пересечении реки и канала — там помещалась канцелярия смотрителя — и скоро уже сидел в просторном его кабинете.

Майор Тезавров, смотритель Литовского замка, хорошо знал Лыкова: тот частенько привозил ему важных клиентов в подследственное отделение. Крупных преступников, с поимкой которых не справлялись местные полицейские силы, поручали арестовывать специальному летучему отряду. Он состоял из чинов столичного градоначальства и Департамента полиции, примерно поровну из тех и других. Нижегородская и Ирбитская ярмарки, курорты Пятигорска в разгар сезона и Ялты перед приходом царской семьи — шерстились этим отрядом ежегодно. Лыков состоял в нём помощником начальника.

— Что, Алексей Николаич, решили нам опять чёрного народцу подбросить? — хихикнул майор, вставая при виде гостя. — Есть места, есть...

— Крепка тюрьма, а чёрт её хвалил, — в тон ему ответил Лыков. — А насчёт народца, так сейчас никого нет, а вот в апреле привезу целый вагон. Отборных! В Москву собираюсь. Там коронация готовится.

Тезавров сразу посерьёзней.

— Когда?

— С 9-го по 18-е мая. Придётся накануне почистить Первопрестольную. Мелкий сброд разгоним, а посерьёзней людишек сюда доставим, частью к вам, частью в ДЭПЭЗ на Шпалерную.

— Понял, подготовимся. Только уж, пожалуйста, не свыше пятидесяти голов, больше не влезим. А нынче за кем пожаловали?

— У вас в татебном отделении сидит Пашка Мишаркин по кличке Канонир.

— Есть такой сукин сын.

— «Наседка» в его камере имеется?

— У нас это отлажено. В каждой камере, конечно, нет, врать не буду, но во всех отделениях держим по два-три человека. А что требуется?

— У Пашки дружок есть, одного с ним села. Зовут Мишка Самотейкин. Вместе на колбасной машине работали. Вот его я и ищу. Нужны любые сведения об этом Самотейкине, а ещё хорошо бы получить записку от Канонира к Мишке, с рекомендациями. Прими, мол, подателя сей бумаги, справный малый, помоги чем можешь... Сварганите?

Майор задумался.

— Да он хоть грамотный? Чтоб записки писать.

— В формуляре сыскного отделения сказано: «читает и пишет бойко».

— Хм... У нас в татебном сидит такой Софроний Кочетков, кличка

Князь Мосольский. Тощий, как мосол, потому и кличка... Давний мой осведомитель. Среди уголовных некоторая величина и пользуется известным уважением. Эх, и хитрая шельма! Ей-бо, прямо, хоть в Сенат сажай вместо Литовского замка. Софроний этого Пашку в нужное русло, пожалуй, что подведёт. Тот ведь на бойне работал?

— Точно так.

— Князь через четыре дня выходит на поруки. Скажет, что желает к ремеслу пристроиться. Попросит письмо. А?

— Подозрительно получится. На живую нитку сшито. Пашка-Канонир чай не такой дурак!

— Пашка дурак, и как раз такой, какой надо. Супротив Кочеткова он, что ребёнок; Софроний уговорит его на любое дело. Да и не только его... А вот поверит ли сельчанин? В самом факте таковых писем ничего подозрительного нет: каждый, кто выходит на свободу, несёт на себе целый ворох разных записок, посланий. Мы же кого выпускаем, не обыскиваем. Там почта уж отлажена!

Но Лыков всё ещё сомневался.

— Давайте мы так поступим, Алексей Николаевич, — предложил смотритель. — Я князя Мосольского вызову сейчас к себе и предложу решить вашу задачку. А вы посидите в соседней комнате с открытой дверью. Пожелаете что уточнить — стукните или кашляните, я выйду. Пусть он сам скажет, что сможет, а чего не сможет; глядишь, и договоримся.

На том и порешили. Лыков засел в спальне майора, оставив дверь в кабинет приоткрытой. Через десять минут послышались шаги, а затем и сиплый голос, довольно самоуверенный:

— Срочное чево, ваше высокоблагородие? Невдругорядь ежели...

— Здорово, Софроний. Ты Пашку-Канонира знаешь?

— Близкий знакомец.

— Что за человек?

— Громила как громила. По бороде апостол, а по зубам собака. В голове, правда, реденько засеяно, но — здоров, лихоим, что медведь. Ежели захочет решётку из окна выломать — выломает, чёртушко! Колбасники все такие.

— Вот-вот. Не поминал ли Пашка в разговорах своего земляка, тоже колбасника?

— Это Мишку Самотейкина? Даже частенько! (При этих словах Лыков аж привстал со стула и начал вслушиваться с особым вниманием). Лучший его дружок. Оба из Поима Сердобского уезда; есть там такое местечко, что

не приведи Господь... Пашка говорит: Мишка этот по силе намного его превосходит. И что могущественнее его он человека не встречал. А по характеру души — настоящий гайменник^[20], со всем прибором сатана! Мишка, то есть. Вот.

— Ещё чего он рассказывал? Мне этого хорошего человека найти надо. Как его искать? Баба у Мишки есть? Квартира? На чье имя паспорт? Всё может пригодиться.

— Эдак-то надо подумать... Насчёт Пашкиной бабы скажу, что она есть, зовут Соломонидой, служит подняней где-то на Песках. Про Мишкину разговор не было, и спросить сейчас будет мне неловко: с чего это вдруг?

— Ну да, тут грубо нельзя. Ещё что вспомни.

— Хозяин есть у Самотейкина, бывший офицер. Фамилие какое-то замысловатое, из двух кусков скроено, язык сломаешь; не помню фамилие. Лихой дядя! Такие дела выворачивает, что и нашему брату впору поучиться! Вот, напримерно, у Нарвской заставы они скопца взгрели, что ссудную кассу подпольную держал. Офицер тот пришёл к скопцу будто бы вещь в заклад отдать, а как расписку писать — вынул билет сысского агента! Понятых велел впустить. Первым дворник ихний был понятым, а вторым — Мишка. Ну, и учинили реквизицию... Скопец даже жалобу в полицию не стал писать, так напугался. Опять же, кто станет ссориться с агентом? Как зачнёт ходить через день! Откупиться — первое дело.

— Ловко! — похвалил майор. — Много взяли?

— Четырнадцать больших^[21] выгребли!

— Эх-ма! — крикнул Тезавров. — Ну вы, мазурики, даёте! Это ж годовое жалование градоначальника. Ладно, дальше вспоминай.

— А вот что ещё сейчас на ум пришло, ваше высокоблагородие. Последний раз Пашка встречался с Мишкой в Кекинских домах!

— Это которые в Гавани?

— Те самые. И у Мишки была там постоянная квартира.

— Вот это молодец, хорошо вспомнил. Так! Даю тебе урок^[22]. Увидь нынче же Пашку и скажи ему: на поруки тебя выпускают не через четыре дня, а уже завтра поутру. Это неправда; оставшиеся дни посидишь в секретной, во флигеле. Но скажешь так! А у Пашки попросишь письмо... Точно он грамотный?

— Сам удивляюсь, зная его дыролобие, но читает и даже пишет! На военной службе выучился.

— Ага. Попросишь у него письмо к Мишке. Приюти, мол, подателя

сего, и пристрой к ремеслу. Так слово в слово и скажи. Имён в записке чтобы не было никаких!

Князь Мосольский долго молчал, потом глухо пробормотал:

— А как же я потом оправдаюсь?

— От чего?

— Я же не дурак, ваше высокоблагородие, понимаю, для чего такие «рапорты» пишутся. Я вам столько лет верой и правдой, а вы меня под ножи хотите подвести. Не по-божески это, ваше высокоблагородие, не по-честному.

— Да что с тобой случится? Про письмо все через день забудут.

— А не забудут! Сыскное к Мишке «демона» подошлёт с моей бумагой, заберёт его и начнёт следствие. А Мишка сразу у Канонира запросит: чего это он ему сыщика по письму подослал? У уголовных почта между тюрьмами работает исправней вашего почтамта. Моё имя-то сразу и всплывёт! Сколько я после этого проживу? Нет, не будет на то моего согласия! Не берите грех на душу, гоподин майор, я вам живой много больше пользы принесу.

Лыков стукнул при этих словах в стену. Тезавров зашёл к нему, титулярный советник шепнул на ухо смотрителю несколько фраз, тот вернулся в кабинет и сказал жёстко:

— Тебя, Кочетков, никто не спрашивает, даёшь ли ты своё согласие. Плевал я на твоё согласие! Чтоб сегодня же выдал мне нужное письмо! Иначе тебе секир-башка будет! Мишка Самотейкин в такое дерьмо вляпался, что ему, когда изловят, двадцать лет никому писать не доведётся. И в общей камере ему не сидеть, и на каторгу с партией не идти. В политику его затянул тот офицер. И светит твоему Мишке теперь одиночный номер в Петропавловской крепости, пока он там не издохнет. Дело об нём расследуется по высочайшему повелению! Чуешь, чем пахнет? Ежели я нужную писульку не представлю — быть мне смотрителем в Верхоянской тюрьме. Ну, а ежели ты не справишь, тебя, дурака, в такое место закатают, что его и на глобусе-то ещё не нарисовали. Понял, фетюн! Встал и пошёл вон! И чтоб без письма не возвращаться!

Вечером Лыков заехал на квартиру смотрителя и тот вручил ему узкую полоску серой бумаги. На ней корявым почерком без знаков препинания было написано:

«Товаришш Мишка пишет тебе твой товаришш Пашка прими етаво челавека верной челаовек со мной обок сидел чесно обогрей ево и приспособь к ремеслу».

Глава 9

Новые адреса

Обдумав как следует ситуацию, Алексей остался ею недоволен. Ну, получил он требуемую записку. Есть и наводка: Кекинские дома, в одном из которых у Мишки была когда-то квартира. И что из того? Домов этих шесть, проживают в них несколько тысяч человек, и публика всё такая, что оторви да брось... Было это не вчера. Сыщи-ка иголку в стогу сена! Главное же — сведений недостаточно. Не у того спрашивали; князь Мосольский только слухи слыхивал. Надо допросить самого Пашку-Канонира, да так, чтобы он рассказал всё до последней мелочи. Требуется вынуть громилу из Литовского замка, изолировать его на время расследования, да и самому хоть с ним познакомиться. А то спросит Самотейкин: сколько у Пашки пальцев на левой руке? А ты и не ответишь, хотя «сидел обок чесно».

В итоге утром следующего дня Лыков в синих очках и парике находился в допросной комнате канцелярии градоначальства. Открытый лист со ссылкой на высочайшее повеление, выданный ему Толстым, распахивал перед сыщиком любые двери. Поэтому ещё ночью Пашку-Канонира изъяли из камеры и безо всяких разъяснений привезли на Гороховую. Уголовные очень не любят таких внезапных загадочных перемен, пугаются их и часто слабеют духом, оказавшись в тесной одиночке. На это и рассчитывал сыщик.

Сейчас он помещался в углу на стуле. За допросным столом сидел сам заведующий секретным отделением канцелярии градоначальства коллежский советник Оконор. Обрусевший ирландец имел соответствующую наружность: рыжий, крепкий, хитрый и свирепый.

Уже в семь часов утра Пашку подняли, не дали даже воды испить и повели на допрос. Конвой, согласно приказанию, обращался с ним подчёркнуто грубо, как с совсем пропащим. Втолкнули несчастного налётчика в кабинет едва ли не пинком, поставили под лампу и первым делом приказали раздеться до пояса.

— Это зачем же? — робко пытался поинтересоваться Пашка. Получил немедленно в ответ затрещину и торопливо стянул рубаху, обнажив могучий торс колбасника. Да, отчаянные казаки попались ему тогда на Предтеченской, экую гориллу повязали...

Лыков внимательно всматривался в уголовного, стараясь получше запомнить его наружность, манеру держаться, речевые особенности. Пальцы у Пашки на руках все оказались на месте, а вот под правым лёгким обнаружился шрам, похожий на след от ножа. Правая кисть в порошинках, вьевшихся под кожу; возможно, обожгло в военной службе. Волнуется, но не испуган, скорее, озадачен. Есть от чего: заурядный «дергач» спокойно отсиживал положенный срок — и вдруг... Выдернули ночью из замка, куда-то привезли, пробуют теперь взять на шарапа^[23]. Насколько его хватит? Лыков знал из опыта, что у уголовных считается неприличным сразу ломаться на допросах. В конце концов сдаются все, но, как бы по молчаливому уговору с полицией, от последней требуется предпринять ряд усилий. Одним достаточно пары зуботычин, других приходится сечь до полусмерти — это уже глядя по характеру. Фартовому, которого допрашивают, легче капитулировать перед следствием «с боем». Вот, мол, не сразу раскололся, заставил вас, фараонов, попотеть! Каков же Пашка?

— Ну, что, Мишаркин, будешь сразу отвечать, или гонор твой сначала удовлетворить? — грозно нахмурил огненно-рыжие брови Оконор.

— Так что, ваше высокоблагородие, смотря об чём будете спрашивать, — не без апломба ответил арестант.

— Приятель твой Самотейкин попал в переплёт. Дело очень нехорошее, политическое. Сам государь держит его на карандаше, так что деваться нам некуда, нужно его сыскать. Не получится его не сыскать, понимаешь? Шкуру спустят и с тебя, и с меня. Мне моей шкуры жалко. Твоей — нет. Решай сам.

— Так чего решать-то?

— Говорю тебе, дураку: надо нам Мишку Самотейкина найти. И офицера его, Дубягу, тоже. Поможешь — послабление получишь; не pomoжешь — не взыщи. В порошок сотру и в ретирадное высыплю... Говори, где его искать? Адреса, приятели, родня, любовницы — всё годится. Ну?

— Так что, ваше высокоблагородие, на то, конечно, воля ваша. Чтобы над беззащитным арестантом измываться, варварство производить. А только я ничего не знаю. Полтора года, как сижу; может, его уж и в живых-то нет?

— Где встречал его в последний раз? Есть у него квартира?

— Не помню, не знаю.

— А вот сейчас взбондируют тебе спину, и по другому запоёшь! — гаркнул ирландец. — Говори, пока юшку не пустил. Ну?

— Воля ваша, господин следователь, а не знаю, что сказать.

— Так... Нашего Мину не проймёшь и в три дубины. Привести палачей! — скомандовал коллежский советник с хорошо разыгранным бешенством.

Немедленно распахнулись двери и вошли двое рослых усатых мужчин угрюмого вида, одетых в одинаковые кожаные фартуки. Молча без интереса поглядели на арестанта, перевели взоры на начальство.

— Подать ему ума в задние ворота! — приказал Оконор. Пашку тут же вывели, и вскоре из-за двери послышались глухие удары и стоны.

— Может, чайку пока, Алексей Николаич? — буднично спросил ирландец. — Я этот народ изучил; с полчаса всяко провозятся.

Лыков молча помотал головой. Крики истязуемого за стеной человека не способствовали его аппетиту.

— Не понимаю, что у них за манера такая! — раздражённо бросил Оконор. — Знает, подлая душа, что всё одно расскажет, так нет — изволит сначала помучаться! Как будто мне это нравится!

Крики и стоны делались всё громче. Лыков с тоской смотрел на медленно ползущую стрелку часов. Поганое у него бывает ремесло! Наконец, спустя томительные сорок минут за стенкой стихло, и в дверь просунулась ретивая физиономия одного из палачей.

— Готов сознаться, ваше высокоблагородие, — доложил он. — Прикажете заводить?

— Заводи.

Бледный, как смерть, весь в багровых рубцах, вошёл Пашка-Канонир и стал посреди кабинета, глядя в пол.

— Давно бы так, кургузая душа! Только время моё потратил. Расскажи-ка нам об Мишке и об Рупейте всё, что знаешь. Всё!

И Мишаркин принялся рассказывать.

У Самотейкина действительно оказалась квартира в Кекинских домах. В третьем из них, если считать от Галерной гавани, проживала некая Нина, служившая прежде в кухарках у богатого скопца. Того самого, у Нарвской заставы, которого Рупейто-Дубяго ограбил под видом сыскного агента. Ещё одно испытанное прибежище Мишка имел на Выборгской стороне. Севернее Куликова поля, за римско-католическим кладбищем, по Старо-Муринской дороге располагается заброшенное погребение жертв холеры 1831 года. Чтобы землю там не вздумали пускать под огороды, власти держали на кладбище сторожа. Сторож этот, по прозвищу Пахом-кривой, приходился Мишке родственником и охотно укрывал его за малую мзду в своей избушке. Место было нехорошее, потому тихое и безлюдное.

Наконец, третья квартира, где бы мог укрыться Самотейкин,

находилась в новой Артиллерийской лаборатории, что за Волковой деревней. Там Мишка иногда останавливался у вдовы унтер-офицера, погибшего при испытаниях нового оружейного замка. Женщине за заслуги покойного мужа оставили, кроме пенсии, казённые полдома. Вдова была значительно старше колбасника, потому он навещался к ней не часто.

Вообще же, по словам Мишаркина, скорее всего его приятеля нет сейчас в городе. Три недели назад он получил от Самотейкина письмо с воли, с приложением старого долга в одиннадцать рублей. В письме колбасник сообщал, что они с хозяином уезжают надолго в Москву. Мишка намекал, что им пришлось поменять паспорта и «лечь на дно», потому, как «скоро станет жарко». В концовке он написал: «Сам ты меня поэтому не найдёшь; ежели нужда, ищи через Пахома».

Рассказал Пашка и об офицере. По его словам, Рупейто-Дубяго познакомился с Мишкой два года назад, на печально знаменитых танцульках, бывших Марцинкевича, что у Семёновского моста. Танц-классы эти давно уже превратились в место, где соединяются авантюристы, бездельники полусвета и откровенно уголовный элемент. Всех их объединяет тяга к недорогой любви «марцинковых бабочек». Рупейто имел внушительную наружность (по словам Пашки, «будто исправник»), звучные имя-отчество (Арнольд Августович), и умение влиять на людей определённого склада. Самотейкину он глянулся сразу, и колбасник охотно поступил под его команду. Рупейто-Дубяго действительно был в прошлом кирасирским ротмистром. Перейдя в драгуны, прослужил в них недолго, вышел из-за чего-то в отставку и поступил заштатным сотрудником в Третье отделение. Там снюхался с кем-то из начальства и они «славно пилили» секретные фонды. Служа в Третьем отделении, Рупейто заимел знакомства и в столичном градоначальстве, и в сыскной полиции, и в корпусе жандармов. Используя эти знакомства, он прикидывался то сыщиком, то жандармским офицером и обчистил под этими личинами не одного раззяву. Особенно любил реквизировать подпольных ростовщиков: риску мало, а денег много. Насчёт приключений славной парочки в Москве Пашка-Канонир ничего сказать не смог, но добавил кое-что к характеристике мазуриков. Рупейто-Дубяго, по его словам, был хитёр и коварен, а при необходимости легко мог и «списать» человека. Мишка же Самотейкин сделался послушной дубинкой в его руках. Он выполнял беспрекословно все приказания хозяина, включая и самые зловещие. По крайней мере одного ростовщика из евреев он, по команде Рупейто, точно придушил; это случилось шесть месяцев назад у Московской заставы. Тело несчастного ростовщика утопили в Лиговском канале. Когда оно всплыло и

открылось следствие, хозяин навёл сыскное отделение на легкового извозчика с Разъезжей, простоватого и сильно пьющего. И подсунул тому под топчан парочку закладов из числа взятых у покойного... Так что, нарвскому скопцу, как выяснилось, ещё повезло.

Закончив рассказ, Мишаркин по-военному вытянул руки по швам и принялся есть глазами начальство. Выдал всё, что знал о товарище — и почувствовал явное облегчение, и даже готов ещё чем услужить. Что за народ эти уголовные? Тьфу!

Лыков поймал вопросительный взгляд Оконора, молча кивнул и арестанта увели.

— Спасибо, Вильям Петрович, много полезного услышал, — честно признался Алексей начальнику отделения, когда они остались одни. — Понятно теперь, где искать. Прошу только спрятать арестанта до конца следствия в таком месте, где общение его с уголовными станет положительно невозможным. До особого распоряжения.

— Не вопрос! Мы так уже делали. Суну его в Военную тюрьму на Компанейской, сам чёрт не сыщет. Дайте мне только письмо от Плеве на имя окружного военного прокурора.

— Сегодня вечером будет у вас. А я, пожалуй, удалюсь. Надо подготовиться.

— Пойдёте в Кекинские дома?

— Пойду. Это след. Спасибо ещё раз!

Вернувшись на службу, Лыков начал готовиться к рискованной экспедиции. Он нашёл свой паспорт, где был записан под собственным именем, но местом прописки значился польский город Петроков. Год назад ему пришлось отправиться, в роли подследственного, в Псковскую тюрьму. По агентурным сведениям, в ней изготавливались фальшивые банкноты (!). Разумеется, при участии администрации тюрьмы, что делало официальное расследование невозможным. Лыкова внедрили в «цинтовку» с его подлинной биографией. Он там и был сам собой: дворянин «по отцовскому ордену», герой турецкой войны, крепкий малый и притом не дурак. Кстати попался бывший сослуживец по 161-му Александропольскому полку, а ныне известный «скокарь»^[24] Иов Господчиков, и удостоверил лыковскую личность. Набив сходу морды трём громилам, державшим в подчинении всю тюрьму, новенький «попал в масть» и был даже избран майданщиком. Через месяц Алексея из «цинтовки» забрали, ещё через месяц без видимых причин поменяли администрацию и перевели в другое узилище двух евреев-гравёров. Так в Псковской тюрьме прекратили фабриковать банковские билеты, а Департамент полиции получил «демона» —

легендированного агента, способного внедриться в преступную среду.

Лыков пошёл в оперативный гардероб и оделся там подходяще: полупальто на вате, под ним скромный, но опрятный сюртук, тёмная жилетка, на ногах — щегольские «крюки»^[25]. На голове — круглая, с плоским дном, каракулевая барейка. Рассовал по карманам двести рублей разными купюрами и купонами, сзади за пояс засунул верный «бульдог», в сапог поместил нож. Всё, готов! Доложил о своих планах замещавшему Благово надворному советнику Цур-Гозену, оставил у него все три адреса колбасника, которые он собирался навестить, попросил о письме военному прокурору — и исчез, растворился в Петербурге.

Глава 10

Очерк преступного мира Санкт-Петербурга

Как найти в столице двух злодеев?

Холодный, строгий Петербург, набитый чиновниками, гвардейцами и придворной знатью — только одна, парадная видимость города. Он имеет и изнанку, часто неприглядную, а иногда страшную. Лыков хорошо знал дислокацию зла в столице, её гнойники и язвы, занимающие иногда целые кварталы.

Согласно переписи 1881 года, в Петербурге проживает 861 920 человек. Ещё 66 700 человек числятся в трёх пригородных участках: Петергофском, Лесном и Полюстровском. Итого общая численность населения столицы приближается к миллиону.

Полицейская статистика Петербурга удручает. За год в полицию доставляется более 150 000 горожан! То есть, каждый шестой житель. Большую часть из них, разумеется, составляют не аресты, а простые задержания с краткосрочной отсидкой в «клоповнике» (камеры при частях традиционно славятся особо лютыми кровососущими). Но всё равно цифры впечатляют. В полуторамиллионном Париже количество всех арестованных и задержанных не превышает 35 000 человек! Однако наши ужасающие полтораста тысяч не дают ещё полной картины. В них отсутствуют арестованные военнослужащие, а также сидельцы долговой тюрьмы. Между тем, гарнизон столицы, вместе с военно-учебными заведениями, насчитывает 80 000 штыков и сабель. По косвенным сведениям, каждый десятый из служивых в течение года оказывается за решёткой. А с добавкой осуждённых к наказанию мировыми судьями (за мелкие преступления) жертвой Фемиды ежегодно оказывается — страшно выговорить — каждый четвёртый петербуржец.

Никто не знает, сколько среди этой армии нарушителей подлинных, закоренелых злодеев. В алфавитных списках сыскного отделения числится чуть более 50 000 человек, и каждый год эта цифра прирастает. Например, убийств за последние двадцать лет стало больше вдвое, грабежей — втрое. Столичный люд всё меньше боится даже Бога: самоубийства — страшный грех! — стали случаться вчетверо чаще.

«География зла» в Петербурге имеет свои чётко очерченные оазисы. В

полицейском отношении город разделён на 12 частей, 38 участков и 93 околотка. Части объединяются в три отдела, каждый под командой полицмейстера; последние подчиняются непосредственно градоначальнику. Все они очень разные: от аристократических Адмиралтейской и Литейной до плебейской Спасской части, в которой в одной совершается треть (!) столичных преступлений.

Самое жуткое место в городе находится именно здесь — это печально известный «Малинник». Так называется обычный на вид трёхэтажный, жёлтого окраса дом на Сенной площади позади гауптвахты. Находясь между Конным и Спасским переулками, дом этот (имеющий почтовый номер 3) отлично знаком полиции уже не один десяток лет. В первом его этаже помещаются мучной лабаз купца Гусарского, питейное заведение Константинова и мелочная лавка. Весь второй этаж занят трактиром Петровой (кстати, дочерью действительного статского советника), личностью весьма знаменитой среди бродяжно-уголовного мира столицы. Подлинным же хозяином заведения во втором этаже, именуемого, как и весь дом, «Малинником», является Иван Струев, но он здесь никогда не появляется. Дважды высылаемый из Петербурга на трёхлетние сроки за тёмные свои дела, этот старый выжига записался в купцы и обставился посредниками, почему сделался недосягаем для полиции.

Третий этаж здания и дворовые флигели поделены общим счётом на 14 квартир, в каждой из которых помещается свой отдельный публичный дом. Распутные женщины из этих конур относятся к числу наиболее дешёвых в городе. Ниже их стоят только жительницы подвалов Таирова переулка, да совсем пропащие сильфиды Гавани. В Петербурге официально числится 4700 проституток, на самом деле их вдвое больше; многие «нелегалки» живут и работают в районе Сенной площади.

В 1879 году полиция, замученная бесчисленными, совершаемыми в доме № 3 преступлениями, закрыла, наконец, «Малинник». Но не тут-то было! Иван Струев пустил в ход свои связи, и загадочные, но влиятельные силы вновь распахнули двери страшного заведения.

Огромные, тускло освещённые газом залы всегда густо набиты посетителями. Под вечер свободного стула не сыскать, и даже трудно ходить в пьяной и буйной толпе. Хохот, пляски; там поют, здесь дерутся... Честных обывателей в «Малиннике» мало — гуляет в той или другой степени, но преступный элемент. На удивление многочисленны солдаты, худшие, конечно; хороший солдат сюда не пойдёт. Имеются непременно дезертиры из нижних чинов, а так же спившиеся офицеры (был даже один полковник). Ещё чаще попадаются «красные» — воры всех уважаемых

специальностей. Эта публика часто бывает при деньгах и потому пользуется особым почётом у прислуги. По углам с утра до вечера, как пауки возле своих сетей, высиживают «блатер-каины» (скупщики краденого) и старосты тряпичных артелей; это персонажи особенные. Украсть любой чувал сможет — ты попробуй продать! Попадают сыщикам именно те, кто не успел «сбросить» вещь. Механизм быстрой реализации похищенного — самый важный в преступной среде, без него кражи и грабежи бессмысленны и опасны. Те, кто обслуживает винтики столь нужного механизма, влиятельнее «ивана» или «маза» шайки громил.

Громилы, кстати, составляют третий и самый опасный элемент «Малинника». Сидят они обычно группами, о чём-то беседуют и допьяна не напиваются. Им ещё работать! Добавьте к этим перечисленным категориям мелкую шпанку и гулящих женщин (последних, впрочем, в одну половину трактира не пускают), и весь пасьянс налицо.

«Малинник» — одно из немногих мест в столице, где могут убить даже днём, и свидетелей никогда не сыщется. Дюжий мужик на входе, собирающий пяточки, стоит там не для вашей защиты. А двое вышибал, фланирующих по залам, отвернутся, если громилы вдруг примутся вас душить... Обслуга с фартовыми в заведомом сговоре; понадобится, помогут и труп до извозчика дотащить за малую мзду. Обирают, а то и убивают в «Малиннике» только чужих, пришлых, случайно по дурости зашедших. Иногда дерутся насмерть ножами воры, не поделившие сламу; это счёты между своими, и концы прячутся ещё проще. Сыщиков здесь, в отличие от соседней «Сухарёвки», не бывает никогда.

На другой стороне Сенной, отгороженная от неё огромным домом Котомина, бывшим Полторацкого, расположена «Вяземская лавра». Началась она тридцать лет назад со столительства князем А.Е.Вяземским первого, весьма вместительного трёхэтажного дома по Обуховскому (ныне Забалканскому) проспекту. Потом во дворе строения, названного «Обуховским», возвели три флигеля. Ещё дом поставили на Фонтанке; в нём поселилось княжеское семейство (это «Фонталочный дом»). И затем быстро и незаметно довели количество домов на вяземской земле до 13-ти. Все они имеют названия: Большой и Малый Полторацкие, Тряпичный, Корзиночный, Канцелярский, Стекланный, Четвертные бани, Пекарный и прочее.

В Обуховском доме ранее квартировали сразу пять трактиров, в том числе знаменитая «Сухарёвка», описанная Достоевским и Вс. Крестовским. Теперь четыре из них закрылись, а «Сухарёвку» переименовали в «Ярославль» и несколько облагородили. По-прежнему чуть ли не половина

из посетителей заведения — сыщики, поэтому уголовные именуют его между собой «Мышеловкой» и предпочитают ему безопасный «Малинник». Зато вместо закрытых кабаков в каждой квартире любого из 13-ти строений хозяева торгуют водкой в розлив.

В «Вяземской лавре» по сравнению с временем, описанным в «Петербургских трущобах» Крестовского (1864 год), строгостей стало больше. Квартиросдатчики стараются не селить жильцов без документов, поскольку за это их «лишают столицы». Всё труднее укрываться беглым с каторги, даже если у них запасены поддельные виды. Осложнилась и скупка краденого: раньше каждый сдатчик маклаковал, а сейчас многие боятся столь частых теперь облав.

И всё-таки лавра жива! По-прежнему грозен «Стеклянный флигель», в котором на страшном третьем этаже обитает преступная головка Санкт-Петербурга. Близость к Малому Полторацкому дому, имеющему выходы на Горсткину улицу и Сенную площадь, делает облавы здесь бессмысленными. Так же ловки старосты тряпичных артелей: за считанные часы в их мастерских краденое платье перешивается неузнаваемо, и сыщикам уже нечего ловить. В Четвертных банях, как и прежде, гуляют громилы, а над «дворянскими» номерами всё так же фабрикуют паспорта. Главный контингент лавры не меняется с годами: всё, что есть в огромном городе беспутного, пьяного, вороватого и опустившегося, стекается сюда. Неправильный четырёхугольник между Сенной, Забалканским проспектом, Горсткой и Фонтанкой по-прежнему кипит злом. Он остаётся, говоря военным языком, операционным базисом преступного элемента столицы. При облавах попадают лишь пьяницы да крестьяне с просроченными видами, приехавшие на заработки. «Деловой элемент» быстро и без особой паники переходит из флигеля во флигель, поскольку оцепить одновременно все тринадцать домов невозможно. Нетронутыми остаются бандитские притоны, где громилы днём едят, пьют, играют в карты, пользуют женщин — а ночью выходят на кровавый промысел. А как их отыщешь, если в «Вяземской лавре» в тёплое время года проживает до 20 000 человек! и ни один из них не скажет полиции лишнего.

Через дорогу от Обуховского дома, отделённый, как остров, от квартала узким Таировым переулком, стоит дом Дероберти. Тоже знаменитость в своём роде: в его полуподвальном этаже проживают самые разбитные во всей Спасской части девки. И днём и ночью стоят они в дверях своего притона или сидят прямо на панели, поджав ноги, полуодетые и размалёванные. Сменяются, зазывают прохожих, а то и поют песни... При виде их порядочного человека охватывает сначала оторопь

(разве такое возможно в столице?), а затем отвращение. Вот только порядочные люди ходят по Сенной площади редко, а нетребовательные аборигены валом валят в гостеприимный полуподвал. Ещё более грязные дела творятся в верхних этажах. Дом Дероберти издавна сделался главным в столице воровским притоном. Все его жильцы — исключительно «красные», а квартирные хозяева — «мазы» воровских шаек. Получается, что вся банда живёт вместе, под рукой у командира: очень удобно ходить на дело! Верхний этаж страшного дома одно время занимал Цензурный комитет, но не выдержал такого соседства — съехал. Говоря правду, таков и весь Таиров переулочек: в нём только три дома, и в каждом — по борделю.

Если пройти всю Сенную площадь от Спаса к Никольскому рынку, то за Юсуповским садом опять начинаются зланные места. Сразу после парка с фонтаном открывается налево жуткий Малков переулочек. Это своего рода отделение «Вяземской лавры», только меньше размерами. Имеется здесь и свой бастион — «Пироговская лавра»: огромный, во весь квартал, дом, выходящий окнами на Ново-Александровский рынок. Обитатели Малкова переулка все сплошь алкоголики и воры, зато здесь, почему-то, совсем нет проституток.

В переулке квартируют две крупные артели: церковных нищих (более 200 штыков) и «горюнов» (до 80 человек). Здешние нищие очень организованы и имеют внутри строгую иерархию. Они «пасут» все ближайшие соборы: Казанский, Владимирский, Троицкий, Никольский и даже Покровский, что в Коломне. Артельный староста нищих, известный в воровских кругах «блатер-каин», имеет на счетах в банке более 70 000 рублей и держит подпольную кассу ссуд. Никого из чужих малковские нищие на паперти своих храмов не допускают, а в случае конфликта нанимают громил. К вечеру они всегда при деньгах, которые и пропивают в окрестных трактирах.

«Горюны» — особая артель, Их работа — похороны, точнее, формально-торжественная сторона этого процесса. Они несут кисти балдахина, венки, подушки с купеческим регалиям и факелы (отсюда второе название их профессии — факельщики). Все горюны горькие пьяницы, но с одной важной оговоркой. Белые траурные пары (штаны и сюртук) плюс белый цилиндр им выдают из похоронной конторы, но сапоги и бельё нужно иметь свои. Из-под сюртука должна высываться сорочка или, хотя бы, манишка, а рваные опорки на ногах оттолкнут строго заказчика. Поэтому горюны пьют, но до определённого предела, а если и спускаю с себя всё, то оставляют-таки полтину для гардероба проката. Ежедневно в большом городе происходит от шести до десяти погребений

«с факелами», поэтому работы хватает на всех. Однако если человек пропил с себя сапоги и подвёл артель, не выйдя на заказ, его изгоняют с позором и обратно больше никогда не примут.

Помимо нищих и горюнов, прочие жители Малкова переулка — опустившиеся парии. В «Вяземской лавре», несмотря на её заслуженно зловещую репутацию, большая часть населения — какие-никакие ремесленники: пекари, корзинщики, типографские рабочие. Из них только тряпичники тесно связаны с преступным сообществом. В «Пироговской лавре» никто не занимается ничем, только распивают водку. Потерявшие человеческий облик, немытые, одетые в лохмотья, в струпьях болячек и с синяками под глазами, эти люди производят страшное и одновременно жалкое впечатление. За «сороковку» они готовы на всё. Буквально — на всё! Близость самого криминального из всех столичных рынков — Толкучего, даёт некоторым из них «специализацию». Спившиеся портные перешивают ворам украденное верхнее платье; сапожники с красными носами и дрожащими руками делают то же самое с обувью; жёны их торгуют. Половина продаваемого на Толкучем — «стыренное», поэтому дешёвое, поэтому от покупателей нет отбоя.

По правую руку от Садовой, в полукольце Екатерининского канала, притаились три Подъяческие улицы: Большая, Средняя и Малая. Тоже любопытное местечко! Причём именно местечко — здесь расположилось столичное гетто. Количество ростовщиков на Подъяческих сопоставимо разве что с количеством трактиров. В улицах этих идёт невидимая стороннему взору конкуренция: русские скопцы соперничают с еврейскими ростовщиками. Этой схватке уже тридцать лет, и исход её пока не ясен. И те и другие носят взятки в участок, поэтому «фараоны» довольны и покрывают оба фронта. Лихвенные проценты достигают в отдельных случаях трёхзначных цифр! С недавних пор несколько хитрых иудеев окопались, как сверхсрочнослужащие, в гвардейских полках: Кавалергардском и Преображенском. Бесшабашные корнеты и подпоручики идут к ним теперь косяком и подмахивают, не глядя, любые векселя. Говорят, скопцы обеспокоены и готовят ответную атаку, подкупив поголовно всё сыскное отделение.

Вообще же еврейский преступный элемент занимает в столице своё, весьма достойное, место. Например, каждая пятая кража совершается еврейскими шайками, в которые иноверцев не допускают. Фабрикация поддельных банкнот — традиционный иудейский промысел. Изготовление происходит в Варшаве и Лондоне, а сбыт — здесь, в Петербурге. Ну, а уж в мошенничестве сынам израилевым вообще нет равных... Недавно евреи

привезли в столицу новый вид преступлений: хипес. Это когда женщина заманивает мужчину к себе в комнату, в которой стоит единственный стул. Клиент раскладывает на нём свою одежду, уходит с головой в процесс соития, а в это время дверцы шкапа бесшумно распахиваются и ловкие руки сообщника быстро обшаривают его бумажник. Всё никогда не забирают, чтобы покража обнаружилась не сразу. Жертвами хипеса стараются выбирать людей, по виду женатых; таким сложнее идти в полицию жаловаться. Есть и другие чисто семитские преступления: контрабанда, продажа необандероленного кокаина, скупка краденых ювелирных изделий с их последующей переделкой, и тому подобное. Не случайно сыскная полиция держит в штате несколько агентов-евреев, и они редко сидят без дела.

Севернее, за Екатерининским каналом, расположено самое развесёлое место во всём Петербурге. Перекрестье Казанской и двух Мещанских улиц, Средней и Малой — то же, что Грачёвка в Москве: в каждой подворотне по бардаку. Возле Каменного моста обосновался зловеющий трактир «Волчья яма» — своего рода биржа сутенёров, главное их место набора «персонала». В столице числится 198 публичных домов, из них 74 — более трети! — расположены в Казанской части. При каждом бардаке — буфет, в котором неопытного клиента могут спойть «малинкой» (дурманом), раздеть до белья и выбросить на улицу. Приходит горемыка утром в одних подштаниках в участок, просит составить протокол, а его разворачивают рылом назад, дают крепкого пинка и приговаривают: «А не шляйся, дурная башка, куда не следует!».

К Казанской улице выходит длинный Фонарный переулок — одно из самых беспокойных мест в столице. Расположенные здесь «Фонарные бани» посрамят степенью разврата даже семейные номера «Вяземской лавры». Хозяева их — уголовные крупного калибра, имеющие под рукой боевой отряд громил. Крепкие ребята поджидают на выходе из номеров подгулявших ротозеев и отбирают у них то, что не сумели выманить проститутки. Поскольку сети расставлены широко, шляться по Фонарному переулку небезопасно даже днём. Это при том, что до Офицерской, 26 — адрес сыскающего отделения — три минуты ходу...

Далее криминальную экскурсию следует перенести на юг, за Обводный канал. Открывает ворота в эту гигантскую клоаку Скотопригонный двор, «чрево столицы». Сжатый по бокам газовым заводом и Варшавским вокзалом, он добывает для города свежую убоину. Ежедневно сюда пригоняют с четырёх вокзалов и с пристани гурты скота. За год накапливается более 150 000 одних только быков, не считая скотины

помельче. В Петербурге 90 хозяев-мясопромышленников, которые забивают крупный рогатый скот, и 300 «бойцов» мелкого скота. Вместе они поставляют убоину в 1020 мясных лавок столицы. Это серьёзное дело с огромными оборотами всё базируется на Скотопригонном дворе. И люди здесь такие же серьёзные, со специфичными навыками. Башколом (так называется профессия) особым шестивершковым кинжалом убивает громадного черкасского быка с одного удара. Если такого артиста выгонят, дорога ему остаётся только одна — на отдалённые окраины Горячего поля.

Сразу от ворот бойни, через дорогу от Новодевичьего монастыря раскинулся без конца и края угрюмый пустырь. Он покрыт холмиками и изрыт оврагами и канавам, а на юге, далеко за городом, порос лиственными рощами, окаймляющими топкие болота. Это и есть знаменитое, овечное зловещими легендами Горячее поле. Оно охватывает с трёх сторон Митрофаньевское кладбище, перекидывается через вонючий Лиговский канал и тянется ещё на много вёрст вдоль Московского шоссе. С запада поле подбирается к трущобам Нарвской заставы и к Путиловским заводам. Часть его занята свалкой, и это привлекает сюда людей дна. С весны до осени копошатся они в отбросах, разыскивая как съедобные припасы (состоящие, разумеется, из объедков), так и выброшенные вещи, пригодные для продажи тряпичнику.

Остальная часть Горячего поля зимой пустует. Лишь в самой глубине его, между Автово и Средней Рогаткой, в лесистых оврагах скрываются добротные землянки. Они приспособлены для жизни в любой мороз, снабжены очагами и печками и хорошо замаскированы. В землянках скрываются наиболее опасные преступники столицы, те, кому нельзя соваться ни в «Вяземскую лавру», ни в Гавань. Это мастера «мокрых дел», убийцы-гайменники, многие из которых бежали с каторги или годами находятся в розыске. Как стемнеет, они выходят на Московское шоссе, где их уже ожидают «чёрные извозчики». Все — испытанные в деле, проверенные люди, очень необходимые в кровавом ремесле громил: сами не режут, не душат, но возят и укрывают. И полиции не сдают. На этих экипажах шайки убийц разъезжают по ночному Петербургу и выискивают себе добычу. Они стоят и наблюдают на выезде из кафе-шантанов (таких, как «Орфеум» и «Олимпия») и загородных трактиров («Самарканд» или «Красный кабачок»). Могут налететь на одиночного путника в Гривцовом переулке, или захватить «ваньку» вместе с пассажирами на Семёновском плацу. Ломают кассы и режут сторожей в лавках на окраинах. Грабят указанные особыми наводчиками богатые квартиры, не церемонясь с их обитателями. Если возможно, тела жертв пытаются скрыть. Те же

подручные извозчики отвозят трупы на Обводный канал или к Глухому озеру и помогают спустить их там под лёд. Весной все трупы всплывают; в иные годы число их приближается к сотне. Полиция записывает их чохом в жертвы пьяной неосторожности или в самоубийцы, и на этом успокаивается... Статистику портить нельзя! Громилы же, спрятав концы, едут пропивать добычу в один из «пчельников» — специальных трактиров исключительно для уголовных, куда обычному человеку вход воспрещён, для его же пользы... Или идут на «мельницу» — подпольный игорный дом; их немало в «Малиннике», или в доме Дероберти, или в страшном Стеклянном флигеле «Вяземской лавры». Под утро «чёрные извозчики» отвозят гайменников в их безопасные норы в отдалённые углы Горячего поля, а к вечеру всё повторяется.

Весной, когда делается теплее, поле оживает. Оно становится огромным странноприимным домом под открытым небом. Сюда сходятся со всего города тысячи беспаспортных, которых не селят в квартирах и ночлежках. Они «ломают итальянку» (так, почему-то, на жаргоне называется бездомная жизнь), ставят шалаши и живут в них, сколько получится, пока не попадутся в полицейскую облаву. Ночуют на поле во множестве и обычные, легальные мастеровые, имеющие виды на жительство; просто им надоели за зиму их душные, тесные каморки. Эти облавы не боятся, и полиция их не трогает. В летние месяцы Горячее поле буквально забито людьми: сходится до 40 000 разного сброда! От Весёлой поляны (входа на поле, возле Скотопригонного двора) и до Пьяного края (за Митрофаньевским кладбищем) на каждом шагу горят костры, народ играет на гармошке и пьёт водку... Имеется здесь во множестве и преступный элемент: воры, бродяги и даже беглые, не успевшие ещё обзавестись подложными документами. Собственно, на них и охотится полиция, но делает это формально, далеко в глубь не заходит. Оно и понятно: для настоящей, полноценной облавы всего Горячего поля понадобится пехотная дивизия! Местность на юге и юго-востоке, уходящая далеко за город, представляет собой запутанный лабиринт чащоб и болот, по которым уголовными натоптаны за десятилетия малоприметные секретные тропы. Если зайти по ним слишком далеко, можно найти то, что лучше не находить: тайные кладбища, парочку угрюмых часовых с кистенями или группу землянок, населённых самыми безжалостными в мире людьми... Гайменники и летом руководят оживлённым Полем. Они собирают дань с беспаспортных, отслеживают сыщиков, подыскивают подходящих людей для внедрения их на услужение в богатые жилища (все такие ограбления совершаются обязательно через прислугу).

В тёплые месяцы мокрушники перебираются из своих окраинных землянок поближе к Обводному каналу, «на летние квартиры». Районом их временной дислокации становится известная Волчья канава, расположенная за свалкой. Жуткое место! Три десятка шалашей составляют конкуренцию Стеклянному флигелю по части совершаемого здесь зла. К октябрю в канаве накапливается десяток-другой безымянных могил — это жертвы ночных вылазок гайменников. Полицейские облавы шарахаются от этого места, как чёрт от ладана. Были случаи, когда отчаянные приставы заворачивали сюда свои отряды; тогда громилы объединялись и оружием обращали их в бегство.

Крупный оазис преступного мира столицы квартирует и в окрестностях Московского вокзала. На самом «бане»^[26] орудуют мошенники: впаривают приезжим провинциалам медные часы за золотые, или завозят их на съемные квартиры для последующего ограбления. Далее работают воры трёх основных профессий: «маровихеры» (карманники), «скрипушники» (крадущие багаж у приезжих) и «поездушники», работающие в самих поездах. Поблизости, на Лиговке и прилегающих улицах: Разъезжей, Коломенской, в Чубаровом и Свечном переулках, обитают «дергачи» (грабители), «портяночники» (мелкие налётчики, охотники за башлыками) и ещё «башибузуки» (в Англии их называют «хуолигэнами»). Свечной переулком, кроме того, конкурирует с Мещанскими улицами в количестве и дешевизне борделей и кабаков. Здесь же, вокруг Ямского рынка, проживают все «чёрные извозчики». Во дворах их домов, в конюшенных сараях полиция иногда находит пропавших лошадей и экипажи, а случается, и тела их убитых хозяев, спрятанные под навозом. Особенно дурную славу имеет доходный дом барона Фредерикса на Лиговке, 10 — это один огромный притон для фартовых всех мастей.

Далее к Неве, в бесчисленных балаганах Калашниковской набережной, проживают другие виды мазуриков. Самые многочисленные из них и наиболее безобидные — мелкие воришки-«халамидники». У них на семь человек один паспорт, и тот краденый. Ребята днём ищут, что бы такое стянуть, а ночью проедают поживу. Их рядовая добыча — куль муки или связка тарани. «Халамидники» робки и неприметны, они боятся всех: сторожей, крючников, а более всего уголовных высоких рангов — те их презирают и бьют.

Другие обитатели пакгаузов — «оптовые», воры, которые таскают slam возами. От них урон уже серьёзный, на тысячи, и народ там злой и небезопасный. У «оптовых» имеются свои «чёрные извозчики», только не живейные, а ломовые. Наиобычный способ здесь — подкупить

караульщика, но иногда ему перепадает и по голове... Верховодят этими ворами «чистяки», прикидывающиеся торговыми агентами. Они слоняются по пакгаузам с образцами ржи и прейскурантами, а сами оценивают товары и присматриваются к сторожам и запорам.

Скучные тихие Пески тоже не везде безопасны. В переулках, окружающих Слоновую улицу, квартирует до трёх десятков «весёлых домов». Двери их с двенадцати часов дня и всю ночь до утра открыты настежь. В глубине подъезда горит зелёная лампа о двенадцати рефлекторах, зазывая любителей дорогого разврата. Во дворе солидного заведения всегда прячется скромный флигелёк безо всяких ламп. Там цены даже выше, чем в главном доме, потому, как занимаются во флигеле всеми видами извращений. Клиенты здесь пропадают редко, но случается и такое...

Дурной славой пользуются в Петербурге обширные, пустынные и безлюдные по ночам плацы гвардейских полков. Царицын луг (Марсово поле) и Преображенский плац (на Песках, между Парадной и Слоновой улицами) небезопасны в тёмное время суток. Но хуже всего так называемые Семенцы — обширная местность между Загородным проспектом и Обводным каналом, вокруг плаца Семёновского полка. Тут вечера не ждут — могут раздеть и средь бела дня! Рядом в Большом Казачьем переулке каждую неделю грабежи, а раз в полгода — убийство. И это уже ничего, уже можно жить; плац потихоньку застраивается со всех сторон, уменьшаясь в размерах, и всё реже здесь кричат «караул!». А двадцать лет назад даже полиция по ночам обходила эти места, как проклятые.

Что Семенцы! На самом Невском имеются лихие места. Особенно это касается пересечения его с Владимирским проспектом. Мутная гостиница «Москва», ресторан Палкина и скандальный кафешантан «Кристалл-Палас» организуют здесь злачный треугольник, по которому любители острых ощущений каждую ночь совершают свои опасные обходы. Другое дурное место — дом генерала Максимовича на углу Невского и Большой Морской. Огромное здание в самом центре городе целиком (!) занимают публичные дома и номера для свиданий. Здесь их несколько десятков, на любой вкус, включая и самый извращённый. Садизм, педофилия, однополая любовь — всё, что захотите. Именно отсюда начал своё победное шествие по городу хипес. Цены в доме Максимовича тоже очень разнятся, в зависимости от кошелька клиента, и круглый год нет отбою от посетителей.

Не всегда мирно бывает и в тихой Коломне. Трактир «Роза» напротив

Литовского замка имеет свою специализацию — он занимается «подставами» по прелюбодеянию со свидетелями, для бракоразводных процессов. Свидетели годами одни и те же: как назло, раз за разом не вовремя входят в номер, но Фемиду это не смущает... Покровская площадь, на пересечении Садовой и Английского проспекта, завела свой Толкучий рынок, ещё более криминальный, чем на Вознесенском проспекте. «Покровские» — известные громилы, объединённые в дисциплинированную шайку — совершают свои вылазки даже в Нарвскую и Московскую заставы.

Здесь же, в Мастерской улице, находится самая большая из десяти греческих кухмистерских Ставриноса, которые, как паутиной, охватили всю столицу. Владелец их, почтенный с виду человек, является одним из главных в Петербурге скупщиков краденого, а его чайные излюблены ворами как места, где всегда можно быстро сбыть «товар».

И наконец, в тихом Упразднённом переулке проживает купец 1-й гильдии Лобов, которого сыскная полиция считает «королём» преступного мира столицы. Считает, но доказать ничего не может. Или не хочет...

Ну-с, теперь пойдём по окраинам. Те, что находятся на левом берегу Невы, частично нами уже описаны. За Обводным каналом полицейская сила кончается, и начинается власть громил. Район от Московской заставы и до Дальней Рогатки управляется гайменниками Горячего поля. На востоке, в Ново-Александровской слободе их уже не боятся, там свой мир. Определяют его Невский и Обуховский казённые заводы, точнее, его пролетарии. Правят здесь, как и в любой рабочей окраине, водка и кулак. Фабричные — самое развращённое сословие в России: количество совершаемых ими преступлений, в пересчёте на тысячу душ, в 19 (!) раз превышает этот показатель в среде крестьянства. Когда Лыков узнал о новом политическом учении, согласно которому правящим классом будущего станет пролетариат — долго смеялся... Этого бы Карла Маркса поставить субботним вечером у обуховской проходной, что бы он тогда написал?

Жизнь в Ново-Александровской слободе почти деревенская, если не считать огромного числа кабаков. Фартовым здесь нечего делать, потому, что нечего украсть — всё, что плохо лежит, и без них мгновенно растаскивается фабричными. По воскресеньям из слободы убегает даже полиция, от греха подальше, и власть переходит в руки пьяной толпы, главные люди в которой — гармонисты. В большие же праздники, как Масленица или Пасха, в слободе обязательно зарежут парочку своих собратьев, причём неведомо за что. Каждую весну в Глухом озере

всплывают утопленники, иные с верёвкой на шее, но это никого, включая пристава, не беспокоит...

Между Московской и Нарвской заставами расположена старинная деревня Автово. Здесь главное место проходящих в столице кулачных боёв. Дерутся ещё и в Купчино, и в селе Смоленском, и на Охте; в последнее время вошёл в моду Бородин переулок, что возле Нарвских ворот. Но пока ещё Автово держит марку, и именно здесь определяется лучший в городе боец. Попутно молодые парни приучаются правильно махать кулаками: если заметят фартовые — возьмут в банду.

Нарвская застава — последняя окраина на левом берегу. Её состояние полностью определяется Путиловским заводом и нравы в ней такие же, как в Ново-Александровской слободе. С одним отличием: здесь есть чего украсть. На Петергофской дороге расположено много богатых дач; обслуживающий их люд селится у заставы, торгует, даёт деньги в рост, посещает публичные дома. Поэтому только здесь из всех фабричных окраин уголовные имеют некоторый вес. И ничего, уживаются с буйными любимцами Карла Маркса...

На правом берегу Невы повсюду только нищета. Ни канализации, ни водопровода, ни газового освещения. Строение в большинстве деревянное, с огородами, коровниками и выпасными лугами. Про Охты сказать почти нечего; так же невзрачно живут Пороховые, Кушелевка, Пискарёвка и оба Парголова. Обычная картина: пьянство, пьянство и пьянство... Совершаемые здесь преступления все одинаковы. Сели два приятеля и распили дружно штоф. Потом слово за слово, поссорились, сцепились и один другого зарезал. Наутро убийца спрашивают: «За что хоть ты его?». А он морщит лоб и бубнит: «Не помню, вашебродие, выпимши был».

Здесь тоже есть свои дачи, но победнее, чем на Петергофской дороге, и живут в них только летом. Осенью и весной в дачных местностях небезопасно: пошаливают. «Ломать итальянку» ещё (или уже) нельзя, и беспаспортная сволочь старается незаметно залезть в дом, чтобы временно в нём поселиться. Если невзначай явится хозяин, или прислуга зайдёт по делу — могут и кистенём получить...

В Полюстрове другая напасть — цыгане. Они издавна поселились тут целой колонией и ведут себя нагло. У цыган два излюбленных преступления: конокрадство и торговля наркотикой. Последнее занятие из новых. Морфий или кокаин можно купить в любой аптеке, но по рецепту от доктора и задорого. Чавеллы продадут без рецепта, втрое дешевле и любому желающему, включая даже гимназистов. Поскольку в Своде законов наказания за это не предусмотрено, промысел процветает.

Несколько иначе смотрит Выборгская сторона. Военные медики, учёные артиллеристы, а также славный лейб-гвардии Московский полк задают некоторый, почти бомондный тон. Финляндский вокзал и Литейный мост связали окраину с центром. Фабрики Лесснера, Нобеля, Кёнига, Новый Арсенал, металлический и медно-прокатный заводы, Сампсоньевская и Роченсальмская мануфактуры образуют своеобразный город в городе. Выборгский рабочий имеет больше предложений, чем нарвский или обуховский; ему есть куда перейти. Это делает его независимым, но, к сожалению, и более дерзким. Ещё одно отличие этой местности в том, что здесь сложились регулярные шайки «башибузуков». Это не фартовые, которые занимаются преступным ремеслом, чтобы прокормиться. Хуолигэны имеют дом, ремесло и кусок хлеба, а на улицу выходят из озорства. Проказы у них злые: набить морду случайному прохожему, задрать подол барыне или подраться с соседней улицей. При случае, конечно, и часы отберут, но опять же больше из озорства. Две основные выборгские шайки — «фризовские» и «сампсоньевские» — враждуют между собой уже лет десять; иногда случаются и убийства.

Похожая картина на Петербургской стороне. Здесь тоже заправляют хуолигэны, но количество шаек больше. Основных четыре: «гайда», «рощинские», «дворянские» и «ждановские» (названия берутся от улиц, где квартируют бойцы). Эта часть столицы всегда жила особняком, не интересуясь тем, что делается за рекой. Шайки задирают прохожих даже днём и даже на Большом проспекте, и полиция ничего не может с ними поделать. Лыкову пришлось однажды спастись от «гайды» бегством: первых двух он снёс, но когда на подмогу подоспело ещё два десятка негодяев, отважный богатырь счёл за лучшее задать стрелача... Имеются на Петербургской и настоящие громилы, профессиональные душегубы. Штаб-квартира их — нехороший ресторан «Днепр» на Зверинской улице, да и все соседние с рестораном дома заняты фартовыми. Обывателю туда лучше не соваться, так же, как и в Александровский парк. Последний пользуется в городе особенно дурной славой: на всём правом берегу Невы это самое опасное место.

Старая и Новая Деревни в преступном отношении совершенно ничем не примечательны.

И, наконец, острова!

Главный из них, Васильевский, сильно разнится своими частями. Стрелка, университет и первые 17 линий — спокойные и комфортные места, но далее делается всё хуже и хуже. На западе остров завершается грязными Чекушами, в которых царят Балтийская судоверфь да

полдюжины кожевенных заводов. На Смоленском поле ещё сто лет назад производились казни. Этот зловещий пустырь между Гаванью, Чекушами и рекой Смоленкой до сих пор отказываются застраивать! Частично он занят кладбищем, а в остальном сродни Горячему полю — лучше туда не соваться...

Правда, на Васильевском острове имеется собственное поле — Гаванское. Здесь расположена вторая городская свалка, привлекающая к себе подонков со всех волостей. Гаванское поле является уменьшенной копией Горячего и ни в чём от него не отстаёт. Разве что, гайменников там меньше, зато больше дезертиров и беглых.

Есть ещё Голодай-поле на одноимённом острове. То ещё место! В прошлом веке здесь стоял острог и была каторжная тюрьма. Сейчас западная часть острова застроена кожевенным и канатным заводами, на юге — немецкое и армянское кладбища, а всё остальное занимает бездомный и беспаспортный сброд. Честных ремесленников, как в других местах, здесь не бывает ни зимой, ни летом: только воры да бродяги. В развалинах острога поселились «пешие стрелки» — шайка бездомных малолеток. Они «стреляют» милостыню, но могут и украсть. Нравы в шайке, по слухам, удивительные: друг за друга горой, младшие беспрекословно слушают старших, а старшие по-братски заботятся о младших... Командует всеми девятнадцатилетний парень, за которого малолетки горло перегрызут любому, потому, как вождь смел и справедлив.

Весь Васильевский остров поделён между двумя бандами хулиганов (здесь их называют «горчишниками»). «Васинские» занимают юг, «железноводские» — север; граница проходит по реке Смоленке. Смысл жизни этих очень молодых ещё людей весь заключается в том, кто кому сильнее накомытит. Мысли, разговоры, свободное время — полностью подчинены только этому... Каждые несколько дней стороны совершают вылазки на вражескую территорию; каждые несколько месяцев кого-то при этом убивают в стычках.

Западная оконечность Василия — Гавань — является столицей мелких островов, образующих Невскую губу. Одна группа их находится севернее: Жадимировский, Гоноруполо, Кашеваров и чуть дальше — Вольные острова. Население здесь (особенно на Вольных) — наиболее отчаянное из всей столицы. Самые страшные — флотские дезертиры и бежавшие из Кронштадтских арестантских рот. Это сущие звери, забывшие Бога ещё с пелёнок; терять им нечего и полиции они живыми не сдаются. Поэтому, кстати, их и не ловят — своя голова дороже... Наряду с гайменниками Горячего поля и заправилами Стеклянного флигеля, они составляют цвет

преступного мира столицы, но занимают в нём особое положение. Здесь, на северных островах, законы фартовых не действуют. Любому самому авторитетному «ивану» пустят юшку, если он попробует выказать гонор. Нравы тут ужасные, но самобытные; многим они нравятся. Легальное укрытие островным головорезам даёт бойня. Хозяин её, старый военный каторжник, купил себе подложные документы ещё при Николае Павловиче, и с тех пор занимается притоносодержанием. Башколомы вольненской бойни столь опасны, что сравнить их просто не с кем...

Остров Гоноруполо тоже дурное место. С Петра Первого здесь хоронили тех, кому было отказано в церковном погребении: самоубийц, казнённых преступников, раскольников. В рыхлых песках всюду попадаются человеческие кости. Говорят, где-то здесь зарыли и повешенных декабристов. Обыватели обходят эту страшную землю стороной, крестясь обеими руками; согласно поверью, ночью островом управляет нечистая сила.

Южнее Василия, в устье Екатерингофки, лежит ещё один архипелаг, во главе которого — остров Гутуев. Издалека видна на нём огромная куча белых костей высотой с шестиэтажный дом. У подножья кучи, как муравьи, копошатся работники, перевозят мослы на костеобжигательный завод. Со всей империи, даже из Сибири, везут в столицу этот товар; в год на заводе обжигают более миллиона пудов костей! По имеющимся у полиции сведениям, иногда в печи посылают и трупы, которые по ночам привозят на «чёрных извозчиках» гайменники; на это имеется особая такса.

Гутуев со всех сторон окружён другими островами: Канонерским, Большим Грязным, Круглым и Резвым. Население здесь более мирное, чем на Вольных островах или Гоноруполо, но тоже сплошь беспаспортное. На Канонерском хозяйничают морские артиллеристы, ведут учебные стрельбы. Под снарядами возникает самое безопасное от полицейских облав место. Время от времени происходит-таки попадание, но здешние робинзоны относятся к такой смерти философски: зато документов не спрашивают уже тридцать лет! Однако со строительством Морского канала жизнь «архипелага» уже начала меняться. Говорят, когда канал будет достроен, сюда переведут из Кронштадта торговый порт. Здешняя публика принуждена будет искать новую землю обетованную — а где ж её найти? От таких перспектив несчастные горемыки ещё отчаяннее пьют горькую и заранее тоскуют.

Для обитателей всех упомянутых островов, как с севера, так и с юга, столицей их маленького мира является Гавань. Это особое место. Нищebroды из устья Невы — самые жалкие в столице; они никогда не

бывали, например, в Гостином дворе или даже на Сенной площади. Там же городовые! Поэтому за покупками и развлечениями островитяне плывут в Гавань — и она предоставляет им всё необходимое. Невский проспект для них — Наличная улица. В той своей части, где в неё вливаются все три василеостровских проспекта, она сплошь заставлена дешёвыми трактирами. Тут к услугам босяков есть всё: торговля горячими потрохами, обмен рваной одежды на ещё большие обноски, скупка ворованного, продажа поддельных видов. А ещё парикмахеры, холодные сапожники^[27], вонючие торговые бани, спившиеся фельдшеры для оказания врачебных услуг. Но более всего в округе гуляющих женщин, не состоящих на учёте в полиции.

Согласно закона, имеется три категории подобных женщин: «билетные» — проживающие в домах терпимости (проходят медицинский осмотр через три дня на четвёртый), «бланковые» — одиночки, принимающие на квартирах (проверяются раз в неделю), и «бродячие развратного поведения» (не подвергаются осмотру вообще). Последние преимущественно и представлены в Гавани. Многие из них уже совершенно потеряли человеческий облик — но даже и на таких находится спрос. Поскольку врачебно-полицейский надзор здесь, мягко говоря, затруднён, среди женщин процветают дурные болезни, которыми они щедро делятся с клиентами. В целом по Петербургу только сифилисом болеет каждая вторая (!) обладательница «жёлтого билета»; о болезнях «помельче» и говорить нечего. В Гавни подобная статистика носит просто устрашающий характер...

Вот в эту вольную республику пьяниц и бандитов и собрался ехать Лыков.

Глава 11

В Гавани

Если Наличная улица играет здесь роль Невского проспекта, то место Английской набережной занимает Шкиперский канал. Мутное его пространство, затянутое тиной, распространяет вокруг такое зловоние, что даже привычные местные обыватели крикают и закрывают нос тряпкой. Большой бассейн Галерной гавани давно превратился в гигантскую помойку; антисанитария здесь ужасная.

Лицом к Гаванскому полю, а тылом к Шкиперскому каналу стоят шесть длинных двухэтажных деревянных домов, окрашенных в буро-коричневый цвет. Это и есть печально знаменитые «Кекинские дома», по праву соперничающие с «Вяземской лаврой». Внутри дома-баракы поделены на тесные клетушки, битком набитые проживающим там сбродом. Большая часть жильцов — легальные ремесленники, рабочие с Балтийской судовой верфи и кожевенных заводов. Их жёны и дочери производят на квартирах жилеты или трудятся переплётчицами — это два исконных кекинских женских промысла. Тягости жизни, слабость характера и доступность водки сформировали особый тип здешнего обитателя: девяносто пять процентов кекинцев — алкоголики. Отсюда воровство, пьяные драки с поножовщиной, грабежи и проституция. Мишка Самотейкин укрывался здесь не просто так: сыскать человека среди восьми тысяч маргиналов — дело непростое.

Согласно справке Адресной экспедиции, в доме номер три проживали две Нины и одна Антонина. Обеих Нин Лыков сразу отвлёл: замужем, и возраст неподходящий. А вот девица Антонина Непотребкова (эк её угораздило с фамилией!), двадцати двух лет, прислуга, подходила по всем статьям.

В её-то дверь и постучался титулярный советник ранним мартовским утром.

Ему открыла молодая, по домашнему одетая женщина, довольно миловидная, но с хитрым «бывалым» лицом.

— И кто таков?

— Человек божий, обшит кожей.

— Это сразу видать. Чего надо?

— Твоего воздыхателя. [\[28\]](#)

— А нету у меня таких; ступай откуда пришёл!
— Как нет? А Мишка? Не дури, Нина, меня Пашка-Канонир прислал.
— И Пашки никакого я не знаю, и Мишки. Уходи! Ты меня с кем попутал.

— Вон как! Ни Пашки, ни Мишки... Ловко. Только у меня письмо к Самотейкину. Дайкось я, что ли, войду, в квартире поговорим.

— Флегонт, подь сюда! — крикнула несговорчивая девица через плечо. — Тут один питинбрюх^[29] пристал, отвадить надо.

Из комнаты на лестницу быстро вышел высокий, плечистый и пузатый мужчина лет тридцати пяти, в бязевой рубахе и драгунский брюках. Он крепко схватил Лыкова за ворот и потрянул.

— Вот я сейчас задам тебе копоти! Чё пристал к бабе?

Алексей, не глядя на него, схватил защитника за загривок, пригнул к полу и сильно сжал пальцы. Тот охнул, засучил руками, пытаясь вырваться, но у него не получилось. Держа Флегонта одной рукой, второй Лыков вынул записку Пашки-Канонира и протянул её Антонине.

— Грамотная? Тогда читай.

Девушка взяла письмо, повернулась к свету и стала медленно читать его про себя, шевеля губами. Флегонт к тому времени уже затих, кротко ожидая своей участи. Алексей разогнул его и сказал только одно слово:

— Брысь!

И рослый осанистый мужчина мгновенно скатился вниз по лестнице и исчез.

Дочитав записку до конца, Нина вернула её гостю и сказала, отступая в комнату:

— Проходи. Эко ты моего нового-то напужал; а такой был бравый!

— Не люблю, когда, не спросясь, руки распускают.

— Где ты с Пашкою встренулся?

— В Семибашенном^[30]. Вчерась оттуда; а Пашке ещё два года тужить.

— За что угодил? — полюбопытствовала девица Непотребкова, с любопытством оглядывая крепкую лыковскую фигуру.

— Щелбана дал одному стрекулисту. Навроде твоего драгуна, бравый чересчур! Его в Обуховскую больницу, меня в Семибашенный.

— Твоими щелбанами, как я погляжу, на Скотопригонном быков валить можно. И как вышел?

— Как все выходят? Отначился^[31]. Ты вот про Мишку расскажи, где мне его сыскать?

Но тут их разговор прервал топот на лестнице, и в комнату ворвался

здоровенный детина с типично бандитской рожей и с регалкой^[32] на крепкой волосатой груди, проглядывающей в ворота рубахи. Из-за его плеча осторожно, но с оттенком злорадства высовывался Флегонт.

— Это что за лихое действо во вверенном доме? — заревел детина, угрожающе подступая к титулярному советнику. — Кто таков, какого звания?

— Лыков Алексей Николаевич, — спокойно представился сыщик. — А ты чего сюда припёрся? Ещё один драгун?

— Я — Кобёл, — гордо отрекомендовался детина. — Тутошный комендант. Говоришь, Лыков? Ха! Я про тебя, кажись, слыхал! Маненький, а любых батырей ломает... Это ты о прошлом годе в Псковской тюрьме с Большим Сохатым сидел? Он об тебе чудеса рассказывал...

— Было дело. Знаешь Сохатого?

— Товарищ мой! Щас у меня в гостях сидит, в соседнем доме!

— Во как! — обрадовался Лыков. — Будь я проклят на семи кабаках! Веди его сюда. Я тут быстренько закончу, и пойдём в хорошее местечко царя поздравлять^[33]. Зубы сполоснём. Год целый не видались — надобно вспрыснуть!

— Ага, я мигом, — просветлел лицом Кобёл. — А ты, девка, — повернулся «комендант» к Антонине, — ответь господину Лыкову всё, что ни спросит. Это такой человек!

И убежал.

Большой Сохатый, или, по метрике, Рафаил Осипов, был знаменитый на севере России «иван», главарь шайки дергачей. Лыков действительно встречался с ним в Псковской тюрьме и там они сдружились. Появление авторитетного уголовного приходилось на руку сыщику, так как подкрепляло его легенду и могло облегчить поиски.

Рассказ Нины был коротким и ничего нового не дал. Мишку она не видела уже три месяца и была на него сердита. Искать его посоветовала на Холерном кладбище; это Алексей знал и без неё.

Через четверть часа тёплая компания из трёх человек сидела в чистой половине трактира «Весёлые острова» на Опочининской улице и употребляла водку. Лыков угощал. Большой Сохатый был действительно крупный, атлетического сложения парень лет сорока, русобородый, со смышлёными глазами и волевым решительным лицом. Фигура очень даже заметная в преступном мире столицы, он оказывал Лыкову очевидные знаки уважения. Кобёл как самый младший больше помалкивал.

— Тебе же, Рафаил, за Бугры^[34] подорожную рисовали, —

полюбопытствовал Алексей. — А ты здесь...

— Через месяц после тебя сорвался. Раздобыл плакат, поселился в съезде дома^[35] на Коломенской. Ребят собрал, работаем потихоньку. Живём, хлеб жуём, а ино и посаливаем... А ты как в этой помойке оказался?

— Вот, — Лыков протянул Сохатому записку. — Попал я тут случайно в Семибашенный, ненадолго. Познакомился с человеком, Пашка-Канонир кличут. Не слыхал?

— Не. Среди серьёзных такого нет.

— Да он рядовой дергач, — вставил слово Кобёл. — Жил одна в «Кекинских домах» с приятелем своим, колбасником.

— Этого колбасника я и ищу. Мишкой Самотейкиным называется. Ты, Кобёл, его знаешь?

— С Антониной сожительствовал. Вот богатырь, так богатырь! Медведь, а не человек!

— Ну, — рассмеялся Осипов, — не видал ты, товарищ, Алексея Николаича в деле. А я видал! Он твоего медведя в мыша обратит.

— А кстати, Кобёл, что это за должность у тебя такая — комендант? — спросил Лыков. — Чем занят в присутственные часы?

— За порядком слежу. Приставлен к «Кекинским домам» от Анисима Петровича Лобова, — солидно ответил Кобёл.

— О-о! Большой, стало быть, в Гавани человек.

— Да уж не последний.

— Скажи, Алексей Николаич, за кой хрен тебе понадобился тот колбасник? Фигура мелкая, — перебил «коменданта» Большой Сохатый.

— Не он сам нужен, а его «маз». Мишка состоит при одном человеке, бывшем офицере; вот его я ищу.

Тут его собеседники вдруг молча переглянулись, и их лица приняли одинаково бесстрастное выражение.

— Вы чего надулись? — обиделся Лыков. — Фамилия офицера — Дубяго. Тот ещё гусь... Но, по справкам, гусь этот добыл где-то на сто восемьдесят тысяч «красноярок»^[36], а сбыть не умеет. У меня же на Москве большие знакомства между староверами; я у них одно время служил... по секретной части. Блюстителю истинной веры такие вещи любят, их мёдом не корми — дай фальшивый банкнот обернуть. Можно всю сумму разместить за половинную стоимость; из них десять процентов мои. Приличный лаж получается!

— Теперь понятно, — усмехнулся Сохатый. — Нужда заставит и

калачи есть! Не слыхал я, чтобы Дубяга «красноярками» занимался, но на него похоже. Это, брат, такая птица, что за деньги на всё готов.

— Встречался с ним?

— Пару раз гуторили. Яманный^[37] он какой-то. Я бы с ним на одном поле гадить не сел. Сердце с перцем, душа с чесноком; сатане в дядьки годится. Поосторожней там!

— За девять тысяч я готов потерпеть его характер. А ежели обмануть попробует, я его в порошок сотру, вместе с колбасником.

— Он сотрёт! — одобрительно подтвердил Осипов, обращаясь к Коблу. — Ладно, Алексей, помогу я тебе найти этого гуся лапчатого. Будто бы, он сейчас в Москве; а другие говорили, что здесь, но скрывается. Нашкодил и боится, что его в розыск объявят. Доподлинно знаю, что он выправлял себе и колбаснику своему новые «малашки»^[38].

— На какие имена? Можно тогда через Адресную экспедицию найти.

— Ну ты спросил! Такого никто не скажет. Деньги-то заплачены немалые, и сохранение тайны входит в прейскурант.

— И как же ты мне его тогда сыщешь?

— Ежели он в Питере, то сыщу, а как — не твоя забота. А вот ежели уехал, то извини.

— Лады! После расплаты, и если он согласится на мой лаж, «большая» с меня. Я снимаю квартиру под своим именем на Шпалерной, угол Воскресенского переулка. 38-й дом, по 9-й лестнице 30-я квартира. Можно оставить записку у дворника.

Договор решили скрепить ещё одним штофом. Пока Большой Сохатый заказывал, Алексей отлучился в ретирадное. Уже возвращаясь, он неожиданно заметил за столом у выхода подозрительного субъекта. Одетый недорогим франтом, тот пил чай с баранками и лениво перелистывал «Голос». По правую руку от него, рядом с фуражкой, лежал вискатиновый^[39] башлык. В человеке было что-то поддельное, не настоящее. Похоже, что это агент сыскной полиции, и следит он за их компанией!

Лыков вернулся за свой стол, махнул рюмку водки, улыбнулся своим собеседникам и спросил, понизив голос:

— Ребята, а кто из вас сыщика привёл?

У «ребят» вытянулись лица.

— Где? — хором спросили они шёпотом.

— Возле входа, у окна, с газеткой. Только пяльтесь аккуратно, не то заметит.

Уголовные осторожно скосили глаза и некоторое время внимательно разглядывали субъекта у двери. Потом Большой Сохатый спросил:

— Алексей Николаич, а почему ты решил, что это «вода»?^[40] По мне, так заурядный стрюцкий^[41].

— Ты его ногтей не видишь. И потом, башлык.

— Что ногти и что башлык?

— У такого типа людей, роль которого он сейчас играет, под ногтями всегда грязь. Не замечал? Забыл он про ногти, когда гримировался... А виксатиновые башлыки на Гороховой с осени выдают агентам наружного наблюдения. Пора знать такие вещи, Рафаил Макарыч. Ты, что ли, в разработке?

— Хгм... Позавчера мы почистили Никольские склады Казухинской биржевой артели. На шесть «больших» смушки^[42] вынесли.

— Крови не было?

— А куда прикажешь деваться? Сторож попался такой голопуз бескишечный, что решил артельное добро защищать. Бывший солдат. Подумал, что он на Шипке, а мы турки...

— Эх, Рафаил Макарыч! Надо отсюда плейту давать^[43]. Я только от дяди вышел, кое-как отначился, все деньги отдал. Наново мне садиться нельзя. Тебе, полагаю, тоже в «город Катаев»^[44] неохота.

— Ох, неохота. Но как убираться-то? Легавые по одному не ходят.

— Не ходят. Второй на улице стоит, а третий у чёрного хода. Если сыскные на тебя за солдата обиделись, там их целый отряд.

— Товарищи, вы меня в ваши дела не впутывайте! — горячо зашептал Кобёл. — Я чистый, на мне ничего нету; а тут за чужую похмель в каторгу угодишь!

— Цыц, мелочь! — сверкнул глазами Осипов. — Не до тебя сейчас. Будем прорываться хоть с боем.

— Ты, Рафаил, парня не губи, — осадил «ивана» Лыков. — Тут голова в ставку идёт. Он пусть линяет, но при этом ещё и нам подсобит.

— Как это?

— Послушай меня и не кипятись. Будешь горячку пороть, только хуже выйдет. А ты, Кобёл, сейчас вставай, попрощайся с нами и спокойно выходи на улицу. Как порог переступишь, сделай шагов с десятков — и вдруг побеги! Двое за тобой следом кинутся — их уже меньше останется. Пока там суматоха будет, мы через второй ход драпанём.

— А этого куда? — Кобёл скосил глаза на сыщика у входа.

— Этому я сейчас кишки на локоть намотаю! — угрожающе просипел

Большой Сохатый и незаметно показал большой нож, засунутый в потайной внутренний карман.

«А ведь и впрямь зарежет, ему терять нечего», — испугался за коллегу Алексей, и жёстко оборвал бандита:

— Я вот тебе самому сейчас намотаю, дурья башка! Хочешь, чтобы и меня и Кобла за твои грехи на одной цепи по Владимирке погнали? Замри! Действовать будем по моей указке. Уйдём без крови.

— Чё это ты тут раскомандовался, брус^[45] необструганный? Дзет!^[46] Смотри, и ты следом за легавым пойдёшь!

Но Лыков не обратил никакого внимания на угрозы «ивана». Он повернулся к перепуганному Коблу, успокаивающе хлопнул его по плечу и сказал на ухо:

— Не дрефь, а делай, как я сказал. Когда тебя в сыском станут допрашивать, Сохатого назовешь, а про меня скажешь, что в первый раз увидал. Кличут Павлом, похож на бывшего талыгая^[47], ищу законной службы. Не уголовный, хотя где-то когда-то и посидел. Ну, будь здоров! Как-нибудь свидимся. Иди.

— А ты, Рафаил, — продолжил Алексей, оборотясь к Сохатому, — уймись пока на время. В другом месте потом разберёмся, кто кому указания может давать. Хочешь, на кулаках, а хочешь — и на ножах. Сначала надо чисто выйти отсюда. Приготовься, а я займусь «фигой»^[48].

Кобёл воспользовался паузой, простился с собутыльниками и медленно пошёл к двери. Когда он выходил наружу, агент машинально проследил его через плечо. А когда повернул голову, перед ним уже стоял Лыков. Уперевши руки в бока, титулярный советник навис над «фигой», пьяно ухмыляясь и покачиваясь.

— Кого я вижу! Здорово, Васятка, чёрт неудельный!

— Вы ошиблись, сударь — мы вас не знаем.

— Ха! Какие мы нынче гордые, что и старых товарищей уже не чтим! Раздайся, грязь — навоз ползёт! Нет, мы давай поцелуемся!

Он растопырил руки для объятий и вдруг молниеносно нанёс удар. Агент без звука, как сноп, повалился на пол. Алексей повернулся к изумлённому трактирщику и спокойно спросил:

— Где тут у тебя второй выход?

— Через кухню.

— Ага. Ну, чего встал? Помоги человеку. Пить не умеет, а пьёт...

И, кивнув Большому Сохатому, Лыков быстро прошёл на кухню. Не обращая внимания на повара, подкрался к окну и осторожно выглянул в

него.

— Смотри, вот он. Видишь? Здоровый-то какой...

Огромная фигура городского в форме, при шашке и револьвере, подпирала ворота. Подлинный гигант, на полголовы выше рослого Сохатого, он был, видимо, очень силен и потому охранял задний ход в одиночку.

— Сейчас я его отвлеку, а ты не мешкай, проскакивай в калитку. По улице идём тихим шагом, не привлекая внимания. Садимся только в третьего извозчика!

«Иван» стоял рядом, шумно дыша и уже не пытаюсь спорить.

Лыков надвинул фуражку на глаза, прикрыл лицо козырьком и стремительно выбежал во двор. Городовой набычился и попытался схватить его за плечи, но не преуспел — титулярный советник ловко уклонился. Завязалась странная потасовка — «пёс»^[49] махал огромными кулаками, а Лыков кружил вокруг него, словно в танце: сам не бил, но и не давал ударить себя. Большой Сохатый воспользовался моментом и прошмыгнул мимо дерущихся в калитку. Городовой выхватил свисток, но ко рту поднести его не успел: Алексей перехватил руку и держал. Верзила ухмыльнулся иронично и принялся подтягивать кулак с зажатым в нём свистком к себе. Не получалось... На усатой физиономии появилось удивление, потом она быстро налилась кровью. Городовой пыхтел, но одолеть противника не мог. Стал помогать себе второй рукой, но с тем же успехом. Лыков разжал, наконец, огромный кулак, вырвал оловянный свисток, смял его двумя пальцами и бросил под ноги. Гигант, тяжело дыша, смотрел на это действо, не в силах сопротивляться.

— Извини, дядя, так нужно, — проговорил Алексей и сильно толкнул городского в толстое брюхо — так, чтобы упал, но не убился...

Две фигуры не спеша вышли из калитки на пустую улицу и спокойно двинулись в сторону Смоленского кладбища. Через двести саженей сели в финские санки и велели поднять верх возка.

— Кажись, выбрались, Макарыч, — вполголоса сказал Алексей, внимательно наблюдая по обе стороны дороги. — Ты куда сейчас?

— Не знаю. Если они меня выследили, то в квартиру на Коломенской возврата нет. А там и деньги, и запасные паспорта. Мне бы хоть до ночи где прокантоваться, а там я к своим ребятам проберусь.

— Да, если их уже не взяли. Как раз в засаду придёшь!

— Спасибо тебе, Алексей Николаевич, — глядя прямо в глаза Лыкову, сказал «иван». — Если бы я виксатинового заделал, тут мне и амба. Того, во дворе, навряд ли бы совладал. И попался тогда с ментовской кровью на

руках... Говорят, таких даже до суда не доводят, фараоны прямо в участке забивают до смерти. Прости меня, дурака, за гонор; я теперь твой должник.

— Ладно, сочтёмся. Сейчас надо тебя облебастрить. Поехали на Выборгскую сторону, на холерное кладбище, там и переночуем.

— Что за место?

— Я сам не был, но знаю, у Мишки-колбасника укрытие было в избе у шмирника^[50]. После холеры уж пятьдесят лет прошло, хоронить там нельзя, место тихое, уединённое.

— Шмирник-то надёжный? Боязно идти так вот к незнакомому человеку. Может, лучше у тебя на Шпалерной пересидеть?

— Ко мне опасно, дворник заметит, донесёт. Пашка-Канонир сказывал: дед правильный, в ста водах вареный. Из ваших, из деловых, но на пенсионе. Зовут Пахом-Кривой. Восьмой десяток разменял, а в молодости, говорят, лихой был «хомутник»^[51]. Договоримся. Дашь ему пентух^[52], так он тебя до второго пришествия скрывать будет. С деньгами я помогу на первый раз. А утром скажешь, где твои ребята обретаются, я их обойду осторожненько. Всё, пора менять извозчика!

Глава 12

Холерное кладбище

Они приехали на Куликово поле, когда уже начало темнеть. Сменили нескольких извозчиков, долго отсиживались в малоизвестном трактире на Охте. К пустому кладбищу днём лучше не соваться — подозрительно. Агенты сыскной полиции шарили по всему городу в поисках Большого Сохатого, и приходилось быть очень осторожными.

Выгрузив из санок корзину с провизией, двинулись по Старо-Муринской дороге. Чтобы ублажить сторожа, да и самим не скучать, мандры^[53] купили много: тамбовский окорок, сало, ситный, круг страсбургской колбасы, мочёные яблоки, жестянки с сардинами и осьмуху водки.

Оставив слева обширное католическое кладбище, беглецы добрались до каменной полуразвалившейся ограды. Вошли в калитку и сразу же из глубины зарычала собака. В почерневшем снегу вела вглубь всего одна тропинка; зашагали по ней. Сугробы да высоченные деревья, меж которыми лишь кое-где проглядывали покосившиеся кресты. Пройдя саженной пятьдесят, обнаружили убогую сторожку, в единственном окне которой горел скупой свет.

Огромный лохматый пёс с лаем бросился на них. «Иван» застыл с опаской. Лыков, которого все собаки почему-то панически боялись, шагнул вперёд.

— Что, Полкашка, звонить будем или за ум возьмёмся? — властно спросил он.

Пёс сразу же лёг на снег и перевернулся, капитулянтски подставляя пузо.

Алексей протянул к нему руку, и Полкан принялся её подобострастно лизать.

— То-то же... Прощаю на первый раз. Пошёл вон!

Пёс мгновенно умчался в темноту.

— Ты как это сделал? — заинтересованно спросил Сохатый.

— Сам не знаю. Меня любят все кошки и лошади. А боятся волки, собаки и даже обходят бешеные быки.

— Я их понимаю, — хихикнул бандит и бодро стукнул в окно. — Эй, хозяин, принимай гостей!

Дверь быстро открылась и на крыльцо без шапки вышел старик: жёлтый, но ещё крепкий и жилистый, с длинными седыми космами и суровым взглядом. Сообразно кличке, он был кривым на один глаз.

— Кто такие будете и чего вам тут спонадобилось? — строго и безбоязненно спросил старик.

— Здравствуй, дед Пахом, — снял барейку Лыков. — Извини, что явились без спросу: нужда заставила. Пашка-Канонир сказывал, к тебе можно.

— А, Пашка... — помягчел сторож. — Ну, ежели от него — заходите.

И впустил гостей в дом, немедля заперев дверь на засов.

Тесная, в одну комнату, сторожка была жарко натоплена. На столе стоял огарок свечи, рядом миска с квасной тюрей; одиноко лежала корка хлеба.

— Ты чего это, паря, с моим Шариком сделал? — спросил первым делом хозяин. — Я в окно глядел, да не понял. Он у меня всю округу в страхе держит, а к тебе сразу брюхом обернулся.

— Здесь твой волкодав, неподалёку. Побегает и вернётся.

Дед Пахом крякнул и сменил тему:

— Что там Пашка? Давно ль ты его видал?

— Второго дни, как расстались. Меня отпустили за недоказанностью, а он в Семибашенном остался. И ещё два года там просидит.

— Так. А сюда пошто пришли? Кто такие, как звать? Доложитесь по порядку.

— Меня, старик, — выступил вперёд «иван», — кличут Большой Сохатый. Может, слышал?

— Большой Сохатый? Наслышан. Это ты в семьдесят восьмом верховодил «вардалаками»^[54] на Горячем поле, и вы попались на отставном гвардейском капитане?

— Я, отец.

— Потом ты утёк с этапа, дергачил во Пскове, опять попался и снова, будто бы, сбежал?

— Всё так.

— Кто у тебя в отряде был из Поима?

— Зосима Припадошный, только он сейчас в Нерчинске.

— Ну, вот тебе красный угол и лучший кусок! Добро пожаловать, гость дорогой!

И Пахом поклонился «ивану» чуть не в пояс. Тот принял это как должное, но и сам выказал старику полное уважение. Было видно, что одного поля ягоды: старый душегуб приветствовал своего достойного

сменщика.

— А это что за молодец? — ткнул Пахом-кривой пальцем в Лыкова. — На нашенского-то не похож...

— Зовут Алексеем Лыковым. Тёртый «брус». Парень своенравный да на руку тяжёлый, через что и страдает. Не фартовый, верно, но свой, проверенный.

— Проверенный... — забубнил сторож, недоверчиво разглядывая сыщика. — Ты сам, что ли, проверял? Не нравится он мне. Не нашего полка драгун.

Отставной головорез словно нутром чувствовал, что Алексей сделан из другого теста.

— Ты вот что, дед Пахом, — жёстко свёл брови Большой Сохатый. — Гонишь его — гони и меня! Алексей Николаич меня сегодня из капкана выдернул, двум легавым чёсу задал — будут помнить до новых веников. Я за него ручательство даю.

И старик сразу успокоился и принялся разбирать корзину. Ему и в голову не пришло усомниться в ручательстве «ивана»... Хорошо, подумал Алексей, что я зацепился за Сохатого в Гавани и появился здесь с ним; одному бы мне кривой сторож не поверил.

Сели вечерять. Старик, изголодавшись по колбасе, в одиночку уплёл половину круга. Залив её изрядным количеством водки, он захмелел и сделался словоохотлив. Сначала обсудили дела Сохатого. Алексей вызвался завтра поутру объехать квартиры его молодцов, известить их о новом адресе предводителя и передать его приказ: привезти в сторожку денег и новый паспорт.

— Сам не ходи, подошли кого, — предостерёг «иван». — Вдруг засада; как-то ведь они меня выследили!

— Найму «пешего стрелка». Они за «ламышник»^[55] в Зимний дворец залезут, не то, что в квартиру. А мальчика полиция не тронет.

Далее Лыков принялся расспрашивать хозяина о Мишке Самотейкине и его патроне. Показал записку от Пашки и разъяснил свой замысел насчёт сбыта в Москве фальшивых кредитных билетов. Старик внимательно изучил послание и лишь после этого, видимо, снял с «бруса» последние подозрения.

— Да, — сказал он, — мысля справная. Я много лет в Москве жил, там всё можно задурманить. Город большой, а купцы жадные. Дубяга, язви его в душу, заради барыша родную мать в коммерческий оборот пустит. За всё берётся! Мы не такие были, нет... Ты его держись, паря, он барин хват! Только вот как сыскать их с Мишкой, я не знаю. Неделю назад земляк мой

заходил сюда, отдал старый должок и сказал, что они с хозяином ложатся на дно. Может, сбегут из столицы, может, здесь зароятся, потому — дела плохи. Кто-то прознал про ихний старый грех и грозитя выдать полиции. Хозяин денег платить не хочет и склоняется вымогателя списать. А тот какая-то важная шишка, и сыскные будут землю рыть в поисках убивцов. Потому спрячутся они всерьёз, уж и бумаги себе обрели на другие имена.

— Да, — погрустнел Лыков, — плакали мои девять тысяч. Как их теперь отыщешь?

— Полагаю я, навпрямь они в Москву деранут, — сказал, подумавши, Пахом-кривой.

— Что так?

— Из Питера им лучше сгинуть, а удобней Москвы места не найдёшь. У Дубяги там серьёзное знакомство. Бусать-то^[56] каждый день надо, без дела долго не просидишь. Много месяц отлежатся, да опять за старое. А в Первопрестольной завсегда сыщешь, кого общипнуть!

— Разумно говоришь. А там как их найти? Дай хоть какой конец.

— Леший разве их концы знает. Помню только, у Мишки там девка есть, Манька-Контузия зовут. Может, она подскажет.

— Панельная?

— Нет, при доме работает. Для богатых дом, а какой — не скажу, не знаю.

— Эх, хрена с два найдёшь на Москве эту Контузию! — в сердцах выругался Лыков, но сам был доволен. Если девка приписана к дому терпимости, значит, состоит на учёте во Врачебно-полицейском комитете, а это уже шанс.

Выпили ещё, и разговор сам собой зашёл о прошлом. Захмелели и Алексей, и Большой Сохатый. Пахом, наоборот, впал в минорное настроение, подпёр седую голову кулаком и начал длинный рассказ:

— Эх, робя, что у меня сейчас за планида? Семьдесят восьмой год идёт! Вам, молодым, не понять. Старость — не радость, а пришибить некому.

Родился я в 1806 году в селе Поиме Сердобского уезда в семействе потомственных «хомутников». Предки мои много годов занимались этим делом. Особливо заманчиво придавить торгового человека; можно и богатого крестьянина. Да на худой конец, и простого мужика, ежли другой добычи нет. Одежа, лошадь со сбруей — всё доход! У нас в Поиме это называлось «ходить в орду за гуртами». Не знаю, почему, но так именно и говорили. В селе тогда было до восьмиста дворов, а таких, как наш — до десятка. Прочие не душили, но как в селе обособишься? Самого удавят,

ежли станешь рыло воротить. Поэтому все знали и все пособляли. Покупали, к примеру. Кому казакин подавай, кому телегу с лошадьё, кому часы нужны скуржавые^[57], а иному вид^[58]. Потому охотно пособляли: всё село было в заговоре перед проезжими. Спросит, к примеру, гуртовщик у местного прохожего: где на постой пускают? Тот и говорит: езжай к Стамезкиным (это наша такая фамилия), у них хорошо и недорого, и клопов мало. А следующего отправят к Щегольковым — от нас через четыре избы, либо к Сметанкиным, либо к Самотейкиным. Все главы семейств «хомутников» промеж себя завсегда заранее сговаривались, кому когда очередь за гуртами идтить. Нельзя же кажнего путника давить! Они тогда и ездить через нас перестанут! Поэтому брали в работу наприимерно восьмого-десятого из торговых людей. Мелочь же всякую — мужиков там, или паломников — без очереди, по желанию; их искать никто не станет.

Конечно, и священники в наводчестве участвовали. Без них никуда! Купцы да старшие приказчики — народ бывалый, осторожный, они у кабака справок наводить не станут. Они, как приезжают под вечер в село, сразу идут к батюшке. И у него только спрашивают, где им безопаснее переночевать. Ну, тот и отвечает: у Стамезкиных. В Поимее два храма-то, Спаса да Трёх Святителей; и священников, стало быть, тоже двое. Оба посылали. А мы им, конечно, утром «мотю»^[59] в узлу несём...

— Эка у вас святые отцы-то какие заточенные! — одобрил Большой Сохатый. — И не брыкались никогда?

— Было раз. Помер наш отец Полиевкт, и на смену ему прислали из губернии нового попа. Молодой, гривастый... Мы принялись к нему присматриваться, чуем: не тот, кто нам надобен! Проповеди разные подпускает, про царствие небесное, и намёки даёт... Не хочет с обществом в ладу жить! А с обществом, мил человек, рази поспоришь? Оно — сила. Либо перекуёт тебя, как ему надоть, либо перекусит. Попал в стаю — лай не лай, а хвостом виляй. Да... Подослали мужики к новому попу второго священника, отца Викентия. Чтобы тот разъяснил человеку, как надо себя в Поиме вести. А молодой-то выслушал, и на дыбы. «Да я вас выведу на чистую воду! Да я то и сё! Становому, благочинному — всем расскажу». Отец Викентий ему говорит: «Себя не жалеешь, детей хоть пожалей! У тебя их трое, и попадьё брюхатая ходит. Пожгут ведь мужики, разбираться не станут, всё семя пожгут». Да...

— И что молодой?

— А ни в какую. «Вот прямо завтра, чуть свет», говорит, «запрягу и поеду. Давно я об вас разное слышал, да не верил; а вы вон какие! Не

допущу — Бог не велит!»

— Во как! И бога приплёл!

— Одно слово — дурак. А дураку, по пословице, и в олtare нету спуску. Ну, и...

— Спалили?

— В ту же ночь. Не хотел жить — ступай помирать!

— И детей с попадьёй тоже? — не удержался Лыков.

— А чего дурней-то разводить? — искренне удивился Пахом. — Их и без того на сто лет запас. Подпёрли двери поленом — никто не вылез.

— Я б детей оставил, — коротко бросил Лыков, понимая, что это и так легко читается по его лицу.

Большой Сохатый со Стамезкиным переглянулись.

— Что я тебе говорил?

— Да я, дед, и не спорил. Но это ж не опасно! Он солдат, солдаты детей не трогают. При том, с ним можно иметь дело.

— Ты, старый хрыч, радуйся, что не попался мне в своё время, — хмуро сказал Алексей. — Я на войне одного такого поучил. Пленных стал убивать. Со скуки. Теперь калека на всю жизнь.

— Ох, не наш ты, паря, не наш, — вздохнул кривой. — Зря ты сюда пришёл. Ступай-ка лучше отсюдова подобру-поздорову.

— Правда, Алексей, чего ты к деду пристал? — вступился за сторожа «иван». — Он же нас приютил. Далась тебе эта попадьё с малолетками! Тому уж, наверное, пятьдесят лет в обед.

— Тридцать восемь, — сказал Пахом, не сводя глаз с Лыкова. — Вот, значит, ты какой...

— Дед, дед, ты тоже уймись, — перебил старика Большой Сохатый. — Лыков и вправду не записной жорж и даже не чёрт мутной воды^[60]; но он им и не прикидывается. Да, не такой, как мы, верно. Для нас, кто настоящий фатовый, люди — это просто сор. Они для того и существуют, чтобы нам было с кого шкуру обдирать. Так?

— Вестимо, так, — согласился дед.

— Вот, к примеру, взять меня. Я уже сколько лет этим занимаюсь. Без крови в нашем деле бывает, что не обойтись. Но просто так, без крайности, мы её не льём. Если уж деваться некуда — тогда, конечно, замочим. Но по нужде! Мы подобным манером на хлеб зарабатываем, иному не обучены! Лыков другой. Я ещё в Псковской цинтовке, когда с ним познакомился, это заметил. Для него, в отличку от нас, мирные обыватели — люди. А жиганы, мазурики — быдло, которое можно бить смертным боем. Это оттого, что он с молодых лет попал на войну и там из него сделали солдата. Хорошего

солдата. Который пленных не убивает, не мародёрствует, баб с детьми защищает. Но война давно кончилась и его выкинули в мирную жизнь. А что ему в ней делать? Зарабатывать на хлеб сохой Лыков не хочет — не того теста, а красиво пофурсить охота. Пойти головы плющить он тоже не может — ему уже мораль привили. Вот и приходится ему, бедолаге, водиться с нашим братом, как-то ладить, уживаться. Потому, как только с нами можно без сохи барно^[61] заработать. Лыков сдаёт свои кулаки в кортому^[62]. У него один только товар и есть — сила! Но товар ходовой, многим нужный. Вот и выходит, что парень не наш, а в чём другом — очень даже наш, не хуже любого фартового. Есть такие люди, дед Пахом, поверь мне. Боятся их нечего, а дружбу водить бывает иной раз весьма выгодно. Вот такой мой сказ. То, что я сейчас здесь перед тобой сижу, а не в покойницкой остываю — его заслуга!

Старик выслушал молча, пожевал бесцветными губами, потом нехотя изрёк:

— Ладно, чего там. Я тоже одного таковского знал, доктор был в Москве. Фамилия Калешин. Бога боялся, а и нам очень помогал. Меня раз на гранте^[63] купец подстрелил. Вот сюда пуля попала (Пахом ткнул себя в правую сторону груди). Дыра была — с греческий орех! Да... Так доктор энтот меня за руку с того света вывел. А когда мы, бывало, на дело собираемся, он въётся вкруг, канючит: вы, ребята, бить бейте, но уж не до смерти. Пожалейте христианскую душу! Мы промеж себя посмеёмся, да иной раз кого и приткнёшь, а Калешину скажешь: отпустил, пожалел, как ты просил. Он радуется, благодарит, будто это его отпустили. Чудак человек... Ладно, замнём. Обидно токмо, что меня в моём же доме честят!

— Ну, замнём, — миролюбиво сказал Лыков, разливая «очищенную» по рюмкам. — Прости меня, старик; погорячился. Рафаил прав: солдат я, и это солдатское из меня иной раз само лезет. Но в одной лодке плывём, а потому не будем ссориться. За здоровье!

Выпили, закусили, потом Большой Сохатый, довольный установившимся миром, предложил:

— Рассказывай дальше, дед Пахом. Как ты к ремеслу приучился, как в Питер попал. Ночь длинная, а я любитель бывалых людей послушать.

— И то! — обрадовался Стамезкин. — На чём уж меня сбили?

— Как у вас попа спалили, совестливого.

— Ну, там история вся. Приехал другой поп. Дородный, розовый... По рылу видать, что не из простых свиней. Всё и пошло по-прежнему.

— А про себя давай.

— Про себя... Эхе-хе... Первый раз я увидел, как тятенька мужика душит, когда мне было десять годов. В двенадцать старший братан начал учить меня приёмам. А стукнуло мне четырнадцать, я рано в силу вошёл, почти как взрослый стал, а по росту тятеньку даже перегнал. Говорю: «Хочу сам спробовать». Тятенька меня и спрашивает: «И как ты будешь энто делать?». Я показываю: вот эдак, опосля вот эдак и эдак. Испытал меня тятя и говорит: «Ну, следующий твой будет». Я два дни ждал, волнение испытывал, руку набивал. А на третий день ввалился к нам мужик ночевать. Шёл с заработков. Ну, завечерело, мы ставни закрыли, лампу зажгли. Сели ужинать. Помолились...

— Что-что? — аж привстал со стула Сохатый. — Помолились?

— А как же? Икон-то у нас полная божница. Иначе нельзя! Что это за дом, в котором икона не висит? Люди как приходят, первым делом ищут, куды лоб перекрестить.

— Для блезиру, значит? Это правильно. А сами-то крестились, когда не на людях?

— Не... Пошто? Верил бы я в бога — рази стал бы такими делами заниматься? Бабы — те крестились.

— И церкву не посещали?

— По надвудесятым приходилось. Там толпу надо было изображать, потому, начальство приезжает, помещики соседские... Но ходили, правда, нехотя: поп сидя обедню служит, а приход лёжа богу молится.

— Барин в Поиме был?

— Мы при крепостном праве были графов Шереметьевых. Род богатейший: имений столько, что за всю жизнь не объедешь. Ни разу на моей памяти никаких бар у нас не было, токмо управляющие.

— А они знали про ваши проделки?

— Конечно, знали. Кого бояться надо, помнили наизусть. У нас же такие мужики на селе — они и с чёртом не здоровались! Был, конечно, уговор, что гостей управляющего не трогать — ну и ладно. Да... О чём уж я?

— Путник к вам зашёл.

— Ага. Матушка на стол собрала, помолились мы, сели тюрю хлебать. Мне кусок в горло не лезет! Руки вдруг принялись дрожать, всё из ложки проливаю. А сырмятный ремешок уж в кармане запасён. Тятенька на меня смотрит, глаз косит: может, в другой раз? Мне и сделалось стыдно: али я хуже людей? И решил для себя, что ни в какой ни в другой раз, а сей же час всё и сделаю. И моргнул тятеньке, и он меня понял. Дохлебал я бойко тюрю; как у меня решительность появилась, то из ложки уж больше не

капало. Встали все, тятя матушке бровью повёл, она ушла в бабий кут. Братан на двор вышел, стрёмить, а тятя здесь, в горнице, готов в случае чего подмочь. Зашёл я мужику за спину и... Запросто всё получилось, с первого почина. Там один токмо приём и есть, нехитрый. Ремешок должен быть крепкий и тонкий, чтобы сразу в горло впивался. А на конце его рукоятка из орешника, короткая, по ширине кисти — чтобы удобнее было дёргать. Левою рукою петлю ему сзади на горло набрасываешь, ею же в шею упираешься, а правую рукою одним сильным рывком затягиваешь удавку. Покуда жертва очухивается, толкаешь её в загривок и ногу под голяшки подставляешь. Он либо на колени валится, либо сразу ничком. Тебе это без разницы: упираешь ему коленом в спину и тянешь ремень обеими руками на себя что есть мочи. Ежели токмо человек упал плашмя, тогда надобно свою вторую ногу вбок отставить, вдоль пола, для равновесия — иначе он может тебя со спины сбросить. Вот и весь артикул!

Да... Так у меня с первого разу и заладилось. Тятя мужика перевернул, глаз ему открыл — готовый. Ну, говорит, Пахомка, ты у меня молодец удался: я от своо первого весь обблевалси...

— А ты, значит, нет? — перебил Лыков.

— Я всё задорно проделал. Да... Принялись мы покойника шемонять, а при ём семь рубликов серебром! С заработков, вишь, домой-то возвращался. Тятенька ещё боле тут обрадовался и выдал мне с тех денег тридцать копеек. Купил я тогда на них баранок с маком и конфектов. Первый был мой дуван!

— Стало быть, ты первую христианскую душу всего за тридцать копеек уделал? Не густо.

— Дык я ж мальчонка тогда ещё был! И потом — никогда не знаешь, сколько возьмешь. Я раз в Мытищах одного задавил. По виду богатый купец, дородный. Толстый — натошак не обойдёшь! А в карманах пятиалтынный с медью только и оказались. А другой раз уже здесь, в Парголове, попался по наружности полный нищеврод, а в сибирке, в подкладке, пять «собак»^[64] было зашито. Да...

Пахом-Кривой махнул ещё рюмку, раскурил от свечки папиросу, выдохнул дым в потолок и продолжил:

— Ну, с тех пор и пошло-поехало. Тятя завсегда мне поручал. У тебя, говорит, невры чугунные и рука твёрдая. Без похвальбы скажу — так и было! Очень рано я в полную силу вошёл: крепкий, жилистый. Главное же — кураж у меня был. В нашем деле кураж нужнее всего. Ежели в руке своей уверен, то он — жертва, то есть — от тебя не уйдёт. И стал я лучший «хомутник» во всём Поиме. Когда особый какой гость прибудет — на вид

могутный, или там богатый купец, тут всё чисто сделать надо, и всегда звали меня. Знали — я как надо сработаю.

— И что, никто не успевал противление оказать? — недоверчиво спросил Большой Сохатый.

— А как ты окажешь? Удавка сразу горло стягивает. В глазах темнеет. Хочешь вдохнуть — а не можешь. Большинство тут же валится и завсегда, перед тем, как умереть, обмочится. Случались пару раз капризы, но я их пресекал. Один, отставной фельдфебель, опытный, видать, был, и ещё в большой силе — так через голову перекувыркнулся. Когда удавку почувствовал. Ухватился обеими руками позадь затылка за ремень, натянул его, да и прыгнул. Думал, я петлю-то выпущу, он и вывернется... А только я следом за ним скакнул. Он на мне и оказался, сверху, спиной на самом моём рыле. Ёрзает, ногами сучит, на живот перевернуться хочет. А я терплю да знай ремешок затягиваю. Потрепыхался он эдак с минуту, да и затих. Три тыщи мы на ём нашли! Жирный карась оказался!

В другой раз попал байбак, золотопромышленник. Тоже матёрый! Он как петлю осознал, сразу назад толкнулся, в надежде с ног меня сшибить. А я ж ему левой-то рукой в шею упираюсь! Он на меня, а я не даю! Купец догадался: в поясе согнулся и сел мне в ноги, мыслит перебросить через себя. А только я зараз ему коленом в холку да как рвану удавку снизу вверх! Из него сразу и дух вон. Все штаны обдристал, мамка еле отмыла. Да... Ну, там ещё было кое-что по мелочи... Поп один, к примеру, попытался меня за причинное место схватить, да только я отстранился...

— Вы и попов душили? — удивился «иван».

— Двоих всего, и тех в столице. В Поиме нельзя было.

— Дед, а всё же ты тюлькагон^[65], — сказал Лыков. — Всю жизнь гладко быть не может. Расскажи про тот случай.

Сторож нахмурил седые брови, буркнул угрюмо:

— Ну, вышло одна. С кем не бывает? Осёкся я что-то, и он успел пальцы под ремешок просунуть. Пришлось его саксоном^[66] в спину добивать. Так это единый раз за пятьдесят годов!

— Значит, саксон-то наготове держал?

— А как же? Завсегда. И его, и трифона^[67]. Мало ли чего!

— И один всего раз осечку сделал? — продолжил расспросы Лыков. — Не верится... Скажи уж правду; нам интересно! Вот мне почудилось, будто ты прихрамываешь на правую ногу. Едва заметно. Это кто тебя так?

Пахом нахмурился ещё больше:

— Вот ведь пристал! Ну, был ещё случай... На пластуна мы сдуру напали, уже здесь, в Питере. Кубанский казак. Опытный, чёрт! Не совладал я с ним, ухнул. В каких его только водах варили? Одно слово — пластун! Только я петельку накинул, а уж он колено подтянул, из сапога ножик выхватил и в единый миг всё и порешил. Ткнул меня наугад и попал в ляжку — я аж присел. А вторым махом перерезал ремешок. Беда! Хорошо я смикитил — сразу в дверь и дёру. Бегу, а руда^[68] так и хлещет; полный сапог натёк. Только этим и спасся, а двоих моих товарищей пластун на месте положил... С тех пор больше я казаков не трогал; ну их к лешему!

— Из Поима почему уехал? Скучно стало? Или на заработки?

— Нет. Мне там хорошо было... Обшибся я.

— Не того задавил?

— Точно так. В двадцать восьмом году я женился. Тятя братана с семейством выделил, а мы с Машонкой остались. Сытно было. Двух девок она мне родила. Деньжата у меня уж завелись, землицы прикупил... Да тут проезжал один барин. Вот не нужно мне было его давить! Уж как не нужно! Смешно сказать — на получарки позарился. Красивые, скуржавые, старинной работы. С фамильным его гербом. Апушкин была фамилия барина. На свою да на мою судьбу он их из чумадана вынул, хотел нас травничком угостить. Приберёг бы, не показывал — обои бы наши жизни по другому сложились. Шесть получарок было. Я как их увидал, сразу возжелал. Что на меня тогда нашло? Хочу, и всё! Решил ими завладеть. Спервоначалу предложил продать. Обиделся барин! Вещь, говорит, родовая, от дедов-прадедов осталась, из них сам Пётр Первый пивал! Я ещё пуще принялся настаивать. Шутка ли — Пётр Первый! Барин осерчал, я тоже. И... завладел. Тятенька меня как потом материл — а уж не исправишь. Сожгли мы барина с кучером в овине, как водится, и всё спервоначалу было тихо. Мы подумали — обошлось. Да...

Пахом помолчал минуту, потом продолжил:

— Молодой был барин-то, Апушкин. Не хотел помирать. Как увидал, куда дело клонится — просил его отпустить. Очень просил, жалобно так. Не губите, говорит, пожалейте. К семье он ехал. Всё отдам, и клятву перед святыми образами приму, что никому и никогда не расскажу про ваши дела. Сын у его, вишь, родился... К сыну он ехал. Кровиночку свою, говорит, хочу на руки взять; не видал я ещё его, в моё отсутствие он на свет появился. Христом Богом просил... А как его теперя отпустишь? Побожится, уедет — да сразу и к становому. Пришлось-таки задавить. Да...

А через три недели они и свалились, как снег на голову. Сыщики из губернского города. Взяли сразу четырёх мужиков к старосте на двор, и

давай их там драть! Самотейкина, вот нашего Мишки деда, потом Щеголькова, двух других не помню. Дерут — страсть, мясо со спины кусками летит. И спрашивают только одно: скажите, чёртовы дети, кто барина Апушкина задавил? Оказалось, он брат саратовского губернатора... Кто же знал?

Да... Три часа сыщики мужиков драли, и поняли мужики, что заporют их там до смерти. И Щегольков не выдержал, указал на меня. Сыщики взяли десятских и ночью к нам и нагрянули. Меня по счастью дома не было, я уехал в Тамбов бариновы вещи торговать. Часы у него были, рубаха голландского полотна... Сыщики как вскочат в избу, да сразу и к сундукам. А там на дне — те самые получарки. С гербом. Чего уж тут отпираться? Тятенька меня назвал, сказал, что я в Симбирск укатил; а брата на всё отмазывал... Учинили обыск и в избе, и на задах. Много всего такого нашли, чего хрестьянину иметь не положено. Одного жемчугу целый стакан, а ещё дукаты золотые, несколько купеческих медалей... Увезли тятю с братаном в саратовский острог, и оба они там и померли, до суда не дожили. В селе же поставили засаду. А я в Тамбове, знать ничего не знаю! Сбросил барахло, собираюсь домой вертаться. И тогда Оська Самотейкин, Мишкин будущий отец, ночью за околицу — и убёг из Поима. Добрался до Тамбова, обошёл весь город, сыскал меня и предупредил. Да... Я, с чем был, в Москву. С тех пор Самотейкины мне заместо родных. Потому ещё, что своих-то и не осталось. Года не прошло, как увезли тятеньку с братаном в острог и там умили, как следом перемёрли и бабы со всеми детьми. Куда они без мужиков?словно холерные — общество от них шарахается. Матушка первая преставилась, потом братова жена, и уж опосля всех — моя Машонка с обеими девками. Остался я один, как перст. И всё из-за шести получарок...

Пахом вылил в себя ещё водки, раскурил новую папироску и продолжил:

— По первому времени изрядно мне пришлось в Москве претерпеть. Ни денег, ни паспорта. А меня ловят... Три месяца скрывался я в Зелёных горах, что между Даниловским кладбищем и Варшавским трактом. Вырыл в овраге пещеру и жил в ней. Будто зверь... Днём прятался, а ночью на дорогу выходил, с дубиной. И однажды, уж под осень, мне повезло: поймал почтовика. Кончил, полез в сумку, а там пакет с пятью красными печатями! ^[69] А в ём — четыреста с лишком целковых! И плакат ^[70]. На этом я и поднялся. Спервоначалу положил деньги в земельный банк ^[71] и затаился. Тихо всё... Переехал я тогда в город, поселился в Арженовке. Нашёл наших

поимских. Составили мы шайку и стали опять хомутничать. Да... А в пятьдесят втором, перед самой войной, залезли мы в один богатый дом в Лефортове. Придавил я там пять человек: прислугу да барыню с молодым барчонком. Барчуку годов двадцать, и лицо словно знакомое... Где я его видал — не могу вспомнить. А как открыл буфет: батюшки святы! стоят те самые получарки! Шесть штук с гербом. Видно, сыщики их тогда вдове вернули. Вот каково нас жизнь переворачивает!

Старик встал, подошёл к комоду, порылся в нём и вынул одну рюмку. Показал и тут же убрал обратно в комод.

— Вот оне, и сейчас со мной. Но я из них не пью и вам не дам. Память.

— Выходит, дед Пахом, ты случайно весь род Апушкиных перевёл? И отца, и сына? — уточнил Большой Сохатый.

— Выходит так, — согласился Пахом. — А оне мне за то отомстили. Потому, как я последний Стамезкин остался. Сидел бы сейчас у себя в Поиме на завалинке, а вокруг бы внуки да правнуки резвились. Да... Живём шутя, а помираем взаправду.

— А здесь как оказался?

— Да опять же из-за них, из-за проклятых Апушкиных. Снова почали нас ловить, после Лефортова, и так настойчиво, как никогда ране не искали. Рука у них, видать; сыщики инда землю рыли! Яковлев, известный, уж на хвост сел. Пришлось плейтовать. Перебрался я в Питер, сменил плакат. Поселился в Малковом и прожил там двадцать шесть лет. Да... А в семьдесят восьмом подсобили мне сюда пристроиться. Вышел в полную отставку! Старый стал людей душить. С тех пор тута и обретаюсь. Беру по мелочи с тех, кого прячу, на то и живу. Копчу небо потихоньку. Вот, глядишь, и вам сгодился...

— И ни разу, выходит, ты в тюрьме и не сидел?

— Не довелось.

— Пьём, едим как люди — чем мы не люди? — снова сорвался Лыков. — Сколько же ты, дед Пахом, народу на своём веку придавил?

— Сколько ни есть, все мои! — огрызнулся старый душегуб, сверкнув из-под седых бровей волчьими глазами. — Тоже исповедальник выискался! Ты своих-то сосчитал? Солдат...

— Шабаш, говоруны! — весело оборвал спор Большой Сохатый. — Бросайте водотолчу. Почитаем-ка лучше книжку в пятьдесят два листа. А сослать нас всех в карточные работы! Святцы^[72] в избе есть?

— А то как же! — обрадовался Пахом-Кривой. — Щас раскинем. Поставим туза в цвет и в масть по рублю за око. Взаправду — уболтал я

вас, время и отдохнуть.

— Играть-то будешь на Демидов счёт?^[73] — поддел «ивана» Лыков. — Деньги твои теперь, поди, на Гороховой фараоны делят.

— Вот язви их в душу! — бандит грохнул кулачищем по столу так, что повалилась плошка. — Запомню; у меня же всей сорги семь рублей с мелочью. Давайте, раз такое дело, спать ложиться... Назавтра разберёмся.

Сторож постелил гостям на полу. Устраиваясь поудобнее, Алексей почувствовал, как что-то острое впилося ему в бок. Пошарил и вытащил из щели между половицами небольшой металлический предмет. Присмотрелся в полумраке — в руках у него был серебряный жетон размером в три четверти вершка. Жетон имел форму так называемого греческого креста, с прямыми симметричными полями. Одна его сторона была залита гладкой белой эмалью, а на другой пальцы ощущали какие-то цифры, выбитые пуансонами (кажется, 7 и 3). Сыщик хотел показать находку хозяину и поинтересоваться, что это такое и откуда взялось, но передумал. Засунул жетон поглубже в карман и быстро заснул.

Глава 13

Перед отъездом

Утром проснулись ещё затемно. Допили вчерашний чай вприкуску с колбасой, и Лыков отправился по сообщникам Большого Сохатого за подмогой. «Иван» дал ему четыре адреса, в том числе и своей «марухи». Сыщик решил начать с неё. Приехал на Пески, на Слоновую улицу, и из чайной напротив некоторое время наблюдал за указанным домом. Вроде бы всё было спокойно. Осмотревшись вокруг, Алексей поманил к себе пальцем испитого мужичонку в перепачканной поддёвке, уныло цедившего жидкий чай из стакана.

— Эй, купец! Хочешь на сороковку заработать?

Мужичок вмиг подскочил, сорвал с головы картуз без козырька:

— Чево прикажете, ваше степенство?

— Вон дом насупротив. По третьей лестнице живёт в квартире барона Розена в прислугах Фелицата Глистова. Вызови девку. Скажи — в чайной её кредитный дожидается. А то хозяева меня чегой-то не любят... Пятнадцать копеек.

— Сей же миг, ваше степенство. Глистова... как? Фелицата? Сей же миг!

Мужичок споро ринулся к двери. Выждав полминуты, Алексей вышел за ним следом, быстро прошмыгнул к ближайшему перекрёстку, встал за угол и принялся наблюдать. Только он это проделал, как из дома Глистовой выскочили четверо крепких мужчин, одетых в статское платье одинакового фасона, и стремительно ворвались в чайную. Понятно... Титулярный советник отшатнулся в переулок, поднял руку:

— Извозчик! В Чубаров переулок.

За полтора часа он объехал остальные три адреса Сохатого, и везде картина повторилась: повсюду стояли полицейские засады. Решив всё не спеша обдумать, Алексей зашёл в польскую столовую и заказал фляки и чай «с позолотой».^[74]

Лыков, как и многие петербуржцы среднего достатка, любил эти столовые за чистоту и недорогую, но вкусную кухню. С питанием бессемейному люду в столице всегда была морока. В ресторации не находишься, да и трактирные цены начали нынче кусаться. В кухмистерских держи ухо остро — того и гляди, потравят. Проживая на

Шпалерной, сыщик платил за комнату в 12 квадратных саженей 24 рубля в месяц, имея утром и вечером за эту сумму ещё и самовар. Чай, сахар и булки добывал сам в ближайшей лавке; иногда приходилось довольствоваться одной отварной водой, без ситного. Жалования титулярный советник получал 104 рубля, да ещё 28 рублей столовых. Из жалования 6 % ежемесячно удерживалось в качестве эмеритурных начислений. Эти суммы накапливались на личном пенсионном счёте Лыкова; он должен получить их по выходе в отставку. Департамент полиции оплачивал своему чиновнику по особой статье свечи и дрова, но всегда не на полную потребность. Принадлежность к летучему отряду давала Лыкову прибавку в треть оклада жалования, что очень его выручало. Чины петербургского градоначальства загребают вдвое больше департаментских, к зависти последних. Пристав резерва городских подполковник Шванк, силач и приятель Алекея по Атлетическому обществу, сильно поэтому переманивал его в свои помощники. Триста сорок целковых плюс казённая квартира! Но куда же Лыков от Павла Афанасьевича? Да и служба в последнее время стала у него лихая, интересная. То в тюрьму подсадят, то кавказских абреков ловить — а с ними не заскучаешь.

Промыкавшись первые полгода в столице, Алексей вошёл в стачку с тремя такими же, как он, молодыми холостяками. Мужчины отдавали по 35 рублей в месяц пожилой вдове коллежского советника, проживающей в доходном доме Роля на Спасской. Эта добропорядочная и аккуратная женщина готовила им за вложенные деньги ежедневный, сытный и вкусный обед из трёх блюд, с закусками и тестяным^[75]. По воскресеньям добавлялось четвёртое блюдо — дичь или сиги. (Не забыть бы, кстати, занести ей деньги за март до отъезда!) С ужином было уже проще: Лыков покупал в зеленой лавке калёных яиц и ветчины и съедал их дома за самоваром. Из уцелевших денег он отсылал 20 рублей матери в Нижний Новгород; иногда, при наличии наградных, несколько больше. За вычетом всех указанных трат на руках оставалось не более 50 целковых. На эту сумму титулярный советник жил целый месяц, выкручиваясь, как мог. И ничего! Хватало даже на мелкие подарки Анюте, белошвейке с Итальянской улицы, которую Лыков завёл себе «для здоровья» год назад.

Известно, что ателье мод часто представляют из себя тайные дома свиданий. Скучающие богачки могут ускользнуть от своих надоевших, но ревнивых мужей только к портнихе. А там, в отдельной комнате с запорами, уже заставлен закусками и вином стол, и дожидается приятный знакомец. В углу за ширмами остывает кувшин с горячей водой, и таз

приготовлен, и полотенце — всё это хозяйка ателье вставит потом в счёт за очередное платье. Насмотревшись на такие вольности, молодые белошвейки, которых у каждой «мадам» до дюжины, делаются весьма раскованы в поведении. Но, как честные девушки, они ищут себе не случайного клиента с трёшницей в потном кулаке, а милого дружка. И денег не берут, а принимают только подарки, всегда скромные (им дорого внимание). В столице по полицейской статистике проституцией занимается под десяток тысяч женщин, и каждая вторая из них болеет или болела сифилисом. Для одиноких, но разборчивых мужчин, как Лыков, белошвейки — лучший выход. Они не шлятся с кем попало, а хранят верность своему дружку, пока тот сам не простится (обычно это происходит из-за женитьбы «воздахтора»). Весёлые, не думающие о завтрашнем дне, чистоплотные, не жадные и требующие только приветливого обращения, столичные гризетки созданы для лёгкой любви. (Правда, они и делают основные «поставки» в приюты для подкидышей...) Толстый богатый купец никогда не заполучит себе такую девушку — она не продётся, сколько ни предлагай. А стоило только Лыкову сложить пирожком пятак, оброненный Анютой в Александровском саду — и она сразу же в него влюбилась. Сильный, порядочный, ни с кем не повенчан — что ещё надо?

Алексей при знакомстве выдал себя за конторщика биржевой артели. Всё лето они встречались по воскресеньям у него на квартире. Осенью, когда открылись увеселительные заведения, начали ходить в комедию, в цирк и изредка в танц-классы. Последние Лыков терпеть не мог, но Анюта очень любила танцевать, и он поддавался на её уговоры. В заведении Самолётова (бывшем Марцинкевича) публика сделалась совсем уж неприличной. В первый же вечер Лыкову пришлось спустить с лестницы двух пьяных приказчиков; на следующий раз выбить зубы какому-то маниаку, задравшему тростью подол на барыне. После этого они взялись посещать «Орфеум» на Владимирской улице, в доме купца Кулебякина. За вход там брали аж по рублю с человека, предлагая танцы с буфетом, пение на разных языках и даже гимнастические упражнения. А однажды зашли в Русский семейный сад Егарёва, что на Офицерской, и там оказалось лучше всех. Шансонетки, шансонетки и шансонетки — на любой вкус, такие же молодые и весёлые, как и подружка Алексея. Притом артисты все отборные и умеют себя вести.

Изредка сыщик водил свою пассию в приличные трактиры, чаще всего после выдачи наградных. (Их присылают дважды в год, на Рождество и Пасху, обычно в размере оклада жалования). На ту же Пасху и на Масленицу посещали «народные театры» на Марсовом поле. Лыкову это

буйное зрелище напоминало знаменитые Самокаты с Нижегородской ярмарки. Спектакли наподобие «Солдата-балагура», карусели, переносные панорамы, гимнасты с вольтижёрами^[76], намазанные салом шесты для лазания, неизменная пантомима Берга, чудеса белой магии, кукольные театры и балаганы с зазывалами-клоунами. Обязательно присутствуют и уродцы. Девушка Антуанетта без затруднений ставит на свой необъятный бюст поднос с кофейным прибором на шесть персон; женщина-обезьяна Юлия Пастрома демонстрирует за гривенник своё густо заросшее чёрным волосом лицо; дикий человек Антропофаг покрыт шерстью с головы до пят. Всюду огромная толпа простого люда, с гармошками и без оных. На Марсовом в такие дни продают только пиво, но публика поголовно пьяная, хотя настроены все дружелюбно. На гуляньях неизбежно присутствуют люди Виноградова и усиленные полицейские наряды от Адмиралтейской части. Алексей пытался было прятаться от коллег, но это оказалось невозможным: каждый спешил с ним поздороваться и с любопытством глазел на Анютку. Пришлось частично сознаться девушке: сказал под большим секретом, что он сыскной агент. У полиции плохая репутация в обществе, и особенно среди бедноты, но выручал Путилин. Газеты много писали о его подвигах и мастерских расследованиях зверских убийств. Старик уже не у дел (это называется «командирован в распоряжение санкт-петербургского градоначальства»), но остаётся знаменитостью среди обывателей. Журналисты начали даже придумывать путилинские похождения, или перевернуть подлинные, что ещё более нравилось невзыскательным читателям. Когда Анюта узнала, что её дружок близко знаком с Иваном Дмитриевичем — полюбила сыскаго агента ещё крепче. У них теперь уговор — если увидит она Лыкова не в своей личине, и знак он ей никакой не подаёт, то проходит мимо, будто бы не знакомы. И в ателье своём помалкивает! Секреты эти девушке чрезвычайно нравятся. Когда-то титулярный советник увидит теперь свою весёлую подружку? Но пора за дело!

Итак, у него на крючке два злодея, и обоих нельзя арестовать. Большой Сохатый обещал разыскать Дубягу. У «ивана» свои возможности для поисков, которых нет у сыщика — вдруг получится? После короткого раздумья Алексей решил, как ему поступить с бандитом. Он привезёт ему новый паспорт и даст немного денег взаймы. Расскажет о засадах по всем адресам. И попросит разыскать-таки Московского Баранчика. Большой Сохатый поселится, где выберет, пропишется по паспорту и примется за поиски. Когда потребуется, Алексей легко обнаружит его по прописке и арестует.

Сложнее было со сторожем. Вот уж кого бы, по совести, надо повесить за ноги на Конной площади! Чтобы помучился перед тем, как подохнуть... Но закон не велит. Во-первых, нет никаких доказательств его вины, а слова к делу не пришьёшь. Во-вторых, преступники старше семидесяти лет освобождаются от тюрьмы и каторги. Им грозит только бессрочная ссылка, да и то в губернии европейской части России, а отнюдь не в Якутию. Старый душегуб извёл за свою жизнь не один десяток народу — и умрёт не наказанным. Ну, сошлют в Вологду... Ещё и пособие из казны станут выплачивать, чтобы с голоду не помер. И получится у него благодаря Лыкову обеспеченная старость!

Лыков так и не изобрёл, как ему поступить с Пахомом-Кривым. Приедет шеф, доложу, решил он; у Павла Афанасьевича голова не чета моей, он что-нибудь придумает. Пора было наведаться в родной департамент.

Действительно, Цур-Гозен передал титулярному советнику две телеграммы от Благово, присланные из Берлина. Шеф приказывал своему ученику сделать два визита. Первый: сходить к барону Таубе в Военно-Учёный комитет и выяснить кое-что о немцах. А именно, извещены ли они, по сведениям военной разведки, о наличии секретного русско-французского протокола. Если извещены, то как, через кого, и имеют ли самый экземпляр протокола. Второй: навестить коллежского советника Семякина и расспросить его о связях террористов с раскольниками в Москве; вдруг там всплывёт фамилия убитого рогожца...

Семякин заведывал третьим делопроизводством Департамента полиции, самым ответственным и секретным. Именно оно занимается политическим сыском в империи и даже за её пределами. Унаследовав от Третьего отделения это ремесло вместе с архивами и частью агентуры, делопроизводство организует теперь борьбу с террористами. Задача трудная, работа грязная. Лыков начинал свою службу в департаменте именно здесь, и даже проболтался полгода в Швейцарии в качестве наружника, пока Благово не вернул его к любимым уголовничкам...

Семякин, молодящийся блондин, принял бывшего подчинённого с удивлением:

— Что, опять фартовые с политиками снюхались? Фроленко-то твой сидит, голубчик, в Петропавловке. Могу ему за то, что он тебя в Нижнем подстрелил, режим ужесточить. Хочешь? Только скажи!

— Лежачего не бьют, Георгий Константинович. Бог с ним. Вы мне лучше кое-что другое растолкуйте.

И он протянул телеграмму от Благово.

Коллежский советник прочитал её и помрачнел.

— Нашёл, чего спросить! Этого в деталях никто в империи не знает, даже я. Обе стороны стачки — нелегальные; с какого конца ни подступись — ничего не выведаешь. Так, одни обрывки...

— Давайте хоть обрывки — вдруг пригодятся?

— Как угодно. Первым из радикалов старообрядцами заинтересовался Василий Кельсиев. Было это довольно давно, ещё в шестидесятых. Кельсиев убежал в Лондон и там переиздал четыре тома материалов о скопцах, собранных по приказу Николая Павловича секретными комиссиями графа Перовского. В 1867 году революционер наведлся в Румынию, в скопческую колонию, и пробовал вести там пропаганду. В Галаце и Яссах познакомился с тайными курьерами секты, которые проникали сквозь границу в Россию с инструкциями для единоверцев. Но отношения не сложились: скопцы оттолкнули Кельсиева своим схоластическим изуверством. А через пять лет радикал помер и тема сама собой закрылась.

Следующим, кто обратил внимание на раскольников, стал сам Александр Михайлов, знаменитый Дворник. Это человек выдающийся! На любом поприще он достиг бы огромных успехов благодаря особой организации ума, но выбрал террор — и тоже сидит сейчас в Петропавловке. Дела Дворника плохи, он болен чахоткой и долго не протянет... Жаль. Михайлов был членом Исполнительного Комитета «Народной Воли» и её фактическим председателем. Именно он сделал тайное общество почти всемогущим и неуловимым. Михайлов ввёл своего шпиона Клеточникова в Третье отделение и заранее узнавал о засадах и готовящихся арестах. Он же учредил паспортный стол «Народной Воли», в котором нелегальным фабриковали за считанные часы любые документы. Главное же, именно Михайлов создал знаменитую конспирацию общества, которая так долго его хранила. Меняющиеся шифры и пароли, сеть явочных квартир, агентура во всех слоях общества, а самое важное — ежесекундная осторожность и дисциплина, доведённые до автоматизма. Всему этому Дворник научился у бегунов. Он два года скитался по России и крепко с ними сошёлся. Бегуны — особенная секта. По всей империи, от Варшавы до Владивостока, у них существуют тайные маршруты с квартирами (они называют их — «пристани»). Человек без документов и без копейки денег может незаметно для властей пересечь всю державу, и полиции никогда его не поймать! Имеются целые сёла, всё население которых исповедует этот толк, посещая для маскировки обычную церковь. А, например, Юрьевский уезд Костромской губернии почти целиком

принадлежит бегунам и является их главной базой. В бегунских сёлах в домах устроены двойные стены и кровли для укрытия тех, кто находится в розыске. Все дома соединены тайными подземными ходами, имеющими выходы далеко в лесу. Поверь, это вовсе не слухи — сам видел! Вот у таких матёрых конспираторов Михайлов и учился. А заодно и провоцировал их на борьбу с правительством.

— Если я сейчас приеду в крепость и попрошу его рассказать о связях со старообрядцами — не скажет?

— Конечно, нет. Умирает, но с правительством не замирится.

— Ладно. Валяйте дальше.

— Да уж нечего валять. Вот, в Якутии отбывает ссылку некий Виктор Данилов. Загремел ещё пять лет назад. Этот «работал» с духоборами. Брешко-Брешковская и Каблиц пытались пропагандировать среди хлыстов. Что у них из этого получилось, мы не знаем — секрет. Из последних дел наиболее интересно создание в 1882 году новой секты «Христианское братство». Слепили её два народника — Василий Гусев и Яков Стефанович, причём всё было весьма серьёзно. Гусев сошёлся с евангелическим христианами в количестве несколько тысяч человек, и стал у них как бы духовным отцом. Забавный тип! Усвоил их манеру говорить, одеваться, выучил наизусть всё Священное Писание и может часами его цитировать и комментировать. Эдакая смесь блаженности и хитрости... Стефанович — тот ещё более тонкая бестия. Устроитель «Чигиринского дела» — помнишь такое?

— Это в 79-м? Тогда на бунт поднялось несколько тысяч крестьян. К ним приехал эмиссар якобы от самого царя с тайной «Золотой грамотой»: помогите, мол, отобрать землю у помещиков и отдать вам.

— Стефанович и был тем эмиссаром. Грамоту сам сфабриковал. Мужики пошли на каторгу, а он, подлец, скрылся. Что интересно — из двухсот осуждённых его не выдал ни один человек! Крестьяне до сих пор верят, что это был настоящий царский посланец. Так вот, в прошлом году Стефанович снова тайно проник в Россию «для усиления борьбы» и попался. Причём с пачкой прокламаций от имени «Христианского братства».

— Георгий Константинович! Вы всё о бегунах да евангелистах. А рогожцы? Расскажите мне про австрийское согласие. Меня интересуют именно их связи с террористами.

Семякин встал, застегнул виц-мундир на все пуговицы и сказал, глядя Лыкову прямо в глаза:

— Об этих я совершенно не имею что сказать.

Помолчал и добавил:

— И никто не скажет; таких дураков нет-с!

Алексей вышел разочарованный: родной департамент ничем ему не помог.

Через четверть часа он уже заходил в подъезд Военного министерства со стороны Вознесенского проспекта, там, где располагались казённые квартиры. Прошёл корпус насквозь и вышел во внутренний двор. Министерство занимало бывший доходный дом Лобанова-Ростовского, имевший форму огромного треугольника с парадными фасадами на Адмиралтейство и на Исаакиевский собор. Внутри треугольника, невидимые с улицы, сходились к его гипотенузе два флигеля. В одном из них и находился Военно-Учёный комитет — русская военная разведка.

Лыков не видел своего друга барона Таубе уже два месяца. Перед Рождеством они крепко кутнули в «Дононе». Расставаясь, Виктор сказал, что уезжает в тёплые края и рассчитывает вернуться к началу весны. Обещал для Благово ящик манильских сигар!

Унтер-офицер на входе спросил у титулярного советника, что тому угодно.

— Передайте ротмистру барону Таубе, что к нему пришёл Лыков.

Часовой, не сходя с места, нажал кнопку воздушного звонка и из внутренних комнат немедленно вышел дежурный офицер. Им оказался приятель Алексея штабс-капитан Сенаторов.

— Привет, Лёха! За сигарами пришёл? Поторопился.

— Понятно. Где наш баронище?

— Ранее апреля не ждём.

— Чёрт! Он мне нужен по важному делу. Вовчик, у меня задание от начальства извлечь из вашей лавочки необходимые сведения. Я расследую дело по высочайшему повелению.

Ухмылку как стёрло с лица штабс-капитана.

— Проходи!

В кабинете дежурного офицера Алексей изложил Сенаторову суть дела и передал вопросы Благово. Для этого ему пришлось рассказать историю с похищением Юрьевской секретного русско-французского протокола. В довершение беседы он показал разведчику свой открытый лист:

«ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКАГО И ПРОЧЕЕ И ПРОЧЕЕ, предписывается местам и
лицам, подведомственным Министерству Внутренних Дел, оказывать
предъявителю сего всякое законное содействие к выполнению

возложенного на него ВЫСОЧАЙШАГО поручения.

Дан сей лист чиновнику особых поручений 9-го класса Департамента Государственной Полиции титулярному советнику Лыкову Алексею Николаевичу за подписанием моим и с приложением казённой печати.

В Санктпетербурге марта 2 дня 1883 года

ЕГО ИМПЕРАТРАСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА всемилостивейшего ГОСУДАРЯ моего Гофмейстер Двора ЕИВ, Сенатор, Тайный Советник, Министр Внутренних Дел и Кавалер Орденов: Белого Орла, Александра Невского с алмазными знаками, Св. Владимира 2-й и 3-й степени, Св. Анны 1-й степени. Иностранных: Черногорского князя Даниила 1-й степени, Большого креста австрийского ордена Леопольда, Греческого ордена Спасителя 1-й степени. Имеющий медаль: тёмно-бронзовую в память войны 1853–1856 годов.

Граф Дмитрий Толстой.

За Директора Департамента Общих дел — вице-директор Кнорринг».

Сенаторов внимательно изучил открытый лист и сказал Лыкову:

— Подожди несколько минут. Дело твоё серьёзное, я должен доложить его превосходительству. Кстати, Енгальчев, если ты не знал, учился с твоим Благово в одном классе в Нижегородской губернской гимназии. И отзывается о нём исключительно уважительно. Полагаю, он даст команду оказать тебе полное содействие.

И исчез за обшитой пробкой дверью.

Енгальчев выслушал доклад дежурного офицера, прочитал открытый лист Лыкова и крепко ругнулся:

— Етишкин арбалет! Сколько ещё дерьма эта стерва припасла для России?

Помолчал минуту, потом приказал:

— Отведите Лыкова к Александру Александровичу. Пусть расскажет всё, что знает, и ответит на все вопросы. Павел ерундой заниматься не станет; видимо, дело плохо. Наш долг ему помочь!

Сенаторов вышел довольный:

— Как я и предполагал! Велено оказать тебе полное содействие. Пошли к Бильдерлингу.

— Что за гусь?

— Генерального штаба генерал-майор барон Александр Александрович Бильдерлинг вовсе даже не гусь, а птица поважнее. Он старший делопроизводитель канцелярии Военно-Учёного комитета и лучший в России специалист по Германии. Бывал там неоднократно с секретными заданиями. Бильдерлинг составил первое подробное описание

германской армии. Весьма толковый документ! Кроме того, барон является приятелем знаменитого нашего путешественника Пржевальского и всегда лично готовит его к новым экспедициям.

— Пржевальский тоже ваш брат, шпион?

— А ты думал, Лёха, что он в горах гербарии собирает? Николай Михайлович — Генерального штаба подполковник и занимается стратегическим разведыванием возможного театра военных действий. Начал с Уссурийского края и Внутренней Монголии, а теперь собирается в Тибет. Вот и комната барона. Посиди, я доложу.

Бильдерлинг оказался моложавым черноусым толстяком с румяными щеками жизнелюба. Вовсе не похож на усердных, но узколобых остзейских баронов. Впрочем, и Таубе тот ещё барон... Генерал эмоционально выслушал рассказ Лыков о краже Юрьевской секретного протокола и попытке продать его германцам. Пару раз ругнувшись, он хватил по столу крепким кулаком:

— Повесить надо эту стерву! Ведь это уже второй раз. Вы знаете причины наших неудач на Берлинском конгрессе 1881 года?

— Говорят, Горчаков в очередном приступе маразма показал англичанам конфиденциальную карту, на которой были указаны пределы наших уступок.

— Это так. Последний подарок от князька нашей России, которую он так ловко выучился доить... Но сие объясняет осведомлённость англичан; а вот откуда эти же сведения получил Бисмарк?

— От неё?

— От Юрьевской. Фактов, конечно, нет — за руку тогда её никто не поймал. При царствующем супруге это было и невозможно. Но логика вещь очень точная, и она уверенно указывает на Екатерину Михайловну. У княгини на руках оказались брூльоны^[77] императора о предмете переговоров. Он вообще много чего лишнего оставлял в спальне! Я имею достоверные сведения, что накануне Берлинского конгресса эти брூльоны лежали на столе у Бисмарка. Кто их туда запродавал? Лакей? Камердинер? Наиболее вероятно, что она, Юрьевская.

— Но это всё же только предположение?

— Да. Но находка Благово разве не подкрепляет его?

— Ещё как подкрепляет. Стало быть, эта женщина уже давно торгует русским дипломатическими секретами. А покупатели — немцы.

— Думаю, что и англичане тоже, но немцы предпочтительнее. Сейчас Юрьевская живёт с неким доктором Любимовым. Рослый такой бородач, красавец собою, типический альфонс. Так вот, этот эскулап хренов уже

четырежды за полтора месяца ездил в Берлин.

— Полагаете, они уже продали протокол?

— Надеюсь, что пока ещё сделка не состоялась. Немцы давно готовятся к войне с нами. Мольтке-старший ещё в 1871 году разработал стратегический план войны на два фронта — против Франции и России одновременно. Представляете? У нас, как говорится, ещё и в мыслях нет, а они уже... По первому варианту, германцы должны были атаковать сразу и на западе, и на востоке; по второму — сначала разгромить Францию. В 1879 году Мольтке создал новый план, который и является сейчас действующим. Согласно ему, первый удар наносится уже по нам. На западе оставляется половина дивизий, но в положении пассивной обороны. Опираясь на крепости Мец и Страсбург, а также на укрепления Рейна, они сдерживают наступление французской армии. На востоке же сходящимися ударами: австрийцев из Галиции и немцев из Пруссии — союзники отбирают у России Царство Польское и выдавливают нас в центральные губернии. Но дальше не идут: печальный опыт Наполеона научил их. Потом перебрасывают высвободившиеся кадровые дивизии на запад и лупят французов... По плану Мольтке, война продлится семь лет и приведёт к поражению Франции и отторжению у России её западных территорий, включая туда и Финляндию.

— Значит, при действующем «Союзе трёх императоров» два участника этого союза — Германия и Австрия — заключили между собой секретный пакт о совместной войне против третьего члена — России? Да... Экий цинизм, ваше превосходительство!

— Я окончательно вас расстрою: год назад к их пакту присоединилась и Италия. Правда, это союз против Франции; Россия в статьях, относящихся к Италии, не упоминается. Но обстоятельства толкают нас на союз с галлами, и тогда тройственное соглашение будет полностью направлено против нас.

— Из ваших слов следует, что обладание секретным франко-русским протоколом германцам незачем — они и так уже решили воевать с нами. В чём же тогда его ценность?

— Для военных эта бумажка, действительно, не интересна, они всё уже придумали. Она нужна Бисмарку, чтобы протащить через рейхстаг новые, увеличенные ассигнования на усиление армии. Вот, мол, видите — сговор русских с нашим главным врагом! Дайте-ка ещё триста миллиончиков! Так что, за обладание протоколом канцлер готов заплатить большие деньги. Причём именно за оригинал — депутаты не поверят никаким копиям. Но, по моим данным, сделка ещё не состоялась. Я давно

слежу за этой историей, только не знал, о каком именно документе идёт речь. Он ведь торгуется уже более года! Теперь, благодаря вам с Благово, мы знаем подробности. Германцы уже ознакомились с содержанием документа, и сейчас спорят лишь о цене. Юрьевская хочет полтора миллиона франков, Бисмарк же даёт шестьсот тысяч. Но в конце концов они договорятся, поэтому Благово лучше поторопиться. Пока же можете успокоить вашего патрона: если бы протокол уже ушёл, я бы отследил это по ассигновке на крупную сумму.

— Вы и ассигновки их знаете?

— Служба такая. В Германии на цели шпионства выделяются деньги по пяти статьям бюджета. В распоряжение императора и короля Пруссии для подарков и пожалований — в этом году 4 500 000 марок; в распоряжение канцлера на непредвиденные расходы — 120 000; на тайные расходы МИД — 48 000; на секретные расходы военному министру — 43 000; наконец, почтовому ведомству для приобретения сведений ещё 40 000 марок. Но существует ещё особый внебюджетный фонд Вельфов, расходы которого не утверждает рейхстаг. Сам фонд — 6 500 000 марок, а проценты с него ежегодно тратятся на разведку. Думаю, что заплатят Юрьевской именно оттуда. Мне удалось взять под контроль все расходы этого фонда. Повторяю — пока такого платежа не было. Главным противником Благово в борьбе за документ будет не Юрьевская — она просто жадная стареющая дура. Доктор Любимов много опасней. Он так же жаден, но умён и предприимчив, плюсом германофил.

— Кто ещё в России может быть в сговоре с этой парочкой?

— Варька Шебеко — она старая подруга светлейшей княгини. База^[78]. И Ример.

— Ример? Павел Афанасьевич предостерегал меня от общения с этим человеком. Кто он такой?

— Достоверно этого никто не знает. Тайный советник. Бывший личный секретарь Нессельроде — это уже настораживает.

— Почему? Нессельроде наш бывший министр иностранных дел, заслуженный человек.

— И австрийский шпион на русской службе. Крымская катастрофа — его рук дело! Всю Европу против нас сплотил. Так что, Ример тёмная лошадка. Его, например, связывают тесные отношения с бароном Гольдштейном.

— Вы, простите, тоже барон, как и Таубе.

— Разные бывают бароны. Мы с Виктором Рейнгольдовичем — русские офицеры. И в любви к Отечеству не уступим ни Лыковым, ни

Ивановым с Сидоровыми. А барон Фридрих Август фон Гольдштейн — советник политического отдела германского МИДа. В своё время служил младшим атташе в посольстве в Петербурге — при посланнике Бимсарке. С тех пор они не расстаются. Гольдштейн — правая рука канцлера; говорят, что большая часть идей этого великого человека принадлежит на самом деле Фридриху Августу. Он «серый кардинал» германского ведомства иностранных дел, но это мало кому известно. И ещё он русофоб. Ярый. Поэтому контакты с ним Римера мне не нравятся!

— А германский шпионаж в России действительно существует, или это страшилки?

Бильдерлинг нахмурился.

— Существует в огромных размерах. Ещё вопросы?

— Ваше превосходительство! Успокойте человека, постороннего военному делу! Германцы, оказывается, уже двенадцать лет на нас ножик точат — а мы что?

— План военных действий на западе против Германии соединённо с Австро-Венгрией разработан генерал-адъютантом Обручевым и утверждён ещё Александром Вторым 14 февраля 1880 года. Большого сказать не могу — военная тайна.

— Чёрт! Дипломаты подписывают протоколы о мире и дружбе, а военные в это же время готовят планы взаимных нападений?

— Конечно. Каждый делает своё дело. Хочешь мира — готовься к войне. Но огласке это предавать нельзя, дабы не будоражить общество. Я знаю, теперь вот и вы тоже осведомлены. Будем надеяться, что пронесёт. Не пронесёт — станем воевать.

— Война с Германией действительно неизбежна?

— Абсолютно неизбежна.

— На чьей стороне будет Англия?

— Её тактика известна: стравливать народы и извлекать из этого выгоду. Часто жертвой этой тактики становилась Россия. Сейчас вот зреет новый конфликт между нами, из-за Афганистана и проходов в Гиндукуш. Но большинство людей ещё не осознаёт, какой новый зверь подрастает в лице Германии... Немцы великая нация, это объективно. Однако им тесно в Европе, будучи зажатыми между Францией и Россией. Выход только один; всё же просто! Делёж мира скоро закончится, необходимо успеть. Германцы полезут, пихаясь локтями, в Африку, в Океанию, в дряхлеющий Китай — а там уже сфера интересов Британии. Им не разойтись без боя! Англичане наши неизбежные будущие союзники в войне против Германии, хотя сами ещё этого не понимают. Нам-то с немцами делить нечего, а вот

англичанам — целый мир! Засим...

Бильдерлинг встал, взглянул на часы.

— Через три минуты совещание... Генерал Енгальчев часто и с большим уважением упоминает вашего начальника Павла Афанасьевича Благово. Надеюсь, вы с ним справитесь с тем высоким поручением, которым удостоил вас монарх. Всегда можете рассчитывать на помощь военной разведки. Желаю успеха!

Лыков ушел из Военного министерства расстроенным. Солнце светит, по Неве плывут льдины, а тут сидят люди и сочиняют планы массовых кровопролитий. Неужели им не страшно жить?

Вернувшись к Сенаторову, Алексей поблагодарил его за помощь и направился к двери. Уже на пороге спросил наудачу:

— Вовчик, кто такой Рупейто-Дубяго?

— Ротмистр из кинбургских драгун, в прошлом был кирасиром. Во время войны с турками служил в контрразведке Дунайской армии, попался на мародёрстве. Проходимец и негодяй! Мы хотели отдать его под суд, но вмешались влиятельные силы. В полевую ставку приехал некий Ример...

— И здесь Ример?

— ... и привёз письмо управляющего Третьим отделением Шульца. Оказывается, Рупейто был его негласным агентом! Представляешь? Офицер — и агент Третьего отделения! Фу, мерзость... Но тогда как раз попались среди террористов несколько военных. Прошёл слух, что в армии имеется целая тайная организация революционеров. И императора убедили, что осведомители необходимы и в среде офицерства. Рупейту, конечно, выгнали со службы, но без суда и даже с мундиром. Зачем тебе этот мерзавец сдался?

— Он главный подозреваемый. Где я могу получить о нём сведения?

— В соседнем подъезде, в архиве кадрового состава. С твоим открытым листом тебе распахнуты все двери.

— Спасибо за совет, Вовчик, но я там уже был. Формуляр на Рупейто-Дубяго отсутствует.

— Не может быть! — ахнул Сенаторов.

— Увы, может. Писаря нынче дешёвы: за чертветной билет любую секретную карту украдут, не то, что формуляр. Ладно, я пошёл. Барону Витьке привет.

— Его трудно будет передать. Ты разве не знаешь, где наш барон?

— Могу только догадываться. Он обещал для Павла Афанасьевича ящик манильских сигар. Виктор во Владивостоке?

— Он в Новой Гвинее.

— Что-что? У меня был низкий балл по географии. Такое место действительно существует на земном шаре?

Штабс-капитан прыснул, потом пояснил, косясь на дверь генеральского кабинета:

— Помнишь нашего знаменитого путешественника Миклухо-Маклая? Три месяца назад его принял государь.

— Очень хорошо, но причём здесь Таубе?

— Миклуха убедил его величество, что России необходима военноморская база в Океании. Наша Тихоокеанская эскадра при совершении крейсерских плаваний снабжается сейчас в иностранных портах. Случись война, например, с Англией, и это сделается невозможным. Угля, может, кто-то ещё и отсыпет, а вот огневые припасы достать будет негде. А при наличии складочного места в той же Новой Гвинее всё упрощается.

— Разумно. И?

— И государь повелел отправить туда корвет «Скобелев». Причём под флагом самого командующего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала Копытова. И с секретной миссией найти место для укреплённой угольной станции. В Сиднее Копытов взял двух пассажиров: Миклухо-Маклая и нашего любимца барона. Виктор представляет в секретной экспедиции военную разведку. По сведениям, германцы тоже усиленно интересуются тамошними местами. Заодно ротмистр оценит и эту опасность. Так что, раньше апреля за сигарами не приходи.

Лыков вернулся в департамент полиции и взял из оперативного депо паспорт для Большого Сохатого на имя купца Лавра Иосифовича Хлебодарова. Заехал в конфекционный магазин^[79] и купил ему же добротную суконную пару и кастановую шляпу. Отвёз всё это на холерное кладбище и вручил «ивану»; заодно рассказал о полицейских засадах по всем его адресам. Бандит загрустил.

— Драпануть бы мне куда, да сорги нету. А тут опасно.

— Вот семьдесят целковиков, больше дать не могу. Разыщешь мне Рупейто-Дубяго — станешь при деньгах. Живи пока у Пахома. Тут тебя никто не сыщет, потому как твои ребята этот адресок не знают — и захотят сдать, да не сдадут. Через недельку сыскные утомятся искать, решат, что ты смылся из столицы. Вылезешь тогда отсюда, пропишешься по новому паспорту где-нибудь в Парголове. Сообщи, если найдёшь офицерику. Помнишь, куда?

— Угол Шпалерной и Воскресенского переуллка, 38-й дом, квартира 30.

— Молодчик. Ну, бывай! Мне пора в Москву.

Сыщик и бандит крепко пожали друг другу руки, и Лыков уехал.

Глава 14

Восточные приключения

Таубе снял с головы белую фуражку с назатыльником, вытер платком обильный пот. Жарко... Даже в Кокандской экспедиции приходилось легче. Там было просто пекло, а здесь ещё и влажность, и москиты с папуасами!

С берега опять слышались крики. Ротмистр поднял бинокль. Так и есть! Бык разломал загон и вырвался-таки на свободу. Напуганные туземцы бросились врассыпную, некоторые поспешно залезли на деревья. Два несчастных матросика, которые с утра возились со скотиной, кинулись следом за быком в джунгли. Миклухо-Маклай взмахнул в отчаянии руками и не спеша поплёлся за ними.

Таубе молча посмотрел на контр-адмирала Копытова. Тот ответил ему выразительным взглядом и опять уткнулся в лоцию.

Они стояли на баке корвета «Скобелев», бросившего якорь в сорока сажнях от берега в бухте Астролябия. В юго-восточной части бухты небольшой мыс образовывал Гавань великого князя Константина. Именно её путешественник на встрече с императором Александром Александровичем предлагал сделать главным складочным местом.

Утром Миклухо-Маклай в компании адмирала и нескольких офицеров съехал на берег возле деревни Бонго. По его настоянию в Батавии были куплены в подарок папуасам бык, корова и несколько коз. Подарок как-то сразу не задался... Аборигены никогда не видели животное больше свиньи, и зрелище нервного быка переволновало их. Бедная скотина, одуревшая от плавания на корвете, постоянно вырывалась из матросских рук в надежде сбежать. Пришлось наспех строить загон и заточить туда быка вместе с его предполагаемой супругой. Не лучше обстояло дело и с козами. Матросы попытались научить дикарей доить их, но те не заинтересовались процессом и даже отказались пить добытое молоко. Словом, презент оказался переводом казённых денег и принёс команде массу бессмысленных хлопот. А теперь вот бык и вовсе убежал...

Ещё Миклухо разбил на месте своей бывшей хижины плантацию и заставил матросов сажать там апельсиновые, манговые и хлебные деревья, также привезённые из Батавии. Туземцы охотно таскали воду для поливки (в обмен на топоры и табак), но сами любопытства к посадкам не проявляли. Путешественник пытался им что-то объяснять, но те лишь

глупо хихикали и требовали новых подарков.

Таубе провёл на берегу всю первую половину дня и внимательно наблюдал за Маклаем и его отношениями с папуасами. Его поразило полное отсутствие у последних радости по поводу возвращения их белого друга. Низкорослые кудрявые люди неохотно выполняли противоречивые распоряжения гостя и старались при первом же удобном моменте убежать. Миклухо разговаривал с ними на, как он, видимо, предполагал, их племенном языке, но папуасы едва его понимали. Учёный выхватывал из толпы своих старых знакомых, радовался, обнимал, называл по именам — и ошибался... Зрелище это сделалось для ротмистра уже тягостным, и он поспешил вернуться на корвет. Ему было неловко за человека, прославившего своё имя изучением далёкого острова. Видимо, за те шесть лет, что учёного не было в Новой Гвинее, многое изменилось и язык забылся...

— Как вы находите гавань, ваше превосходительство? — прервал неловкое молчание барон.

— Так же отвратительно, как и всё остальное, — буркнул адмирал. — Дно — каменистый коралл, очень неудобно якориться. Глубина более пятидесяти саженей. Главное же — никакой гавани-то нету! Мысок, что её образует, не даёт кораблям ни малейшего укрытия от волн и ветра, а кстати и от вражеских глаз. Только дилетант мог рекомендовать это место государю как удобное. А ваше мнение, ротмистр?

— Да такое же, что и у вашего превосходительства. Запад острова заберут голландцы — тут к гадалке не ходи. Мы можем претендовать только на часть «берега Маклая». На юге уже англичане, на востоке испанцы. Нам недолго удастся сохранять в тайне планы по созданию базы. А уж как мы будем оборонять её от десанта и бомбардировки с моря — не смею рассудить. По мне, так это решительно невозможно!

Копытов крикнул и подавил крепкое ругательство в своей утробе.

— А вы знаете, Виктор Рейнгольдович, что четыре года назад жители султаната Аче с острова Суматра просились в русское подданство?

— Впервые слышу, Николай Васильевич! — удивился Таубе. — Это те самые ачинцы, которых голландцы и до сих пор ещё не могут покорить?

— Именно они. Племя аче одно из крупных; говорят, более трёх миллионов человек. Народ храбрый и воинственный. Проживают они на севере Суматры, имеют ополчение и даже научились отливать пушки! Сейчас голландцы оттеснили ополчение в горы, но идёт отчаянная партизанская война. В 1879 году несколько знатных ачинцев, по поручению султана, вступили в Пенанге в переговоры с командиром корвета

«Всадник» капитаном второго ранга Новосельским. Уже в Неаполе Новосельский получил подлинную петицию султана, с подписью и печатями, содержащую официальную просьбу принять народ аче под российскую корону.

— Очень необычно! И что же последовало дальше? Наши дипломаты решили, что не стоит ссориться с Нидерландами из-за каких-то там трёх миллионов человек?

— Истинно так! Горчаков с братией дали отрицательное заключение, и всё на этом закончилось. Ачинцы же воюют до сих пор и сдаваться не собираются. По мне же, лучше бы нам иметь угольную станцию на Суматре в окружении дружественного и храброго народа, чем посреди этих людоедов! Мне не нравится вся эта затея Миклухи-Маклая. Вы правы: станцию нужно будет оборонять. А как? До Владивостока почти три тысячи миль! Да стоимость содержания гарнизона будет многократно выше, чем то, что он станет караулить! Климат здесь влажный и нездоровый, уголь всегда будет отсыревшим. А местоположение? Англичане в два счёта зажмут нас в тиски и прикончат.

— Почему же тогда немцы так настойчиво обнюхивают эти края?

— Да пусть обнюхивают! Во-первых, у них, в отличие от нас, денег куры не клюют. Во-вторых, германцы продвигают в Океанию свои торговые интересы. А у нас какие тут интересы? Будем папуасам ивановский кумач продавать? И, наконец, в-третьих — немцам некуда деваться. У них вся Германия уже вскопана-перепахана. Растущие силы надобно куда-то направлять, хоть бы и в Микронезию. А нам она по кой хрен? Огромные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока почти ещё не тронуты цивилизацией. Дел непочатый край. Сначала нужно свой огород в порядок привести, а потом уже на пустоши ничейные зариться...

— Вот в этом пункте я с вами совершенно согласен, ваше превосходительство. Война с Германией нам ещё предстоит. Она, если хотите, неизбежна. Так пусть хоть не за этих людоедов станем мы проливать свою кровь!

Адмирал снова крикнул, на этот раз одобрительно, и уткнулся в свои бумаги. Он снова перечитал секретную инструкцию, подписанную управляющим Морским министерством вице-адмиралом Шестаковым. Там было прямо указано, что целью экспедиции является «приобретение пункта, на который мы могли бы заявить права на владение и поднять свой флаг». Шестаков предписывал осмотреть обе гавани «берега Маклая», названные в честь великих князей Константина и Алексея. Далее «Скобелеву» надлежало обследовать также острова Пэлау и

Адмиралтейские острова — в поисках того же заветного пункта.

— Лейтенант Борщ! — крикнул контр-адмирал. Подбежал вахтенный офицер.

— Скоро стемнеет. Подать сигнал на берег: «Всем вернуться на борт». Снимаемся с якоря и переходим двадцать миль севернее.

Через полчаса моряки и расстроенный Миклухо-Маклай поднялись на корвет. Быка поймать так и не удалось. Он скрылся в гуще тропического леса, а следом за ним и корова. Недоенные козы бегали по берегу и жалобно блеяли в быстро наступавшей темноте.

Маклай почти силой, с помощью экипажа, затащил на борт трёх папуасов, которых назвал своими друзьями. Эти люди, сказал он, понадобятся завтра как переводчики для общения с аборигенами архипелага Довольных Людей. «Друзья» затравленно косились по сторонам и явно мечтали сбежать с корвета. Путешественник называл их Каин, Гассан и Марамай. Как только выбрали якорь, Гассан воспользовался суматохой и прыгнул за борт. Двоих оставшихся заперли в каюте и выставили караул, но это не помогло: утром «друзья» тоже сбежали...

Весь следующий день русские моряки изучали бухту великого князя Алексея. Она понравилась Копытову гораздо более первой, Константиновской гавани: большая, закрытая от ветра и не такая глубокая. Маклай, рассерженный на сбежавших папуасов, велел схватить одного аборигена с острова Сегу и доставить его на корвет.

Утром следующего дня адмирал приказал идти на Пэлау. Миклухо-Маклай устроил ему целый скандал, требуя остаться в бухте ещё на пару дней и составить её точную карту, но Копытов был непреклонен.

«Скобелев», таясь от всех, незаметно обошёл Адмиралтейские острова. На Манусе высадились и закупили воду и провизию. Здешные туземцы были привычны к заходам кораблей и притащили даже большую черепаху, немедленно направленную в суп. Якорная стоянка была удобной, но слишком открытой, и адмирал её забраковал.

То же самое обнаружилось и на Пэлау. Главный населённый пункт архипелага, Корор, уже был занят англичанами. «Скобелев», соблюдая секретность, подошёл к острову Ангуар и Маклай переночевал на нём. Утром он вернулся на корабль и тот взял курс на Филиппины. В Маниле Копытов высадил Таубе и Миклуху и сразу же ушёл во Владивосток. Барона на телеграфе ждала шифровка из Военного министерства: ему надлежало немедленно отбыть в Париж для выполнения конфиденциального поручения государя! Наспех пробежавшись по манильским магазинам и купив-таки обещанный Благово ящик сигар,

ротмистр сел на ближайший английский пароход до Порт-Саида, о чём отправил экспресс^[80] в Петербург. Уже хотелось домой.

Двухнедельное путешествие барона близилось к завершению, когда случилось непредвиденное. Пароход вошёл в Суэцкий канал и начал медленное продвижение на север. Ночью в порту Ибрагим на борт взошли новые пассажиры. К утру миновали Горные озёра. Перед Серапеумом ротмистр выбрался на палубу и уселся в лонгшезе. Он плыл по документам немецкого коммивояжёра компании «Годофруа и сын», поэтому раскрыл прихваченную в ресторане газету «Дас юберзейше Дойчланд» и принял чванливый вид. Барон лениво отхлёбывал из веджвурова стакана ледяной мазагран^[81]. Мимо плыл скучный безлюдный жёлто-серый берег. Внезапно ротмистр почувствовал на себе взгляд. Особый взгляд, недобрый. Так смотрят лишь старые знакомые, давно мечтающие увидеть тебя болтающимся в петле... Кто-то его опознал. Турки? Англичане? В Германии у ротмистра тоже имелась парочка «доброжелателей». Он не спеша повернул голову, открыто, не скрываясь, посмотрел на человека. И сразу узнал его.

Это случилось в ноябре 1877 года. Таубе тогда служил адъютантом полковника Артамонова, штаб-офицера над вожатыми Полевого штаба действующей армии. Заковыристое название должности смущало только дилетантов — полковник являлся начальником разведки всей Дунайской армии. Николай Дмитриевич Артамонов был хорошо подготовлен к этой должности. Военный топограф и опытный профессиональный разведчик, он ещё в шестидесятых годах совершил две длительных служебных командировки в турецкую Болгарию. Целью их являлось «измерение градусной дуги меридиана от города Измаил до острова Кандии». Непонятно, как турки согласились на проведение русской топографической экспедиции на своей территории, но съёмка состоялась. В общей сложности Артамонов провёл в Болгарии больше года. Он изъездил вдоль и поперёк всю страну, составил её подробную карту — и создал устойчивую агентурную сеть из числа местных жителей. В 1869 году он получил за эту работу Владимира 4-й степени, чин полковника и аудиенцию у императора. Сейчас, во время войны, сеть работала без перебоев и ставка главнокомандующего знала о враге почти всё.

В начале ноября, после трёх неудачных штурмов Плевны, русские сменили тактику. Ценой больших усилий было перерезано Софийское шоссе, по которому осаждённый гарнизон получал снабжение. Вскоре в крепости начался голод. Было ясно, что турецкий командующий,

знаменитый Осман-паша, должен будет идти на прорыв, чтобы спасти свой сорокатысячный гарнизон. Сил на сплошную блокаду у нашей армии не хватало, требовалось заблаговременно узнать точные место и время прорыва, чтобы сосредоточить войско именно там. От этих сведений зависела судьба всей кровавой осады, а, может быть, и войны.

В Плевне уже несколько недель находился русский разведчик Константин Фаврикодоров. Грек по национальности, этот мужественный человек получил Георгиевский крест ещё за оборону Севастополя. На войну с турками пошёл добровольцем, но до действующей армии не добрался — им заинтересовалась разведка. Фаврикодоров обладал восточной внешностью, в совершенстве знал турецкий язык и обычаи мусульманского быта. Под именем Хасана Демерджи-оглы, торговца рахат-лукумом, он совершил рейд по прифронтовой турецкой территории. Выехав из Систина, лазутчик посетил Видин, Плевну, Софию, Шумлу и Адрианополь. В последнем городе Фаврикодоров задержался на два дня: он ходил по улицам и выбирал себе связного в толпе! И нашёл. Болгарский крестьянин с его донесением пробрался через турецкие заставы к Артамонову. А через месяц в селение Горный Студень, где тогда находилась русская ставка, пришёл и сам разведчик.

После короткого отдыха полковник Артамонов приказал агенту вторично проникнуть в уже осаждённую Плевну. Хасан Демерджи-оглы снова стал торговать рахат-лукумом, и вскоре среди его покупателей оказались слуги самого Осман-паши. Вороватые и болтливые, они сообщили русскому разведчику много полезных сведений. Именно от них Хасан узнал, что попытка деблокады состоится в ночь с 28 на 29 ноября у Сыр-Базара.

Таубе, тогда ещё штабс-ротмистр, был связным Демерджи-оглы. Дважды, переодетый турецким сардаром, он пробирался в Плевну и благополучно возвращался с донесениями агента обратно в ставку. Третья вылазка оказалась самой важной: барон нёс к своим сведения о готовящемся прорыве. Внезапно, когда он уже миновал первую линию аванпостов, на него из темноты выскочили трое. Два черкеса с кинжалами наготове встали по бокам, а третий, европейской наружности, но в форме турецкого офицера, потребовал документы. Говорил он при этом с сильным английским акцентом.

— Сейчас, мой господин, — спокойно ответил штабс-ротмистр. — Я лазутчик великого Осман-паши, иду в разведку, вот мой ярлык.

И вынул из-за пазухи лоскут жёлтой бумаги с какими-то печатями. Черкесы чуть придвинулись к нему, насторожённые, внимательные. В

турецкой армии они считались самыми отчаянными, русских в плен не брали и любили отрезать им головы... Сейчас они занесли над бароном свои кинжалы, готовые мгновенно пустить их в ход.

Внезапно что-то мелькнуло в воздухе, не видимое глазу. Оба черкеса захрипели. Правый схватился руками за горло, качнулся сначала вперёд, потом назад — и повалился на спину, суча ногами. Левый молча, медленно-медленно опустился на колени. Попытался опереться на кинжал, но тот бесшумно ушёл в землю по самую рукоятку, и черкес упал лицом вниз.

Офицер озадаченно смотрел на незнакомца, ничего не понимая. Наконец он заметил, что руки того вытянуты по швам, а между пальцами высовываются на два дюйма лезвия ножей. А с них стекает на землю что-то тягучее и чёрное...

Офицер схватился за кобуру. Таубе чуть склонил голову влево, словно удивлялся, и противник тут же поднял обе руки вверх и прошептал испуганно:

— Аман! Аман!^[82]

Помедлив секунду, барон спросил по-английски:

— Жить хотите?

— Я сделаю всё, что прикажете, только не убивайте меня! — обрадовано затараторил офицер, действительно оказавшийся британцем. — Я военнопленный! Мы же цивилизованные люди! Брюссельская декларация обязывает вас сохранять жизнь сдавшимся в бою!

— Ишь, как заговорил, — желчно усмехнулся барон. — Вы первые отказались ратифицировать протоколы о правилах и обычаях войны. Так что, забудь об этой бумажке. Русские, действительно, цивилизованные люди. Видишь, я стою тут с тобой ночью между линиями постов, беседую на чистом английском — и пока ещё не убил. Цени! Могу и передумать...

— Я... я сделаю всё-всё-всё. Отведите меня в штаб: я сообщу время и место прорыва гарнизона!

— Без тебя уже знаем, — махнул рукой Таубе, пряча ножи в рукава. — Иди первым. Проведёшь меня через секреты — будешь жить. И Брюссельский протокол тогда на тебя распространится. Попробуешь закричать, убежать — не обессудь...

Так они и дошли в тот раз до русских аванпостов. Англичанин на турецкой службе — его звали Хантингтон — вёл себя благоразумно и остался жив. Ещё через день Таубе в четвёртый раз пробрался в Плевну и вывел оттуда Фаврикодорова. В ночь на 29 ноября турки действительно пошли на прорыв в района Сыр-Базара. Сибирский гренадёрский полк после короткого сопротивления начал медленно отступать по долине.

Обрадованный Осман-паша бросил в бой резервы. Вскоре весь гарнизон Плевны, за исключением арьергардов, вышел из укреплений и двинулся густыми колоннами преследовать гренадеров. Когда турки отошли от крепости на значительное расстояние, внезапно с трёх сторон заговорила русская артиллерия. Шрапнельный огонь большой плотности ударил по всей длине колонн, вырывая пехоту целыми взводами. Турки закричали и бросились назад, под защиту укреплений, но путь им уже перекрыла русская кавалерия. Началась резня...

Таубе наблюдал за этим боем с отдалённой высоты. Артамонов запретил ему идти в сражение. Сказал: вы своё дело сделали, пора и нам повоевать. Когда турецкие колонны во главе с раненым Осман-пашой выкинули белый флаг, штабс-ротмистр услышал за спиной странные всхлипы. Оглянулся и увидел Фаврикодорова: тот стоял и почти беззвучно плакал...

Вечером того же дня Таубе пришёл в ставку и увидел там своего «языка». В окружении свитский генералов и блестящих флигель-адъютантов Хантингтон чувствовал себя уже не пленным, а почётным гостем! Он стоял в толпе штабистов, важный, высокомерно-снисходительный, величественно отхлёбывая шампанское из бокала. Барону это очень не понравилось. Он подошёл к англичанину, крепко взял его под руку и сказал доверительно:

— Один совет на прощание, сэр. Никогда более не воюйте с русскими! Иначе мы в следующий раз таки оторвём вам башку...

Хантингтон хотел обидеться, ответить что-нибудь резкое и с достоинством. Но флигель-адъютанты все как-то боком-боком разбежались — связываться с бароном дураков не было. Англичанин заглянул в тёмные глаза разведчика, вспомнил, как черкесская кровь стекала с лезвий его страшных ножей — и стушевался.

И вот теперь, спустя пять с лишним лет, этот самый Хантингтон стоял на палубе парохода и с ненавистью разглядывал дерзкого русского. А ведь пароход-то британский, подумал Таубе. Паспорт у него на чужое имя, хороший, но фальшивый. Плохо дело... Запрут в египетский зиндан на несколько месяцев, и неизвестно, с какими болезнями оттуда выйдешь. Если выйдешь.

Таубе улыбнулся англичанину:

— Добрый день, мистер Хантингтон. Вы сели в Ибрагиме?

— Таубе, если не ошибаюсь?

— Господин Таубе. Мы же цивилизованные люди. Или уже нет?

— Вы так же развязны, что и тогда. Ну ничего, это мы сейчас

исправим! Посмотрим, что вы запоёте в Порт-Саиде в нашей контрразведке. У меня там бо-о-льшие знакомства в кругах, где не любят шпионов!

— Господин Хантингтон, — укоризненно ответил барон. — Вы забыли мой добрый совет. Ай-ай-ай. Я думал, вы умнее. И не жаль вам своей глупой башки...

— Ах вы ещё и угрожаете! Здесь, мне, на нашем пароходе! Ну и наглец. Всё. Я иду к капитану.

И действительно, развернулся и ушёл. Нужно было срочно что-то делать. А что? В 1876 году хедив Египта Измаил-паша продал Англии египетский пакет акций Суэцкого канала. С тех пор вся администрация канала, включая и полицию, была британской. А год назад англичане бомбардировали Александрию и оккупировали весь Египет, отторгнув его от Турции. По всей стране британские гарнизоны. В Порт-Саиде — штаб-квартира контрразведки, страна кишит тайными агентами. В ближайшем порту на борт поднимутся полицейские и наденут ротмистру «браслетки». Из оружия у него только трость, залитая внутри свинцом. А куда сбежишь с парохода, идущего узким каналом по безлюдной пустыне? Ну и влип...

Внезапно за его спиной послышался мелодичный женский голос:

— Вы позволите?

Барон быстро поднялся с лонгшеза, снял шляпу и обернулся. Перед ним стояла под зонтиком молодая дама в лёгком муслиновом платье, черноволосая, зеленоглазая, с удивительно белой кожей. Дама села на пароход в Бомбее неделю назад. Красивая и загадочная, она путешествовала одна, только со служанкой. Звали её, как было объявлено за табльдотом, мистрис Уоррен. Она тоже плыла первым классом, но сидела от него через столик и потому барон не был ей представлен. Он любовался мисс Уоррен издали и, как ему казалось, незаметно. Первое время даже пытался изобрести способ подойти и заговорить, но в голову лезли одни банальности. Выглядеть же банальным барон не любил и оставил всё как есть.

— Простите мне мою дерзость, господин... Таубе? Я случайно подслушала ваш разговор с этим неприятным господином. Он вам угрожал? У вас неприятности?

— Я привык к ним, мистрис Уоррен.

— Польщена: вы знаете моё имя. Вы действительно шпион?

— Я русский офицер. Во время последней войны с турками я взял этого, как вы изволили выразиться, неприятного господина в плен. Фамилия его, если вы слышали, Хантингтон. Он служил тогда султану, и в

момент пленения повёл себя... не совсем достойно. Это всегда неприятно вспоминать. Теперь Хантингтон хочет мне отомстить за то унижение.

— Но что он может вам сделать? Наши державы не воюют друг с другом, мы находимся на мирном пароходе.

— Я путешествую под другим именем. Я... если честно, то я разведчик.

— Теперь понятно. Быстро идём в вашу каюту, возьмёте в ней только самое необходимое — и бегом ко мне!

— Простите, что? — бестактно спросил барон, несколько опешив.

Дама топнула изящной ножкой:

— У кого мало времени, у меня или у вас?

И, схватив Таубе под руку, ринулась в коридор.

Через пять минут ротмистр с небольшим сакom и тростью уже входил в её каюту. Всё было проделано стремительно, и в этот ранний час их никто не увидел.

— Джоли, — обратилась мистрис Уоррен к своей служанке, — это мистер Таубе. Он русский, и ему угрожает опасность. Мистер Таубе будет жить у нас тайно до самого Порт-Саида. Вы никому не должны говорить о его присутствии.

Джоли скользнула по лицу барона весёлыми любопытными глазами и молча склонила голову.

Таубе быстро осмотрел каюту. В отличие от его апартаментов, здесь были две комнаты и, что радовало, умывальная комната с ватерклозетом. Интересно, куда мисс Уоррен уложит его спать? Есть целых три варианта...

— Вам придётся сорок восемь часов провести без еды, — сказала хозяйка. — Мы с Джоли станем воровать для вас печенье со стола. Или можно потребовать обед в каюту.

— А судовая прислуга? Придут менять простыни и...

— Мы никого сюда не пускаем. Джоли убирается сама. Стюарт уже привык. Я не люблю видеть у себя чужих людей.

— А я разве не чужой?

— Вас ведь я сама пригласила! Чувствуйте себя званым гостем.

— Когда меня начнут искать, они придут и сюда. Вам не позволят не впустить их.

— Ну вот, мистер Таубе, а ещё называете себя разведчиком... Неужели вам ничего не говорит фамилия моего мужа? Я чувствую себя обиженной!

— Позвольте! Джон Уоррен ваш муж? Второй адъютант сэра Чарльза Макгрегора, шефа Разведывательного департамента Британской Индийской Армии? Тесен мир. Извините, мистрис Уоррен, но у вашего супруга

ужасный характер.

— Кому, как не мне, знать это! — рассмеялась дама.

— Если уж договаривать до конца, то я лично виноват перед вами. Это я сломал руку вашему Джону в 78-м году в Рампуре. Он тогда несколько самонадеянно пытался меня арестовать.

— Боже! — всплеснула руками мистрис Уоррен. — Так это были вы! Действительно, тесен мир. Это произошло как раз накануне нашей свадьбы; Джон стоял под венцом в лубках. А вы смельчак, мистер Таубе. Мой супруг — чемпион армии по боксу и очень решительный человек! Хотя... глядя на вас, я подозреваю, что вы могли сломать ему не только руку, но и шею. Если бы захотели.

— Я стараюсь не делать лишнего зла, — лаконично ответил ротмистр.

— Тогда в Лхассе погибли двое товарищей Джона. Они ловили какого-то очень опасного русского. Это тоже были вы?

— На войне, как на войне. Меня пытались не захватить, а убить. Я защищался. Так что, если вы теперь передумали, зовите полицию.

— Не передумала! Что бы там ни было, а я вам помогу. И никто в эту каюту не зайдёт. Я каждый год плаваю этим пароходом в Марсель, а оттуда через континент добираюсь домой, в Вулидж. Поэтому мои причуды хорошо известны и прислуге, и капитану. Мы с вами ни разу не общались публично, бегства вашего никто не видел. А характер службы моего мужа, что ни для кого не тайна, снимает с меня всякие подозрения. Никому просто и в голову не придёт искать русского шпиона в каюте жены шпиона британского! Так что, зовите меня просто — Арабелла. Сорок восемь часов у вас не будет собеседника ближе меня.

— Хорошо, Арабелла. У меня возник оригинальный вопрос: почему вы меня спасаете? Это... непатриотично.

— Причин три. Первая: я не люблю, когда семеро на одного. Вы сказали, Хантингтон вёл себя при сдаче в плен не совсем достойно?

— Он спасал свою жизнь. Я пробирался ночью из Плевны через турецкие посты с важным донесением. Хантингтон командовал патрулём и случайно оказался на моём пути. Когда я убил обоих его сардаров, он мог оказать сопротивление, поднять тревогу. Но не сделал этого. Конечно, тогда я прикончил бы и его, но он бы погиб, как подобает солдату. Но Хантингтон решил, что умирать ради этих грязных турок не стоит, хотя жалование от них получать не брезговал... Кроме того, умоляя меня оставить его в живых, он обещал выдать важные военные секреты. Как хотите, но это не достойно настоящего офицера!

— Согласна. Теперь, когда вокруг целый пароход англичан, он

сделался смелым. Не допущу!

— Вы сказали, причин три. Давайте вторую. Кстати, Арабелла — называйте меня Виктор.

— Вторая причина, Виктор — это желание насолить Джону. Это действительно непатриотично, не спорю, но у женщин своя логика. Дело в том, что я уплываю в Вулидж насовсем. И не вернусь более в Индию. Вы правы — у моего супруга ужасный характер, и я от него устала. Дома подам на развод. Учитывая, что даже мой решительный Джон не сумел вас поймать, то пусть это сегодня не выйдет и у его коллег. Англия переживёт такую неудачу, а я — я получу большое удовольствие!

— С трудом, но понимаю. И третья причина?

Мистрис Уоррен смутилась.

— Арабелла! Договаривайте до конца. Вы спасаете мою свободу, а возможно, и жизнь. Два дня мы будем висеть на волоске. Соглашаясь прятаться здесь, я подвергаю вас огромному риску. В тюрьму вас не посадят, но общественное мнение заклюёт! Извините, я русский офицер; у нас не принято прятаться за спины дам.

— Это очень интимная причина, я не могу вам её назвать.

— Тогда я не могу принять вашу помощь и вынужден буду сдать властям! Договаривайте — только зная всё, я сумею принять решение.

— Ну хорошо, хорошо! Мне неловко, но вы, офицеры, такие настойчивые... Третья причина — это вы сами. Я люблюсь вами всю неделю, начиная с Бомбея.

Таубе озадаченно замолчал.

— Да, люблюсь. И Джоли тоже. Правда, Джоли?

— Им невозможно не любоваться, мистрис Уоррен. Такое мужественное лицо, и такая фигура... Весь пароход — я имею в виду его женскую половину — не сводит глаз с мистера Таубе. Как же не спасти такого мужчину?

— Вот я и призналась. Всё думала, как с вами познакомиться, а в голову лезла только какая-то дрянь...

— Странно. И я ломал голову над тем же, но так и не нашёл слов...

— Лгунишка! У вас, поди, целая колода любовниц. Наплевать мне на них! Два дня вы у меня в плену, вы мой и только мой. Обещаю вести себя прилично.

— Совсем прилично не надо! — испугался барон.

— Ну, почти прилично...

Весь длинный день Таубе провёл в каюте Арабеллы, стараясь не шуметь. Они вполголоса беседовали и к вечеру уже сделались

совершенными друзьями. Независимая, эмансипированная, но женственная и элегантная, мистрис Уоррен плыла домой с целью начать другую жизнь — вот только ещё не знала, какую.

По коридорам рыскали команды, старались обнаружить пропавшего пассажира. Капитан не осмелился обыскивать каюты первого класса. Обшарив весь пароход, он предположил, что русский шпион успел сесть в рыбацкую лодку и бежать на берег. Как раз утром несколько таких лодок крутились возле борта, предлагая пассажирам сувениры. По всему каналу были разосланы телеграммы с описанием примет ротмистра.

Вечером Джоли постелила барону в своей комнате, а сама ушла спать к хозяйке на диван. Но задремать гость не успел — пришла Арабелла...

Через сорок восемь часов, тепло простившись со своей спасительницей, Таубе исчез. Спустился по рабочей сходне, лавируя между погрузчиками угля, и растворился в кварталах Порт-Саида. Молодая женщина крепилась, как могла, но под конец всё-таки разрыдалась. Барон тоже не сдержался и записал её адрес в Вулидже. Кто знает, может, и пролягут туда его пути?

Он быстро нашёл русского консула, от которого получил зашифрованные инструкции. Оказалось, что барону надлежало срочно прибыть в Париж и встретиться там с неким мэтром Дэ Ашэ, шантажистом и негодяем. Мэтр достал где-то письма принцессы Дагмар, нынешней императрицы Марии Фёдоровны. Письма были адресованы её первому жениху цесаревичу Николаю, умершему в молодом возрасте. Новым наследником стал его младший брат Александр, нынешний самодержец. Вместе с троном он как бы унаследовал и Дагмар; теперь они составляли образцовую любящую семью. Государь повелевал ротмистру отобрать письма жены у шантажиста и доставить их в Гатчину. Ну, держись, каналья!

В тот же день Таубе поднялся на борт русского броненосного фрегата «Генерал-адмирал», очень кстати оказавшегося на рейде Порт-Саида. Вручил капитану телеграмму из Военного министерства, подтверждавшую, что он выполняет августейшее поручение. Уже через четыре часа крейсер развёл пары и взял курс на Марсель.

Глава 15

Юрьевская и Мусик

Прямо с Восточного вокзала Благово отправился в особняк дэ Эстрэ на рю Гренель, 79, в российское посольство. Прочитал телеграмму от Лыкова с отчётом о походе в Военно-Учёный комитет и порадовался, что его миссия ещё не запоздала. Можно было ехать на рю Клебер, где в кокетливом двухэтажном особняке проживала вдова покойного государя.

Светлейшая княгиня Юрьевская старалась в последние годы реже появляться в России. Вскоре после воцарения нынешнего императора она устроила ему несколько скандалов. Сначала потребовала наградить её орденом Святой Екатерины, ссылаясь на предсмертное желание мужа. Ей отказали. Потом долго боролась за два канделябра, которые ей, якобы, подарил всё тот же покойный супруг, а подлые дворцовые лакеи украли их... Расследование не подтвердило факта подарка. Живя в Зимнем дворце, вдовушка, видимо, изрядно натаскала из него дорогих безделушек, но канделябры вывезти не успела.

Рассердившись на всех, Юрьевская уехала в Париж и занялась написанием мемуаров. Вскоре они были изданы под псевдонимом «Виктор Лафетре». Переполненная интимными подробностями, задевающими честь бывшего государя, книга вызвала законный гнев его сына Александра Третьего. Тем не менее, сто тысяч ежегодного казённого содержания регулярно пересылались на рю Клебер, помогая вдове жить весьма широко. Екатерина Михайловна принимала гостей из России, ругала новое царствование и хвалила прошлые порядки. Большую часть времени она проводила в обществе домашнего доктора Любимова. Рослый, атлетически сложенный красавец с роскошными бакенбардами помогал княгине скрасить тяготы вдовства.

Прибыв в особняк, Благово сразу прошёл в кабинет эконома светлейшей княгини господина Долинского. Эконом носил чин полковника, числился по МВД и являлся официальным соглядатаем. Кроме хозяина, в кабинете столичного гостя ожидал ещё один господин. Лет 35-ти, высокий, плотный, с обильной шевелюрой и мясистым носом на гладко выбритом лице, он производил впечатление человека решительного.

— Позвольте представиться, ваше высочордие: губернский секретарь Рачковский Пётр Иванович.

— Называйте меня без церемоний, Павлом Афанасьевичем.

— Благодарю-с!

— Лёгкой беседы я не ожидаю. Возможно, понадобится взять серьёзные меры. Вы готовы действовать?

— Так точно, ваше вы... Павел Афанасьевич!

— Тогда ждите меня здесь. Попробую сначала договориться по-хорошему. Если не получится — приглашу эскулапа сюда. Тут вы и понадобитесь... для большей убедительности.

Благово слышал о Рачковском, многообещающем агенте Московского охранного отделения. Мелкий чиновник, он сошёлся с революционерами, укрывал террориста Мирского. В 1879 году Третье отделение арестовало его и быстро перевербовало. Рачковский успешно доносил, но был выдан шпионом «Народной Воли» Клеточниковым и бежал в Вильно. После царевубийства 1-го марта вернулся в Петербург, вступил в «Священную дружину». Дважды по её поручениям приезжал в Париж отслеживать эмигрантов. Умный и смелый до дерзости, он был склонен к рискованным поступкам и не боялся ответственности. Как раз то, что нужно в нынешней ситуации!

Полковник Долинский пошёл вверх к хозяйке и вскоре вернулся:

— Вас ждут.

Павел Афанасьевич поднялся по парадной лестнице каррарского мрамора, прошествовал через длинную анфиладу и оказался в обширном кабинете княгини. Мебели в нём было мало, книги отсутствовали вовсе, зато по углам стояли бронзовые статуэтки обнажённых вакханок, весьма эротического исполнения.

Долгорукая приняла статского советника стоя, но с высокомерной гримасой на лице. В свои 37 лет она ещё сохраняла красоту, но утратила былую стройность стана и заметно располнела. Княгиня была в кабинете не одна: возле самой похабной из вакханок застыл гигант в строгом синем сюртуке, писанный красавец собою.

— Это мой секретарь, и вместе домашний доктор, господин Любимов. Мужчины обменялись холодными поклонами.

— Скажите, господин Благово, — начала беседу Юрьевская с неожиданного вопроса, — вы патриот и монархист?

— Я вице-директор Департамента государственной полиции. Полагаю, этого достаточно.

Доктор в углу криво усмехнулся, и следом за ним это повторила хозяйка.

— Подойдите сюда. Вот, взгляните.

Благово шагнул к столу и увидел красующийся на особой подставке стеклянный пузырёк, в котором плавало что-то белое.

— Что же я должен разглядеть?

— Это заспиртованный мизинец моего августейшего супруга, великомученика Александра Освободителя. Его нашли на Екатерининском канале на месте взрыва. Я увезла сию драгоценную реликвию и никогда теперь не расстанусь с нею. Ежедневно обливаю вдовьими слезами. Бедный Саша... Для меня он был — просто Саша.

Озадаченный Благово не нашёлся, что сказать.

— А вот, — Юрьевская открыла ящик бюро, — и вторая реликвия, столь же священная. Здесь у меня храниться рубашка, залитая августейшей кровью. Именно она была надета на нём в тот страшный день.

— ?

— Я желала бы, чтобы перед сими святыми предметами, дорогими каждому патриоту, вы, господин статский советник, осенили себя крестным знаменем и сотворили молитву. Только после этого мы с вами сможем разговаривать.

Юрьевская говорила всё это высокопарным тоном, с пафосом и придыханием, закатывая глаза к потолку, словно плохая актриса. Благово начал раздражаться.

— Ваша светлость! Я прибыл сюда по личному указанию его императорского величества, коего оба мы, надеюсь, являемся верноподданными слугами. Поэтому разговор наш состоится в любом случае, независимо от того, стану я креститься на мизинцы, или нет.

Княгиня стремительно покрылась красными пятнами, скосила глаза на Любимова. Тот молча кивнул.

— Так и быть. Я вас слушаю.

— Это ваше письмо?

Статский советник протянул Юрьевской листок, найденный им в тайнике Макова. Немедленно подошёл доктор, бесцеремонно вырвал у вдовы письмо и принялся его внимательно читать. Уже через минуту он сказал:

— Это не почерк Екатерины Михайловны. Вы принесли фальшивку, господин вице-директор! Что, департамент полиции опустил уже до провокирования?

— Да, это не мой почерк! — тут же подтвердила светлейшая княгиня, нагло глядя Благово прямо в глаза. — Ай-ай-ай, господин из полиции! И не стыдно вам заниматься таким грязным ремеслом? А впрочем, чего ждать от жандарма...

— Во-первых, я не жандарм. Во-вторых, в архиве МИДа упомянутый здесь протокол отсутствует, следовательно, он действительно украден. В-третьих, эксперты определённо опознали руку; это ваше письмо, княгиня! И, наконец, в-четвёртых: с экспертами согласен и государь. И он повелевает вам немедленно вернуть секретный протокол в Россию. Вот его собственноручная к вам записка.

Благово протянул Юрьевской письмо от императора. И она, и Любимов прочитали его дважды, и лица их одинаково вытянулись.

— Ваша светлость! Не наводите на себя гнев его величества; вам известен его резкий характер. Мне велено добавить на словах, что, ежели вы не подчинитесь, ваши счета в иностранных банках будут арестованы. Там есть несколько миллионов франков, происхождение которых вы никак не сможете объяснить! Немедленно верните мне протокол, иначе будет хуже для вас.

Юрьевская затравленно засеменила по кабинету, потом схватила доктора за рукав:

— Мусик, что же нам делать? Отберёт ведь, всё-всё отберёт, я его знаю!

«Мусик» нервно выдернул руку и отчеканил, глядя Павлу Афанасьевичу в переносицу:

— Это шантаж и угроза! Так-то русский император обращается со слабою женщиной, законною супругою своего отца? Тогда знайте и передайте ему: не получите вы никаких протоколов! Если он действительно здесь — представим это на минуту — то в нём заключена наша гарантия сохранения вкладов. Вот! Как только вы попытаетесь отобрать наши деньги — документ тут же окажется в Берлине. Предостерегите ваших руководителей, что это всерьёз. Пусть оставят нас в покое, а не то поднимется такая буря!

— Да! — горячо добавила вдова, — Канделябры не отдали, а теперь и кровное хотят заграбастать? А вот ему! Так и передайте!

И бывшая смолянка, ведущая свой род от Рюрика, показала статскому советнику кукиш.

— Это окончательное ваше решение? — спросил Благово у княгини, упорно не глядя на её конфидента. Но тот не собирался выключаться из беседы. Широкими шагами доктор подошёл к двери, распахнул её и скомандовал:

— Пошли вон! Так и доложите там: бумажка — наша гарантия. И уже поэтому мы её не отдадим. Никогда. Только попробуете наложить лапу на наши авуары — и протокол ляжет Бисмарку на стол!

Благово не стал более продолжать разговор. Он спустился в кабинет эконома и скомандовал Рачковскому:

— Приготовьтесь, Пётр Иванович. По-хорошему не получилось. А вы, полковник, идите и пригласите этого мерзавца сюда для частных переговоров. Скажите: я хочу услышать сумму, за которую они согласны уступить протокол.

Расчёт Благово оказался верен: очень скоро Любимов предстал перед ним со словами:

— Давно бы так, батенька! Обо всё можно же договориться. Вы желаете знать цену?

— Ага, — ответил статский советник и что было силы ударил доктора в челюсть. Одновременно Рачковский подставил ему сзади ногу. Гигант испуганно взвизгнул и растянулся во весь рост на полу.

— Ах ты, мразь. С российским государем спорить собрался? Против ветра нужду справляешь. Вот тебе ещё!

Благово за правый бакенбард оторвал голову конфидента от пола и снова приложился от души. Любимов звонко стукнулся затылком о половицу, оставив в кулаке у статского советника клочок волос.

— О как! — обрадовался Благово. — Сейчас мы из него совсем Ноздрёва сделаем!

Доктор заревел и вскочил, но Рачковский выхватил из кармана французский полицейский кастет и врезал ему с размаха по почкам. Любимов хрюкнул и упал на колени. Полицейские повалили жертву на пол и принялись безжалостно избивать её ногами...

Наконец, утомившись, Благово опять ухватил эскулапа за уже поредевшие бакенбарды и рывком поставил на ноги. Тот был деморализован, закрывал голову руками и сплёвывал кровь из разбитой губы.

— Вот что, Мусик, собачье ты говно. Выбирай прямо сейчас. Или протокол через пять минут будет у меня. Или он всё равно окажется в моей папке, но ты снимешь квартиру в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Пожизненно. Тебя доставят туда к послезавтрему дипломатическим багажом, связанного, с эфирной маской на рыле. Ну?

Вскоре Благово с Рачковским покидали особняк на рю Клебер. В бархатной папке с серебряными застёжками сыщик уносил секретный российско-французский протокол. За его спиной, во втором этаже, кто-то жалобно выл — не то комнатная собачка, не то доктор Любимов.

Глава 16

Аудиенция в Рогоже

Ранним утром, когда было ещё темно, Лыков вышел на заиндевельный дебаркадер Николаевского вокзала. Москва... Три года назад, когда он впервые сюда приехал, Первопрестольная показалась ему столицей мира. Какие улицы! какие дома! а генералы! а кокотки! Сейчас, пообжившись в Петербурге, Алексей уже подмечал другое. Конечно, и улицы хороши, и из генералов можно взводы формировать, но — всё одно провинция. Столица там, где государь!

Бывшему нижегородцу, Лыкову в этой большой деревне, именуемой Москвой, было вполне комфортно. Он выбрал «автомедона»^[83] поскромнее, закинул в пошевни чемодан и приказал:

— В Никитниковский.

В отличие от Петербурга, где все главные улицы регулярно очищались от снега и горожане даже зимой ездили в колясках, в Москве передвигались преимущественно на санном ходу. Это было приятнее и напоминало родину. Мартовский снег уже подтаивал, но по накатанным колеям пошевни летели ходко, и через четверть часа Алексей оказался на месте. Второй дом по переулку от Старой площади, одноэтажный, с крепкими дубовыми воротами, отмечала вывеска: «Мастерская ретирадников привилегированных систем». Расплатившись с извозчиком, Лыков поставил чемодан на крыльцо и негромко стукнул в ставень. Через минуту дверь распахнулась и сыщик шагнул в жарко натопленное помещение. Прошёл сразу в комнаты, сбросил шинель с барейкой и сказал:

— Здорово, Степан! Что новенького?

Высокий мужчина, гибкий, словно сделанный из гуттаперчи, хмыкнул в чёрные усы:

— Архимандрит женится, игуменью берёт!

Это был Степан Горсткин, начальник секретной службы беглопоповцев австрийского согласия, именуемых в просторечьи рогожцами. Лыков познакомился с ним в феврале 1881 года в Нижнем Новгороде. Степан приехал туда забирать тело своего учителя Фёдора Ратманова по кличке Буффало, убитого террористами при неудачном покушении на Александра Второго. Лыков, раненый во время покушения, тяжело переживал смерть друга. Которого сам же и втянул в опасное

предприятие... Любовь к Буффало объединила двух боевитых мужчин и они быстро сделались товарищами.

— Чаю-то нальёшь?

— Так скоро адмиральский час, можно водку будет пить!

— Предлагаешь к Арсению Ивановичу Морозову выпимши идти?

— Боишься нашего вождя? — обрадовался Горсткин. — Это правильно. Я сам его опасаюсь. Строгий!

— Мне его строгости до лампы, своего такого имею, Плеве звать. Когда встреча?

— Через два с половиною часа. Так что, садись к самовару; и умыться с дороги успеешь.

После чаепития и отдыха они поехали на Рогожское кладбище. Руководитель толка, известный фабрикант Морозов, именно там назначил Лыкову встречу.

Огромная кладбищенская территория располагалась между Анненгофской рощей и Московско-Нижегородской железной дорогой. Ещё издали Алексей увидел купола трёх рогожских храмов и множество других построек, окружённых солидной каменной оградой. Степан всё показывал и рассказывал:

— Вот, смотри. Слева Никольская церковь, самая старая, ей больше ста лет. Далее Покровский летний храм, и третий — зимний, во имя Рождества Христова; тот самый молодой. Всей земли под кладбищем — более 24 десятин, на ней 50 строений, из которых 8 каменные. Главные здания отведены под богадельный дом. Он из числа лучших в империи и может вместить 1200 человек! Сейчас в нём более 600 призреваемых, и им обеспечивается должный уход.

Само кладбище с часовней основано в 1771 году и обязано своим появлением чуме. Екатерина командировала в Москву для борьбы с этим бедствием самого Григория Орлова. Люди тогда мёрли, как мухи. Дабы не хоронить их в черте города, граф повелел открыть далеко за заставами, в чистом поле, шесть новых кладбищ. Одно из них и есть Рогожское. Причём разрешение Орлов дал устно! Когда начали под нас копать и мы кинулись в архивы — не нашли на сей счёт никаких бумаг.

Екатерина Великая вообще хорошо относилась к старообрядцам, и при ней Рогожская беглопоповская община сильно укрепилась. Когда в 1812 году в Москву пришли французы, то поставили здесь гарнизон. Пограбили, конечно... Однако священник Иван Матвеевич Ястребов успел закопать самую ценную церковную утварь, и убытки оказались незначительные. После войны община ещё более развивалась и богатела, и к началу

царствования Николая Павловича насчитывала почти 70 000 прихожан!

— Я одного не пойму, Стёп. Вот у вас здесь три храма. Покровский, говорят, чуть не самый большой в Москве. Но ведь в них никогда не дозволялось вести полноценной службы!

— Ты прав, и это самое больное для нас место. По сути, мы имеем не храмы, а лишь часовни. В них служат только заутрени, вечера и часы; литургии же никогда не были разрешены. Особенно много община претерпела при Николае, когда гонения приняли неслыханный доныне размер. Обязаны мы этим Филарету.

— Тому, знаменитому?

— Ему. Митрополит Московский и Коломенский, если помнишь, занимал свою кафедру 46 лет. А у нас оказался свой духовный отец-долгожитель, упомянутый Ястребов. Он был настоятелем всех Рогожских храмов 49 лет! Представляешь? Вот между двумя этими богатырями и шла нескончаемая война.

— Силы-то для войны очень уж различны. Филарет — иерарх официальной церкви, любимец императора, а ваш Ястребов — преследуемый раскольник.

— Вот-вот! Поэтому исход войны — понятно, в чью пользу. В 1835 году храмы закрыли, деятельность общины свели только к одному лишь содержанию богадельни. От вашего МВД выделили особого надсмотрщика, а списки призреваемых должны были подаваться генерал-губернатору ежемесячно. Но заглавная беда была не в том! Ещё в 1827 году, как раз по указке Филарета, Николай запретил всякий переход священников из господствующей церкви в старообрядческую. Понимаешь, что это означало?

— Прежние, уже рукоположенные рогожские священники стали умирать, а новых им на смену нет.

— Точно. Раньше рогожцы сманивали деньгами какого попа из казённой церкви, быстренько его перемазывали и он служил. Теперь же приток прекратился. Через пять лет после указа Ястребов остался чуть ли не единственным беглопоповским священником на всю Москву. Почему секретный Рогожский собор 1832 года решил начать поиск своего архиерея. Который мог бы посвящать верующих из числа мирян а сан церковнослужителей.

— Помню, Благово рассказывал. Ваши искали такого иерарха 14 лет и в конце концов купили бывшего боснийского митрополита Амвросия.

— Правильно. Он поселился в Австро-Венгрии, в местечке Белая Криница. Поэтому нас часто называют «белокриницкой епархией» или

«австрийским согласием». Амвросий прожил там недолго: по требованию царя австрийский император засадил его в тюрьму. Однако он успел посвятить себе сменщика. В итоге, в 1850 году в богадельне впервые была тайно отслужена епископом Софронием архиерейская литургия. Ястребов — вот мудрый человек! — признал над собой главенство Амвросия, хотя с его влиянием никакой боснийский перебежчик, конечно, сравниться не мог. Зато это сняло все противоречия. Однако гонения усиливались и в 1856 году, уже при новом императоре, случилось самое страшное: были опечатаны алтари рогожских храмов. Ястребов к тому времени уже помер и признаваемых властями священников не осталось совсем. Вот на этом основании и запечатали... Самое обидное, что через два года преследование новых старообрядческих священнослужителей было отменено, а печати на алтарях висят до сих пор. Службу можно отправлять только в моленных домах. Вот, надеемся на нынешнего государя...

— Я слышал, уже есть вам послабления?

— Как прежнего царя подорвали, мы уже на другой день принесли в Рождественском храме присягу Александру Александровичу. Для этого поставили там разборный походный алтарь и престол. Потом отпевали казака-старообрядца из царского конвоя, что погиб при покушении. Алтарь стоит до сих пор; власти помалкивают...

— Воспользовались, так сказать, случаем?

— Ещё как! Теперь уже во всех трёх храмах установлены временные фанерные алтари и перед ними ведётся служба. А сейчас, поговаривают, правительство хочет просить нашей помощи при охране коронации. Мы, конечно, подсобим, но попросим кой-чего взамен.

За разговорами они незаметно доехали до каменного двухэтажного флигеля, стоящего позади Константиновского корпуса богадельни.

— Здесь. Иди, тебя ждут.

Лыков разделся в сенях и вошёл в большую, богато меблированную комнату. Навстречу ему неспешно встал рослый, осанистый бородач с умным властным взглядом. Миллионщик Арсений Морозов, негласный руководитель Рогожской общины, а значит, и всего беглопоповского толка, не стал протягивать титулярному советнику руки. Весь разговор вёлся стоя и в холодных тонах.

— Товарищ министра внутренних дел Дурново прислал мне экспресс о вашем поручении, господин Лыков. Власть просит нас о привлечении наших прихожан к охранению особы государя в предстоящей коронации. Так?

— Так.

— Мы обещаем выставить пять тысяч отборных людей, трезвого поведения и верноподданнического образа мыслей. Списки уже составлены, назначены сотники и десятские, сейчас мы делим улицы между отрядами. Здесь не будет загвоздки. Меня коробит другое. Одну руку вы протягиваете за помощью, а второй бьёте нас наотмашь. Как это понимать?

— Прошу пояснить вашу мысль, господин Морозов.

— Я имею в виду убийство неизвестными в конце прошлого года мануфактур-советника Крестовникова, и полное бездействие при этом московской полиции. Алексей Константинович — почтенный человек и добрый семьянин, совладелец «Фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых». Был одним из самых выдающихся деятелей Рогожской общины, моим ближайшим помощником. Благотворитель, библиофил, учился в Германии и Англии. Такие купцы — цвет общества. Двадцатого декабря он был найден у себя в конторе с проломленным виском. Полиция осмотрела — и составила протокол о несчастном случае! Будто бы, Алексей Константиныч убился сам, неловко упав и ударившись головой об камин. Детский лепет! Я приехал в последний момент и заставил пристава переписать протокол, вставив туда фразу о подозрении на убийство. Так на другой день бумага опять была переделана! Несчастный случай и ничего более! Я встречался с обер-полицмейстером, но ничего изменить не сумел. Дело закрыто, убийцы остались безнаказанными. Это возмутительно! Вы — столичный чиновник, занимаетесь коронацией; для здешних недотёп, стало быть, являетесь в некотором роде начальством. Вот и сделайте что-нибудь для восстановления в общине доверия к власти! Тогда нам будет легче помогать вам.

— Были ли в кабинете Крестовникова следы обыска, похищены ли деньги и ценности?

— Сын и вдова покойного заявили, что всё на месте. Даже братья Алексея Константиновича — а это богатые и влиятельные люди — отказались инициировать расследование. Все словно сговорились замалчивать эту очень подозрительную смерть!

— Господин Морозов! Возможно, вы только что сообщили мне весьма важные сведения. Дело в том, что я приехал в Москву не по делам коронации. Она назначена на начало мая, время подготовиться ещё есть. В апреле я приеду снова и останусь у вас безвылазно до самого окончания торжеств. Пока же мы с Павлом Афанасьевичем Благово — полагаю, вы его помните — выполняем секретное августейшее поручение. Мы ищем убийцу Макова.

— Макова? — опешил фабрикант. — Да он же сам застрелился!

— Была произведена инсценировка. Заметьте, как и, возможно, в случае с Крестовниковым. Чтобы усыпить бдительность преступников и не возбуждать излишних толков, государь приказал объявить о самоубийстве бывшего министра. Ведётся негласное следствие. Мы подозреваем в совершении злодеяния некоего Рупейто-Дубяго. Это бывший офицер, бывший агент Третьего отделения и большой мерзавец. По обнаруженным его письмам, он собирался убить и ограбить у вас в Москве какого-то купца-рогожца. Не вашего ли Крестовникова? Сегодня у меня встречи с обер-полицмейстером генералом Козловым и начальником сыскной полиции надворным советником Эффенбахом. Я поинтересуюсь у них этим делом. В какой части проживал покойный?

— В Пятницкой, во втором участке.

— Ваш рассказ, тем не менее, выглядит странным. Почему тревогу по поводу возможной насильственной смерти Крестовникова бьёте только вы, посторонний ему человек? А сын, вдова и братья молчат?

— Я... я не знаю.

— Разгадка убийства — или несчастного случая, если права полиция — в ответе на этот вопрос. Как только я узнаю ответ — тот час же сообщу его вам.

— Буду весьма признателен, господин Лыков. Я помню, что вы с Благово умеете находить ответы на вопросы.

— Могу ли я рассчитывать на содействие в расследовании господина Горсткина?

— Полностью и безусловно; я распоряжусь.

— Честь имею!

Глава 17

Новая кровь

С Рогожского кладбища Лыков поехал на Тверской бульвар, 22, в канцелярию московского обер-полицмейстера. Доложился секретарю и был тут же допущен в кабинет. Козлов, моложавый свитский генерал с залысиной и смешными длинными усами, торчащими в стороны, словно стрелки часов, принял гостя радушно. Они познакомились три года назад. Тогда Алексей на потеху обер-полицмейстеру порвал кандалы легендарного Тунгуса — первого силача среди уголовного мира империи. Род Козловых — старинный нижегородский, известный с 16-го века, что ещё более сблизило генерала и титулярного советника.

— Здравствуйте, Александр Александрович. Вот, прибыл опять под вашу юрисдикцию.

— Рад, Алексей, весьма рад! Как, силушки не ubyло?

— Вроде, нет.

— Сколько сейчас поднимаешь?

— До двадцати семи пудов догнал.

— Экий молодец! Завязал бы ещё что-нибудь для нашего музея.

— Дела бы сначала поделать, ваше превосходительство.

Козлов сразу посерьёзней.

— Да, уж эти мне дела... Я извещён, Алексей Николаич, что ты занят розысками убийц несчастного Макова. И что эти злодеи, возможно, порешили кого-то и у меня в Москве. Так?

— Да. Возможно, этой жертвою является купец Крестовников.

— Тот, что убится в конце прошлого года?

— Арсений Морозов сейчас убеждал меня, что это не было несчастным случаем. И что полиция ведёт себя в этом деле недобросовестно.

Генерал смутился, стал перебирать на столе какие-то бумаги, потом буркнул:

— Ты вот что, Алексей Николаич... Поговори об данном случае с Эфенбахом. Он тебе всё объяснит. А ко мне потом заглянешь, ежели останутся сомнения.

Лыков понял, что дальнейшие расспросы бесполезны, и откланялся. В дежурных полицейских санках он полетел на Мясницкую, где в доме 3/5

помещалось секретно-розыскное отделение при канцелярии обер-полицмейстера — московская сыскная полиция. Заведующий отделением был ему так же хорошо знаком — в 80-м году вместе арестовывали знаменитого убийцу Сашку-Цирюльника.

— Здорово, Лыков! — приветствовал гостя на пороге красавец с элегантными гусарским усами.

— Здорово, Эффенбах! Слыхал уже? Поступаешь в моё распоряжение. Достукался: меня командировали улучшить работу московского сыска.

Эффенбах загоготал, усадил Алексея на диван и велел принести чаю с ромом. Когда секретарь поставил поднос и удалился, сразу сдвинул брови:

— Ну, а теперь взаправду: почто приехал?

Лыков не спеша, во всех подробностях описал расследуемое им дело, рассказал о единственной здешней зацепке — некоей Маньке-Контузии, и передал беседы с Морозовым и Козловым о загадочной смерти купца Крестовникова. Эффенбах молча выслушал, потом произнёс:

— Начнём с девки. Манька-Контузия шалава известная и даже знаменитая. Ты отыщешь её в «Руднёвке» ежедневно после восьми вечера; до этого времени Манька отдыхает.

— Кто она и почему так прозывается?

— Молодая красивая баба двадцати пяти годов. Начинала демимоденкой^[84], затем каскадной певицей, потом сделалась и проституткой. Кличку же такую получила за то, что к ремеслу своему относится, так сказать, с душой. Или с огоньком... Говорят, клиенты от неё под впечатлением выходят, будто контуженные.

— А что такое «Руднёвка»?

— Дорогой бордель в Соболевом переулке, на Грачёвке. Вход только по рекомендации, посетители отборные. Особенно любят «Руднёвку» рогожцы.

— Старообрядцы? Им же вера даже курить не разрешает!

— Кто тебе сказал? Люди, как люди: и курят, и водку хлещут, и по бл...м ходят. Не хуже других, а пожалуй, что и получше, потому, как денег без счёту.

— Я понимаю, что в стаде не без паршивой овцы, но ты говоришь так, будто они все такие.

— Лёш! Не смей меня. И это чиновник особых поручений Департамента государственной полиции? Конечно, рогожцы не все такие. А только лишь девять из десяти!

— Поясни, пожалуйста, подробнее.

— Охотно. Да, ты прав — старообрядцам ничего такого не положено.

На людях. А ежели никто не видит, то пускаются во все тяжкие. Вот, к примеру, твой знаменитый земляк Бугров — он что, аскет?

— Какой там аскет! Баб любит — страсть. У себя на Сейме уже 35 домиков, говорят, выстроил для своих бывших. Через полгода меняет!

— Ну и наши такие же. Главное, чтобы всё было шито-крыто. Как раз для этих целей и сделана «Руднёвка». Там за один только вход берут 15 рублей! А в соседнем доме обслуживают за полтинник. В этом элитном бардаке аж восемнадцать девиц, на подбор — одна лучше другой. Там вообще всё первый сорт: мебель, отделка, выбор вин. Особенно славится «Турецкая комната». Она целиком обита дорогим коврами, даже двери и потолок. И ещё зеркала повсюду. Очень возбуждает богатых старичков!

— Ты меня заинтересовал. Сегодня же навещу Маньку-Контузию. Но одно меня смущает. Ты обрисовал эту шалаву дорогой штучкой для богачей. Но Мишка Самотейкин не того разряда! Тупой, здоровый и совсем не толстосум. Да его в твоей «Руднёвке» на порог не пустят! Как может быть Манька его «тёткой»?

— Запросто. Работа — это работа, а для удовольствия и твой колбасник сгодится. Ей с ним не книжки читать. Кстати, я, кажется, кое-что слышал об этом парне. У нас много лет в Лефортове, на Ключиках, идут секретно от полиции кулачные бои. Серьёзные, с тотализатором и большими ставками. Прошлым летом на боях появился новенький, необыкновенный силач, и всех поколотил. Звали его Мишка Саратовский. Село Поим ведь в Саратовской губернии?

— В ней.

— Вот! Полагаю, это и есть твой колбасник. А Манька любит фактурных мужчин.

— Скажи, Крестовников заходил в «Руднёвку»?

— Завсегдатай был! Эти твои рогожцы — люди скрытные. Для своих грязных дел наиболее развращённые из них создали особый кружок и назвали его «Венерин клуб». Алексей Константинович был в нём председателем. Что там твои богобоязненные люди вытворяли — не передать словами! Все виды извращений, включая самые грязные... «Руднёвка» относилась к их излюбленным местам.

— Значит, Мишке Самотейкину про его возможную жертву могла рассказать Манька-Контузия?

— Вполне. По крайней мере, она хорошо знает обоих.

— А об Рупейто-Дубяго ты что-нибудь слышал?

— Нет, этот гусь мне не знаком.

— Манька проживает в «Руднёвке»?

— Неподалёку от неё. Раньше она была приписана к «Мерцу». Тоже дорогой бордель, но рангом пониже... Где-то в этом доме у неё квартира. Более точно скажут во Врачебно-полицейском комитете — они ведут учёт всем проституткам. Я сейчас пошлю туда агента, а мы пока пообедаем.

— Подожди обедать. Расскажи про Крестовникова. Это ведь было убийство?

Эффенбах поморщился, как от зубной боли.

— Да. Я приезжал осматривать тело и могу сказать со всей определенностью: его ударили по голове. Имитация несчастного случая, как и с Маковым, была довольно примитивной. А из стола пропали процентные бумаги на сумму более сорока пяти тысяч рублей.

— Почему же ты не возбудил дело?

— По настойчивой просьбе его сына, вдовы и братьев. Поверь, они были неотвязны и предлагали любые деньги!

— Они не хотят, чтобы убийца близкого им человека был наказан?

— Родня боролась за репутацию покойного. Дело в том, что Алексей Константинович Крестовников действительно являлся с террористами. Причём давно и всерьёз. Помогал деньгами: назывались суммы с несколькими нулями на конце. Устраивал нелегальных на службу на свои фабрики. Выдавал паспорта. Укрывал в своём доме членов Исполнительного комитета «Народной Воли». Организовывал их бегство за границу. Эдакий богач-фрондёр, всегда с фигой в кармане в адрес правительства. Кстати сказать, он среди рогожцев такой был не один; зато уж самый-самый.

— Вы решили, что его убили террористы? Но зачем же резать дойную корову?

— Я и сам этого не понимал, пока ты не рассказал мне про Рупейто-Дубяго. Дело в том, что, в кабинете Крестовникова были найдены прокламации «Народной Воли» и записка от комитета. В ней говорилось, что купец казнён за отказ, вопреки обыкновению, дать денег «на революцию». Представляешь, что почувствовали родственники покойного, прочтя это? Скандал! Да в такое время! Ещё не забыто кровавое цареубийство, тайная полиция роет землю, а тут... Никто даже и не усомнился в подлинности записки, памятуя шашни покойного. Ну, и... оказали давление. На всех этажах. Участковому и частному приставам дали в лапу. Не удивлюсь, если и Козлову поднесли. Во всяком случае, он приказал мне переписать протокол и закрыть дело.

— Ну и чудеса у вас в Москве творятся! — прокомментировал поражённый Лыков. — Выходит, убийцы проломили голову человеку, взяли

деньги и ушли. А их даже никто и не искал?

— Выходит, так.

— Дубяга — гений. Он гораздо умнее, чем можно было предположить. Ограбленные им питерские скопцы молчат, думая, что стали жертвой полиции. За убитого ростовщика ушёл в Сибирь какой-то извозчик. И здесь всё сошло ему с рук. Пока сошло...

Приятели свернули разговор и отправились завтракать. Лыков не рискнул появляться на людях в компании популярного в городе сыщика, и им доставили судки с едой из ближайшего трактира прямо в отделение. Вскоре посланный Эффенбахом агент принёс адрес Маньки-Контузии. По паспорту она оказалась Марией Костылёвой и проживала в доме Яргомского в Пильниковом переулке.

В первом часу ночи Лыков подъехал к указанному дому, отпустил извозчика и стукнул в ворота. Вышел невероятной толщины дворник, дыхнул перегаром:

— Кого, мил человек, надоть?

Титулярный советник сунул ему в рукавицу гривенник.

— Манька по прозвищу Контузия уже приехала?

— Она, мил человек, нынче и не уезжала. В загуле с утра.

— Так она у себя? Одна?

— Того мы не знаем. Ишшо затемно приходил к ней еёный кредитный. Знакомая нам личность. Большой такой, например, с печь размером. В обед мы им воду приносили, так он ишшо оставалси. Опосля мы... эта... отлучились мы, вобчим. У соседского старшего дворника день именин. Так что, таперя мы не знаем, одне оне, али не одне.

— Я тогда зайду, посмотрю. Дело у меня к Маньке. Какая её дверь?

— А вон слева малый флигелёк. Ланпа одначе горит, стало быть, при себе Манька. Токмо ты, мил человек, тово... Кредитный её больно свиреп. Как бы он тебя не отмутузил. Силищи у него — ого-го!

— Ничего, объяснимся как-нибудь, — бодро ответил Лыков и пошёл к флигелю. Постучал было в дверь, но обнаружил, что она не заперта и шагнул внутрь.

Контузию он увидел сразу же. Красивая полная молодая женщина, одетая только в десу^[85], лежала на спине посреди комнаты. Лицо у неё было синего цвета, вокруг шеи что-то обмотано. Алексей взял со стола лампу, посветил. Оказалось, что проститутку задушили собственным «пажом» — гибким резиновым обручем, под который женщины подтыкают юбку в сырую погоду.

Лыков с лампой в руках обошёл обе занимаемые убитой комнаты,

бегло их осмотрел. На столе обнаружил пустую бутылку из-под «картофельного шампанского»^[86] и два пустых стакана. Рядом лежала кучка маленьких жестяных кружков — гулящие женщины глотают их, чтобы не забеременеть. Стояла большая банка с сулемой, используемой в тех же целях. Всюду разбросаны были предметы дамского туалета: корсажи, чулки, ленты. И ничего, что указывало бы на личность душиителя.

Пора было уходить. Если убийца всё же оставил следы, их обнаружит Эффенбах и сообщит Алексею. Ясно, что это дело рук Мишки. И очень похоже, что кто-то предупредил его о предстоящем визите сюда сыщика Лыкова...

Титулярный советник осторожно выглянул во двор — там было темно и пусто. Хмельной дворник укрылся в сторожке. Лыков быстрым шагом подошёл к калитке, отодвинул засов и выскользнул на улицу.

Через полчаса он уже был на Мясницкой с заявлением об убийстве. Дежурный чиновник послал курьера на дом к начальнику отделения и к судебному следователю. Две пролётки с агентами выехали в Пильников переулок; включился обыденный механизм сыска.

Глава 18

Лекция Эффенбаха

Утром следующего дня, злые и невыспавшиеся, сыщики сидели в кабинете и пили крепкий чай. Настроение у обоих было поганое.

— Кто знал о твоих планах придти к Маньке-Контузии?

— Ты.

— Понятно. Ещё кто?

— Твой агент, что ходил за справкой во Врачебно-полицейский кабинет.

— Васильев? Этого вычёркивай. Кто ты такой, ему не было известно, как и то, для чего берётся справка. А таких бумажек я запрашиваю в день по два десятка. Нет, измена не у нас. В Петербурге надо искать!

— Там хрен найдёшь. Я доложил результаты расследования рапортом на имя Плеве и сдал его законным порядком в канцелярию. Кто угодно мог его прочитать.

— А возможно простое совпадение?

— Возможно. Но я в это не верю.

— Что теперь намерен делать?

— Единственный «московский» конец для розыска обрублен. Придётся шарить наобум.

— Пойдёшь по притонам?

— А что ещё остаётся?

— Я дам тебе двух толковых агентов. Ты здесь чужой, один не справишься.

— Анатолий! Никаких агентов! Я могу играть только самого себя, и лишь так сумею вывернуться. Есть Лыков, тёртый малый. На ногу себе наступить не позволяет. Ищет одного мошенника по делу, бродит, расспрашивает. А твои ребята и себя, и меня под ножи подведут.

— Подумай своей упрямой головой. Один ты в сапогах ходишь! Так лови, чтобы и самому уйти. Твоих подвигов по Псковской тюрьме здесь никто не знает, это не Питер. И как войдёшь в преступную среду?

— Открою дверь — и войду.

— Лёш! Тебя через три часа уже зарежут. Ты что, не понимаешь этого?

— Толь! Объясни: за что меня резать?

— Да за одно то, что ты не деловой и, стало быть, чужак. А что не

деловой — написано у тебя на лице крупными буквами. И с такой наружностью ты намерен ввалиться в «Ад» или Поляков трактир?

— Да. И не вижу в этом ничего невозможного. Ты, Анатолий, кабинетный деятель, потому и сомневаешься. А как я, по-твоему, попал в Псковскую тюрьму? Открыл дверь — и вошёл. И никто меня там ножом не ткнул.

— То тюрьма, а то притон. Здесь громилы полные хозяева и помощи ниоткуда не будет!

— Везде одно и то же. Или ты полагаешь, что в тюрьме правит администрация? Задумайся: у меня легенда, понятная уголовным. Брус, лихой человек. Хитрован, любит деньги. И не свой, и не чужой. По принципам солдат, по замашкам решительный человек. С таким без особой нужды никто связываться не станет. Поверь, такие люди в уголовной среде встречаются. Фартовые ребята умные: они станут думать не о том, как меня зарезать или спровадить, а как заработать. Вот увидишь, мне ещё в поисках помогут. За деньги, конечно. Когда испробуют.

— Значит, проба будет?

— Конечно! Как же без неё?

— И ты вот так спокойно её ожидаешь?

— Страшно, Толь, первые десять раз. А потом уже ничего, привыкаешь...

— Что мне делать, пока ты ходишь по притонам?

— Мобилизуй агентуру, но очень аккуратно. Если «иваны» узнают, что Рупейто-Дубяго разыскивают одновременно и сыщики, и питерский «брус» Лыков — сам понимаешь...

— Сделаю аккуратно. Что ещё?

— Подготовь для меня «почтовый ящик». Квартиру в тихой улице, с двумя выходами, где всегда будет дежурить твой человек.

— Есть такая. Ещё?

— Опиши мне подробно оперативную обстановку в Москве. Где искать, где не искать, и кто тут у тебя чем заправляет.

— Тогда пошли к карте.

На стене эфенбаховского кабинета висела подробная карта Москвы с разделением на полицейские участки. Сыщики встали перед ней, начальник отделения взял указку.

— Запоминай. Начнём, конечно, с Хитровки — это самая язва. Она занимает весь район между Солянкой и Покровским бульваром. Что-то навроде вашей «Вяземской лавры», только вместо 13 домов здесь их 50, разбросанных по шести переулкам. Проживает постоянно более 10 000

человек; половина из них беспаспортные. Облавы мы, конечно, проводим, но ловим только мелочь. Серьёзные люди селятся в подземных убежищах. Это катакомбы, вырытые ещё до Ваньки Каина. Днём тамошние обитатели наружу не выходят, а ночью дураков нет их ловить.

Столица всей местности — Хитровская площадь с рынком. Вот здесь на неё и на Подколокольный переулок выходят переулки Певческий и Петропавловский; это сердце Хитровки. Одно из наиболее опасных мест в Москве. Три огромных домовладения — Бунина, Степанова и Ромейко — образуют особый квартал: вот он на карте. В бунинской ночлежке два полууголовных трактира, именуемых в народе «Сибирь» и «Пересыльный». Собираются люди тёмные: воры, маклаки, бродяги с дезертирами. Но крупные преступники сюда не ходят — опасно, можно попасть на сыщиков. Для них существует третий трактир, «Каторга». Это притон для самых отчаянных. Здесь никогда не было ни одного из наших: узнают — убьют!

— Расскажи о «Каторге» всё, что имеешь. Похоже, мне туда надо.

— Место очень закрытое, поэтому сказать почти нечего. Публика особая: крупные воры, налётчики, убийцы. Много беглых с каторги: тут у них биржа. Хозяин заведения, Марк Афанасьев, знаменит на всю Россию. Необычный тип! Защитник и покровитель «зелёных ног»^[87] в Первопрестольной. Притонодержатель и укрыватель беглых, притом не за деньги, а из какого-то странного человеколюбия.

— Так не бывает. Все кабатчики скупают краденое, это главная статья их доходов. При чём тут человеколюбие?

— Афанасьев другой. Скупку слама он целиком доверил своему буфетчику Ваньке Кулакову. Вот тот маклак, так маклак! Первый на Москве. А Марк Иванович ничем таким не занимается и живёт только с продажи водки. Все беглые, кто бы ни был, как появляются в городе — сразу к нему на аудиенцию. Он их прячет, достаёт документы, ссуживает деньгами. Пока человек не начнёт зарабатывать сам, он его поит, кормит, одевает. Говорят, иных содержал на свой кошт до полугода! Естественно, деловые его за это боготворят. Случись что, любому перережут за него глотку. Афанасьев знает всё обо всех; вот бы кого спросить насчёт Рупейто-Дубяго.

— Спрошу.

Эффенбах покачал головой, сокрушённо глядя на Лыкова. Хотел что-то сказать, но сдержался и продолжил:

— Самый страшный на Хитровке — «Свиной дом», владение инженера Ромейко. В нём одном 64 ночлежки! Это почти целый квартал между Певческим и Петропавловским переулками. Тупой угол, что

выходит на площадь — знаменитый «Утюг». Но тут публика смешанная, есть жильцы даже с паспортами. А вот казармы, что идут к Яузским воротам — настоящий чертогон. Называются Сухой овраг. Казарм всех восемь, и в двух последних обитают исключительно убийцы и беглые каторжники. Именно здесь находятся подземные убежища. Никто эти норы не видел, а кто видел — не скажет. Пользуюсь лишь слухами.

— А что же облавы? Такой небольшой квартал. Оцепить его да и перевернуть вверх дном!

— Пытались, и не раз. Два агента пропали, как сквозь землю провалились; убит помощник пристава. А пойманных ни одного! Говорю же: там катакомбы. Ещё от подземной Москвы Ивана Грозного остались, а потом при Екатерине водовод тянули, да так и бросили... Для твоей парочки удобное место, чтобы спрятаться.

— Понял. Навещу и Сухой овраг.

— Да ты совсем сдурел! — не выдержал Эффенбах, перейдя на крик. — От тебя даже костей никогда не найдут! Там чужих не бывало сроду!

— Ну, это же чужих, — спокойно ответил Лыков. — А я хоть одним боком, да свой. Вот, смотри. Большой Сохатый дал мне рекомендательное письмо — у них это называется «рапорт» — к некоему Верлиоке, своему московскому приятелю. Знаешь такого?

— Четвёртый год пытаюсь его арестовать. Настоящее имя — Никифор Ногтёв. Главарь банды забирах.

— Забирах?

— Ну, грабителей. У вас в Питере их называют дергачами.

— Понятно. Где мне его найти?

— В «Каторге» и Сухом овраге Верлиока, по моим сведениям, не бывает. Его вотчина Лубянка, а место проживания — «Шиповская крепость». Это такой огромный дом возле Политехнического музея, вот здесь. Построен сорок лет назад богачом и свитским генералом как доходный. Шипов полицию не жаловал и приказал своим конторщикам селить всех подряд, не спрашивая документов. Ну, те и заселили... Сейчас в домовладении живут несколько сот преступников!

— Что, даже сегодня с ними ничего нельзя сделать?

— Старая полиция боялась генерала как огня. Со своими связями при дворе Шипов мог сместить любого обер-полицмейстера. Десять лет уже, как он помер, а «Шиповская крепость» нам по-прежнему не сдаётся. И дело не в паспортах или полицейском надзоре. Внутри всё отлажено так, что обывателю туда и въехать страшно; а снаружи кто-то влиятельный

прикрывает их в Городской Думе. Но я их всё равно дожму! Дай мне ещё годика три, и выкурю всю эту нечисть...

Дело в том, что шиповцы сидят на золотой жиле. Весь прилегающий район занят Толкучим рынком. Огромное пространство в три площади: Лубянская, Старая и Новая — заселили различные виды торговцев. Большинство из них так или иначе связаны с ворами и грабителями. По ночам все лавки на площадях открыты — в них скупают краденое. Жулики со всего города несут добычу сюда. Что купили, тут же перемещают в лабазы: вот они, вдоль стены Китай-города. Лабазы охраняются свирепыми кавказскими овчарками. Внутри — подпольные перешивочные мастерские, работающие с вечера до утра. С началом торговли перекроенные вещи уже продаются на Толкучке, и хозяева их никогда не опознают. Весь этот промысел с громадными оборотами и обслуживают громилы из Шиповки. У них имеется свой излюбленный трактир на Солянке, близ Яузы. Несмотря на близость Хитровки, он — шиповский. Называется Поляков, по фамилии прежнего владельца, и ни в чём не уступает «Каторге» Афанасьева.

— Там мне искать Верлиоку?

— Там. Мы изредка в него наведываемся. Однажды обнаружили на чердаке труп свежезадушенного купца, в другой раз нашли чьи-то отрубленные ноги... Жуткое местечко. За час до полуночи парадную дверь закрывают, а чёрный ход открыт до утра. Что творится внутри в эти часы, можно только догадываться. Уже много лет там не было не то, что сыщиков, а даже простых обывателей — только уголовные.

— Понятно. Обычный «пчельник». Валяй свою экскурсию дальше, чичерон.

— А дальше у нас Сретенка с Грачёвкой (правильно — Драчёвкой). Тоже огромный преступный район, больше, чем Хитровка с Лубянкой, вместе взятые. Столицей является трактир «Ад» на углу Трубной улицы и Колокольного переулка. Это третье самое страшное в Москве место, после «Каторги» и Полякова трактира; возможно, и самое ужасное во всём городе. В закрытой половине «Ада», именуемой «Треисподня», обитает уголовный король Москвы Анчутка Беспятый. Посторонним, как ты, туда входа нету. Анчутка правит, конечно, не всей Первопрестольной: окраины ему не подчиняются, Хитровка тоже. Но всё остальное он подмял. Вооружённая сила Беспятого, отряды головорезов и забирах, квартируют в «Арбузовской крепости». Это ещё один огромный дом, под номером 9 по Большому Колосову переулку. Занимает половину квартала, выходит и в Малый Колосов, и на Цветной бульвар. Представляет собою один

гигантский уголовный притон. Соответственно и вся местность вокруг такая, что по ночам лучше не ходить — ограбят, а то и убьют. Тут же цвет проституции. В Пильниковом, Мясном, Сумниковом, Сергиевском переулках — более 150 публичных домов! Но особенно дурная слава у Соболева переулка. Он весь заставлен «полтинничными» борделями, в которых посетителей спаивают дурманом, а потом раздевают и выбрасывают на улицу. А есть бордели, где обслуживают за тридцать копеек и даже за гривенник — с соответствующими гигиеническими условиями... Конечно, у всех московских этурди^[88] их содержатели — «коты» — не прочь залезть клиенту в карман. Но в Грачёвке «котами» являются не воры, а громилы высокого ранга, которые даже по улице днём не ходят, потому, как давно в розыске. Эти люди стараются вообще не покидать свой квартал, поэтому для их обслуживания тут создано всё необходимое: кабаки, бани, игорные дома; обывателей туда не пускают.

— Угу. Грачёвку со Сретенкой оставляю на ужо. Где ещё могут укрыться Рупейто с Мишкой?

— Есть ещё Волчья долина, но её я уже почти разорил. Это местность вокруг бань купца Горячева на Москва-реке. Пятьдесят лет тут было самое лютое в городе место: сплошь притоны да уголовные трактиры. Но поставили поблизости Храм Христа Спасителя и выгнали всю эту сволочь. Кое-кто ещё остался в Зачатьевских переулках, но там у меня агентура, я выясню.

Более закрыта так называемая Котяшкина деревня. Это значительный квартал между Миюзской площадью, Оружейной улицей, Долгоруковской и 4-й Тверской-Ямской. Зверинец не хуже Хитровки! Самые дешёвые по Москве проститутки и самые злые «коты». Здесь даже днём могут раздеть. А по весне в прудах вокруг Екатерининской площади завсегда находим до полудюжины утопленников! Народ в Котяшкиной деревне проживает какой-то особенно дурной, будто их там калибруют...

Следующее уголовное место — Проточный переулок неподалёку от Смоленской площади. В городе преступный элемент заправляет на четырёх рынках. Толкучий, Хитровку и Сухарёвку все знают, а имеется ещё и Смоленский рынок. Он даже хитрованцам даст фору. Там всё краденое! Обслуживают его три банды громил; каждая проживает в своём доме. Вот в Проточном все эти дома и стоят: Арженова, Зимина и Волкова. Самый страшный из них — первый, знаменитая «Арженовская крепость», но и остальные хороши... Что в них делается, точных сведений нет — там большие конспираторы. Твой кирасир может прожить здесь целый год, и мы об том не узнаем...

— Ставлю в список вместе с Котяшкиной деревней. Что ещё осталось?

— Да много ещё чего осталось. В черте города, правда, мы уже всё перебрали. Но есть окраины и местности, недавно включённые в городскую черту; там полицейский надзор почти отсутствует. Преступный элемент это видит, и потому любит селиться именно здесь. Достаточно бандиту, объявленному в розыск, перебраться на другой берег ручья или переехать в новый дом за двести саженей от прежнего, и всё. Он уже под другой юрисдикцией. Частный пристав считает, что это до него уже не относится, и в лучшем случае начеркает отношение к уездному исправнику. А тот потеряет бумагу... Головорез же проживает себе, как ни в чём не бывало, десятилетиями, делает налёты на город — и опять в свою слободу. Малина! Слободы эти, как язвы, окружили Москву со всех сторон, и много зла поселено в них...

Начнём хоть бы с Дорогомиловских казарм. Это местность между кладбищем и Трёхгорным пивоваренным заводом, напротив лесной дачи Студенец; там всегда было опасно. Четыре неухоженных здания. Живут в них крючники, рабочие — и «золотая рота»: воры, забирохи, беглые каторжники. Чужого человека видно сразу. У них сложилась своя община, никому не подчиняющаяся. Полная хамократия! Анчутка Беспятый попробовал их покорить, подослал целый отряд, так его потопили в Москва-реке! Самые же лихие скрываются под землёй, в огромных Дорогомиловских каменоломнях — туда полиции совсем ходу нет.

Далее, ежели по часовой стрелке, идут ипподром и Ходынка. Весьма угрюмый край! Близость бегов с их мошенническими проделками притягивает всякий сброд. Вокруг Тверской заставы и до Петровского парка — сплошные «малины». Тут проживают служащие Смоленской железной дороги, но вперемешку с жуликами. В Петербургской слободке официально нет ни одного трактира, а лишь четыре чайные — так дешевле патент; но чайные эти хуже любого сельского кабака. Возле самой Тверской заставы процветает трактир Осипова, главный местный притон. Подле него — меблированные комнаты «Москва», в которых небезопасно в любое время суток. Народ на окраине исключительно дрянной. Самые невинные из них — это гулеваны, так у нас в Москве прозывают хулиганов-горчишников; но имеется публика и пострашнее.

Ещё хуже дела за Крестовской заставой. Трактир «Андреанополь», бывший «Чепуха», особо славится среди воров. Хозяин этого почтенного заведения крестьянин Иван Ильин просто плевал на полицию!

— Полиция, поди, не без пользы дозволяет на себя плевать?

— Уж само собой, только за порядочную мзду... Хорош и трактир

Баженова на углу Тверской и Камер-Коллежского вала. Там кормятся обитатели «Никифоровской крепости», здешнего очага зла — «красные», проститутки и даже беглые убийцы. В Бутырках гремят трактир Шапошникова и портерная Родицева — главные места сбыта краденого.

Да и вообще весь север — Божедомка, Сокольничья и Марьиная роща — населён полууголовным элементом. Там есть, разумеется, и честные ремесленники, и крестьяне с паспортами, но не они задают тон, а бродяги и воры. Очень в ходу вспомогательные глаголы «лгать» и «красть». Недалеко от Каланчёвки, в Пантелеевском переулке, дурной славой пользуется трактир Королёва. Восемь залов и во всех суций кошмар... Каждые полгода находим там по труп. Ещё два воровских трактира стоят на выходе к площади. Туда ходит сброд с Дьяковки и Балкан и расплачивается за выпивку стыренным товаром.

За Рязанским вокзалом имеется зловещая местность под названием Ольховцы. На углу Ольховской улицы и Гаврикова переулочка стоит трактир с биллиардной. В нём обитает «иван» по кличке Туз Крестей, командующий всей здешней окраиной. Мои ребята туда не суются, поэтому особых сведений я дать тебе не сумею. Есть там ещё трактир «Новый свет» купца Селивёрстова, тоже уголовный. Их буфетчик завербован; завтра я его вызову и расспрошу.

В конце Стромынки, в слободе под названием Тишина^[89] опять сплошняком воры и проститутки; столицей их является трактир Попова. Наискось от него — пивная с садом, худшее место чуть ли не во всей Москве. Дальше к Преображенской заставе ещё два воровских трактира, Лебедева и Уткина. Скупка и сбыт слама, притонсодержательство...

Затем у нас идёт Черкизова деревня. Тоже славная сторона! Трактиров как собак, и все уголовные: «Нищенский», «Ново-Московский», «Теремок», Обуховский. На Кладбищенской улице постоялый двор, которым пользуются исключительно «зелёные ноги». На углу Медового переулочка — трактиры Родионова и Орлова, а также знаменитый на всю Москву «пчельник» под названием «Саратов». Поблизости, в Княжеском переулочке, ещё притон, известный трактир Трусова. Околица, полиции нет, поэтому ворья и торжествует...

Но самая страшная из всех — Хапиловка. Это совершенно дикая местность между Семёновской и Преображенской слободами, не имеющая над собой ни малейшего полицейского надзора. Мы считаем, что это уже не Москва а Московский уезд; их же исправник думает наоборот.

Ну, Семёновское кладбище — отдельная история. Только у старообрядцев на Рогожском и Преображенском кладбищах порядок.

Ежедневно крепкие бородатые мужики делают обход и, чуть что, гонят всех взашей. Прочие места погребения летом заселяются беспаспортными, бродягами и грабителями, точно, как у вас на Горячем поле. Ставят шалаши и живут с апреля по октябрь; даже облавы не помогают.

Далее по стрелке — Андроновка или, иначе, Новая деревня. Вот это славное местечко! Новодеревенские — самые буйные во всей губернии. Старинное бандитское село, со своими династиями и обычаями. Уже четыре столетия они терроризируют Москву, и власти ничего не могут с ними поделать. Простых обывателей в Андроновке не было сроду. В каждом семействе отец, сын, брат или на каторге, или в розыске. Работают тамошние ребята исключительно на бойнях в Александровской слободе, а в свободное время гуляют по округе с кистенями.

— Мишка Самотейкин мог бы там прописаться?

— Навряд ли. Чужих здесь не любят.

— Понятно. Дальше валяй!

— Уж скоро и конец. Южнее Андроновки только огороды. В них тоже в тёплое время прячутся беспаспортные и некоторые беглые. Но они боятся облав и ведут себя смирно; тебе там делать нечего. Корочаровское и Сукино болота — опасные притоны под открытым небом, но опять только летом; сейчас там пусто. Да, забыл про Александровскую слободу! Местечко весёлое. Там всего два трактира, «Москва» и «Нижний Новгород», и оба не имеют права торговать вином. Так прямо возле входа стоят особые люди и наливают! Крякнул человек, икнул и пошёл перекусить... Каждый дом в слободе — «шланбой», но есть и «пьяные квартиры» вроде знаменитого «Волчатника», где уголовные проживают целыми бандами, по-семейному. Поблизости — Тюфелева роща. Это такой огромный притон под открытым небом, излюбленный дезертирами. Но сейчас, в марте, там пусто.

Остался самый юг, так называемая Даниловка. Ох, печальная местность... Очень опасно, например, Даниловское кладбище. Поблизости — бойни Кудрявцева и Бронникова, фабрики Емельянова и Беляева, кирпичные заводы. Все, почти без исключения, работники этих уважаемых заведений — мои клиенты. Если не бывшие, то будущие. Уникальный там народ: на ходу подмётки отрежут. В Андреевском овраге как раз вчера путника убили... Столицей местных мазуриков является трактир Душкина. Знаменитый среди уголовных притон. Там и биржа, и игорный дом, и сословный клуб всех негодяев. Нужен тебе револьвер, или новый паспорт, или наводка на богатую квартиру, чтобы её обокрасть — всё получишь здесь.

Но наиболее страшными являются пещеры между Даниловкой и Нижними Котлами. В них много лет назад добывали камень для строительства Варшавского шоссе. Образовались замечательные по своей длине и запутанности каменоломни, в которых посторонний человек пропадёт без следа. Вот в них-то и проживают наиболее опасные во всей Москве люди. Жуть! Они выходят на охоту каждую ночь, без отпусков и праздников. Живых свидетелей, как правило, не оставляют: трупы забирают и хоронят под землёй. Говорят, в каменоломнях похоронено больше людей, чем на Даниловском кладбище... В Москве ежегодно пропадает бесследно до ста пятидесяти человек. Большинство из них, я уверен, там.

Эффенбах поёжился, как от мороза, потом продолжил:

— Даниловские пещеры тянутся на десятки вёрст. Они имеют удобные для проживания гроты с естественной вентиляцией, боковые ответвления, запасные выходы. В них можно существовать даже зимой: температура всегда одинаковая. Поэтому банды мокрушников обитают именно здесь, причём десятилетиями. Кого им тут бояться? Облавы в Даниловских пещерах невозможны. В итоге в катакомбах сложился особый порядок, как бы секта или тайный орден. Несколько банд мирно уживаются друг с другом. Первопрестольная поделена между ними на сферы влияния, поэтому конфликтов не возникает. Новых членов принимают с большим разбором: нужны рекомендации, есть испытательный срок. В город ребята выходят только на разбой, а отдыхают, веселятся у себя под землёй; им и женщин туда привозят. Даже к Душкину подземные жители наведываются неохотно, почитая это для себя опасным.

— Если так, то Рупейто-Дубяго с Мишкой не смогут туда проникнуть. Зачем пещерникам посторонние?

— Как сказать. Твои хорошо поживились у Крестовникова; деньги у них есть. Заплатят «иванам» за убежище, им выделят отдельную галерею с собственным выходом — и живи хоть до Рождества. Длина пещер превышает 80 вёрст! Только плати. А ежели среди даниловских мазуриков отыщется бывший Мишкин односельчанин из Поима? Село-то знаменитое, самый цвет поставляет...

— Ты прав, — согласился Лыков. — Стало быть, нужно навестить и подземелье.

— Что у тебя получилось?

— «Каторга», Поляков трактир, Котяшкина деревня, Проточный переулок, Драгомиловские казармы, Хапиловка и Даниловские каменоломни.

— В любом из этих мест тебе могут сунуть нож под рёбра. Лёш! Подумай ещё раз!

— Чего тут думать? Из твоего кабинета я Рупейту с колбасником не поймаю.

— Ну и леший с ними!

— Нет. Эти двое совсем обнаглели. На них уже минимум четыре убийства. Пора прекратить.

Эффенбах поглядел на Лыкова скорбно, как на покойника, перекрестил и ушёл готовить «почтовый ящик». Титулярный советник остался один.

Глава 19

На Хитровке

В час пополудни Лыков без всякого учащённого сердцебиения вошёл в дверь дома № 11 по Подколокольному переулку. Эта и была знаменитая «Каторга».

Большой, плохо освещённый зал. Несколько десятков столов расставлены в три ряда. Вместо стульев — скамьи простой работы. Пять столов у окна, прикрытых грубым подобием скатертей, изображали «чистую» половину. Слово это как-то плохо подходило к заведению, где всё было замызгано, затоптано и заплёвано. Первое впечатление от «Каторги» получалось сильное: сразу хотелось выйти на свежий воздух... Табачный дым клубами висел под потолком. Резкий запах немытых тел, курева, дешёвой водки и грубой закуски чуть не валил с ног непривычного человека.

Около сотни посетителей, казалось, все говорили одновременно. Пятёрка самых шумных собачилась в дальнем углу; спор быстро перешёл в драку. Трое принялись мутузить двоих, те отбивались пивными бутылками. Окружающие не обращали на это особого внимания...

У окна, на чистой половине четверо крепких, коротко остриженных парней пили водку и тихо о чём-то беседовали. То ли дезертиры, то ли «волки Сухого оврага» обсуждают предстоящую ночную операцию...

В проходе между столами лежала на спине молодая женщина с подбитым глазом, в модном, но разодранном спенсере, и как будто спала. Люди спокойно перешагивали через неё и шли дальше...

Шумная компания из десятка мужчин и женщин, сбиваясь с мотива, залихватски распевала «Пропадай моя телега, все четыре колеса!». Стол ломится от бутылок, а закуска отсутствует начисто. Явно «красные», то есть воры, прокучивали ночной хабар...

У стойки двое бритых наголо мужиков самого разбойного вида о чём-то шептались с буфетчиком. Беглые каторжники...

Благообразный старик в живописно драном одеянии сидел в одиночестве и цедил крепкий чай. Ему единственному из всей публики прислуживал половой с испитой физиономией. Староста артели нищих зашёл погреться...

Ещё одна немногочисленная компания, составленная исключительно

из мужчин, вполголоса переговаривалась в углу. Лица тёртые, спокойно-уверенные, в неспешности жестов сквозит осознание своего превосходства над прочим людом. Это уже не забирохи, а мокрушники, судя по повадкам. И не боятся сюда ходить!

Лыков обогнул лежащую женщину и прошёл прямо к стойке. Грязная, как и всё вокруг, она была заставлена большими блюдами, на которых лежали калёные яйца, солёные огурцы, куски печёнки и толсто нарезанные ломти хлеба. Слева от кабатчика красовался трёхведерный самовар из британника, справа — высокий буфет с запертыми в нём графинами с наливками. У стены, на полке, длинной шеренгой выстроились бутылки с водкой; рядом стоял огромный пирог с курятиной, разделённый на фунтовые куски. Довершала картину необъятных размеров корзина, доверху наполненная бутылками с дешёвым трёхгорным пивом.

Бритые мужики у стойки с появлением Лыкова тут же замолчали, неприязненно глядя на незнакомца. Буфетчик, рослый, широкоплечий, как цирковой атлет, грубо спросил:

— Чего надо?

— Не чего, а кого, — спокойно ответил Алексей. — С Афанасьевым хочу потолковать.

— А кто ты такой, чтобы он с тобой толковал? Шляются тут всякие...

— Это не твоё дело. Ты позови, а Марк Иванович сам решит.

— Ванька, — вмешался тот из беглых, что помоложе, — а дай-кося я его отважу!

— Нет, — ответил буфетчик, видимо, тот самый Кулаков, внимательно разглядывая Лыкова. — Марк не любит незнакомых; тут надо разобраться.

И ушёл во внутренние комнаты. Бритый же встал прямо перед Лыковым и нагло вперил в него взгляд. Глаза жёлтые, злые, как у рыси, смотрит вызывательно и только ищет повод подраться... Однако Лыков не обращал на него ни малейшего внимания. Он облокотился о стойку и спросил у второго бритого, постарше:

— Всегда такой скипидаристый?

— Через раз, — ухмыльнулся беглый, обнажив при этом беззубый рот.

— Не учили ещё. Тебя вон, видать, что учили — не ищешь на копейку лиха.

— Вот-вот, и я ему то же говорю: держи, Васёк, язык на привязи, а то оторвут его по самые колена! — засмеялся обратник, толкая своего напарника в бок.

— Заклюй тебя муха! — мгновенно рассвирепел молодой. — А вот щас ты у меня проедешь четвертнёй!^[90]

И вцепился в Лыкова. Но не преуспел: тот схватил его одной рукой за пояс, легко, как ребёнка, приподнял и усадил на самый верх буфета. Васька, опешив, замолчал, а его напарник загоготал в голос:

— Ай молодец! Вот это позабавил!

Тут к стойке подошёл невысокий, средних лет бородач с умными быстрыми глазами. Поглядел наверх, на обескураженного парня, сидевшего, свесив ноги, и скомандовал его приятелю:

— Мозгля! Помоги этому дураку слезть, и сгиньте оба.

Потом обернулся к титулярному советнику:

— Я Афанасьев. Что за разговор?

— Здравствуйте. Меня зовут Лыков Алексей Николаевич. Я из Петербурга.

— Угу. Дальше что?

— Я ищу двух людей. Первый — Рупейто-Дубяго. Высокий, рыжий, бывший офицер. Второй — его фиделька^[91], Мишка Самотейкин. Тот просто колбасник.

— Ко мне почему пришли? Я колбасы не варю.

— Я знаю. Но говорят, вы человек весьма сведущий и знаете о Москве всё.

— Сыскная полиция ещё есть, там тоже сведущие люди сидят.

— Туда мне нельзя.

— Деловой?

— Нет. Я — вольный человек, ни от кого не прячусь. Просто не люблю их.

— А уж как я сыскных обожаю! Ладно. Что у вас за дело к Рупейто?

— Об этом позвольте умолчать.

— Ну, как знаете. Ванька!

Подошёл Кулаков.

— Пусть его отведут в шестую квартиру и там помогут сыскать, кого он ищет.

— Слушаю, Марк Иванович.

Буфетчик махнул повелительно рукой, и к нему тут же подошёл парень из той четвёрки, что заседала в чистой половине.

— В шестую квартиру.

Парень кивнул Лыкову:

— Айда за мной.

Алексей вежливо поклонился хозяину заведения и отправился вслед за провожатым. У двери он оглянулся. Афанасьев и Куликов замерли у стойки и быстро отвернулись. Оставшиеся трое забирах торопливо одевались.

Понятно, что это за шестая квартира...

Вышли на улицу. Парень достал папиросник (серебряный!), неспешно закурил. Дождидается остальных... Наконец они двинулись через переулок. Свернули в Певческий, миновали «Утюг», нырнули в первую же подворотню и оказались во дворе огромного дома Ромейко. По обеим сторонам двора тянулись угрюмые трёхэтажные казармы, образуя длинное, расширяющееся мешком пространство по направлению к Солянке. Снег вокруг был чёрным от грязи. Видимо, здешние обитатели выбрасывали сор и золу прямо в окна, чтобы не ходить далеко...

Провожатый свернул на правую тропинку. Они удалялись прочь от Хитровской площади. Вот скрылась за крышами казарм колокольня Никольского храма, и сделалось совсем неуютно. Сумерки сгущались. Вокруг ни души, если не считать трёх головорезов, что сопели у Лыкова за спиной. Он догадался, что его ведут в Сухой овраг, в тот отдалённый конец, где, по словам Эффенбаха, пропали в подземных ходах его сыскные агенты.

Действительно, они дошли до места, где обе стороны двора сходились, замыкая каменный мешок. Парень толкнул неприметную дверь, полез по узкой загаженной лестнице на второй этаж. Лыков — следом. Трое остальных конвоиров, уже не таясь, подпирали его сзади. Стояла какая-то особо зловещая тишина, никто не говорил ни слова.

Наконец все пятеро оказались в большой полутёмной комнате с одним окном, выходящим во двор. У окна стоял сосновый стол штыковой ^[92] работы и пара табуретов; другой мебели не было.

— Ну? — нарушил долгое молчание провожатый, глядя на Алексея. Тот стоял возле окна, а громилы сгрудились у двери.

— Что «ну»?

— Деньги есть?

— На пиво хватит.

— Покажи соргу!

— Щас! Может, ещё чего показать? Штаны только снимать неохота, холодно тут у вас.

Громилы переглянулись. Тот, что постарше, с жёстким злым лицом, прохрипел сиплым голосом:

— Ты чё сюда припёрся, стрюк?

— Да это вы меня сюда привели.

— В «Каторгу» чё запёрся?

— Ты Рупейто-Дубяго знаешь?

— Чё-чё? Ты чё сказал, харлам?

— Понятно. Тогда у меня к тебе вопросов больше нет. Свободен!

Главарь оглянулся на своих товарищей:

— Стрюк ещё не понял.

— Это ты, дурак, не понял, с кем связался. Пошли все вон, покуда целы!

На этих словах громилы дружно загоготали. Отсмеявшись, «маз» вынул из внутреннего кармана нож и прохрипел:

— Ну, поехали, што ли?

Лыков много раз отрабатывал в гимнастическом зале бой с четырьмя противниками, причём против разного оружия: ножа, топора, кастета. То, что сейчас должно было произойти, являлось для него весьма предсказуемым. Бандиты же, наоборот, не догадывались, на кого нарвались, и участь их поэтому была уже решена...

Алексей стремительно атаковал правого из громил, одновременно отсекая всю группу от двери и сбивая их на центр комнаты. Через несколько секунд двое из бандитов лежали на полу. Оставшиеся, надо отдать им должное, быстро сообразили, куда клонит, так что последнего сыщик поймал уже на лестнице. Втащил в «шестую квартиру» и страшным ударом послал на пол, к товарищам.

Конечно, Лыков не мог себе позволить сильно покалечить налётчиков. После такой экзекуции оставаться в Москве ему было бы затруднительно. Но вот дать острastку «волкам Сухого оврага» следовало. Чтобы отбить у Хитровки охоту шарить в его карманах... Поэтому Алексей задержался ещё на несколько минут, чтобы отвесить всей четвёрке чувствительной добавки. Когда он спустился по лестнице обратно во двор, в «шестой квартире» стояла могильная тишина. На последней ступеньке сыщик присел. Он пропустил-таки два удара; особо сильный пришёлся в ребро и сбил дыхание. Пришлось минуту восстанавливаться...

Той же дорогой титулярный советник вернулся обратно в трактир. Когда Афанасьев с Куликовым увидели его опять в дверях «Каторги», то выпучили глаза. Словно покойник явился с того света... Хозяин заведения шмыгнул в задние комнаты, а буфетчик принялся что-то лихорадочно искать под прилавком. Не успел: Лыков уже подошёл. Спросил буднично:

— Что у вас, Ванька, за порядки такие? Не хорошо!

— А... где ребята?

— Там, — сыщик кивнул через плечо. — Но они сказали, что не знают, где нужные мне люди. Может, ты что слышал?

— Не... Я тоже знаю.

— А кто более сведущ? Давай, поищем вместе.

— Дык... поспрошать, конечно, можно... К завтраму уж точно

выведаем. Вы завтра заходите, поближе к вечеру!

— У меня времени мало. Немцы как говорят? «Завтра — значит, никогда». Так что, ты дай мне косушку и фунт пирога. А то брюхо-злодей старого добра не помнит... Я тут посижу у тебя, с народом покалякаю. Не возражаешь?

На этих словах из задних комнат вдруг выскочил человек. Обежал буфетную стойку и остановился перед Лыковым. Высокий, с маленькой головой и длинными руками; нос сломан, всё лицо в мелких шрамах. Когда человек заговорил, то обнаружил отсутствие четырёх передних зубов. Ясно — кулачный боец.

— Земляк, а давай со мной на кулачки!

— Чего это вдруг? — недовольно спросил Лыков, глядя на незнакомца снизу вверх.

— Да скушно тута. Давай, а? Людей потешим, да и сами повеселимся.

И при этих словах боец положил тяжёлую руку сыщику на плечо.

— Пошёл прочь, братское чувырло! — Алексей сбросил руку, отступил на шаг. — Много тебе чести, чтобы я с тобой дрался!

— Да? А ты знаешь, что я — Тоська-Шарап? Шестиразовый чемпиён города Москвы по кулачному бою. Что, забоялся? А неча было в «Каторгу» без спросу заходить. Всё одно тебе, кроме, как через меня, выходу отсюда теперь нету.

Тут из-за плеча «чемпиёна» осторожно высунулась борода Марка Афанасьева. Лыков рассердился.

— Вон тут у вас какие порядки? Ну, сами напросились. Я со всем уважением, а вы...

Он быстро снял с себя и сложил на стуле чамарку^[93] и новую рубаху, оставшись только в нательной сетке. Публика вокруг одобрительно загудела и быстро выстроила круг: драку на Руси любят.

— Становись!

Тоська-Шарап озадаченно разглядывал сыщика. Огромные бицепсы, как бильiardные шары, перекачивались у того под кожей; шея и плечи казались отлитыми из свинца.

— Чего вылупился? Начинай!

Толпа заревела, слышались раззадоривающие крики. Боец сдвинул брови, глубоко вздохнул, примерился — и стремительно ударил. Алексей чуть подвернул корпус навстречу, уклонился и выбросил вперёд правый кулак. Голова Шарапа дёрнулась, ноги стали выписывать на полу восьмёрки, из носа двумя струйками хлынула кровь.

Алексей не бросился добивать а, напротив, остановился. Противник

вытер кровь рукавом, вымучено улыбнулся:

— Ништо!

Снова глубоко вздохнул и опять ринулся в атаку. От одного удара сыщик с трудом увернулся, два принял на защиту, потом изловчился и нырнул сопернику под руку. Его кулак с размаха влетел Шарапу прямо в печень. Тот застыл на долю секунды, хватая ртом воздух, а потом сложился на полу в огромный ком.

Кабакская голь заорала, заулюлюкала — скоротечность боя пришлась ей не по нраву.

— Чё, уж всё? Мало больно! Отлейте его водой да пущай еще помордуются! Ён привычный, Шарап-то!

Однако Лыков, не обращая на крики никакого внимания, поднял с пола поверженного соперника и оттащил в угол. Усадил за стол, опёр спиной о стенку, чтобы не упал, и сбегал к стойке за водкой. Быстро оделся. Тоська-Шарап, не открывая глаз, хрипел и всё сползал вниз. Алексей поднёс к его губам косушку:

— Пей.

Тот жадно опростал посуду и сразу же открыл глаза. Увидел Лыкова и снова деланно улыбнулся:

— Вона как вышло...

— Ничего, брат, сейчас пройдёт. Хлебни ещё.

Через десять минут бывшие противники выпивали и закусывали в своём углу, дружески переговариваясь.

— Они тебя за сыщика приняли, — пояснил кулачный боец, кивая в сторону прилавка.

— Дурной народ! Нешто я похож на «водяного»?

— Не-е. Ежели бы в сыском такие были — нас бы уже никого не осталось. А ловко же ты меня! Не хочешь на Ключиках подраться? Денег зарабатываешь.

— Я, Антон, по-другому соргу добываю. Скажи лучше: ты Мишку Самотейкина знаешь?

— Это который из Поима? Душитель?

— Да.

— Пошто он тебе? Мелкий злец.

— Он при офицере одном состоит. До этого офицера у меня дело.

— Был там офицер, — согласился Шарап. — В прошлом годе Мишка появился на Ключиках и всех там побил. Даже и меня! Но только до твоей милости, Алексей Николаич, ему далеко. Мы с ним махались до получаса, и ему, аспиду, тоже досталось тумачков; а ты меня в два приёма одолел. Я же

в тебя ни разу не попал...

— Ты мне про офицера расскажи.

— Да! Высокий такой, рыжий. Глаз злой. Нехорошая наружность.

— Мне с ним детей не крестить. Как его найти?

— Точно не скажу. Мишка на той неделе сюда заходил. Мы с ним водки выпили, да и разошлись. А офицера я с прошлого года не видал.

— О чём говорили?

— Да о бабах, об вине; ни об чём, вобщем.

— Позови сюда Афанасьева.

Шарап послушно встал и отправился за хозяином трактира. Тот подошёл смущённый, сел на край стула.

— Вы меня извините, Алексей Николаевич! Уж очень вы непонятный показались, вот я и решил поостеречься.

Титулярный советник отмахнулся, вынул «рапорты» Пашки-Канонира и Большого Сохатого, протянул притонодержателю:

— Вот мои верительные грамоты.

Афанасьев внимательно их прочитал и вернул обратно.

— Ещё раз извините!

— Моё дело до Рупейты касается «красноярок». Большого не скажу.

— Понимаю.

— Где мне их искать?

— Мишка Саратовский на той неделе заходил. Они с Тоськой выпили по бутылке.

— Это я уж баял... — пробурчал Шарап.

— К сожалению, ничего более прибавить не имею. Я не видел Рупейто-Дубяго с января месяца. Где он сейчас — Бог знает. И разговоров о нём давно нет; как провалился.

— Эх-ма, — вздохнул Лыков. — Москва большая. А Верлиоку где мне добыть? В Поляковом трактире?

— Да, ежедневно с трёх до одиннадцати. Он из «мазов» повышен в «иваны». Анчутка Беспятый отдал Верлиоке в управление всю левую часть, что внутри Садового кольца: от Остоженки до Цветного бульвара. Большой кусок! К парню теперь на козе не подъедешь...

Тоська-Шарап вызвался проводить Лыкова на Солянку — от «Каторги» до Полякова трактира всего пять минут ходу. Учитывая популярность кулачного бойца в определённых кругах, Алексей согласился.

Простившись с Афанасьевым, сыщик направился к выходу. В самых дверях ему попались двое громил из числа тех, кого он разложил на полу «шестой квартиры». Увидев обидчика, дергачи торопливо расступились и

вполголоса матюгнулись вслед, но на большее не решились.

Глава 20

Грачёвка

Лыков с Тоськой вошли в Поляков трактир, когда уже стемнело. Трое угрюмых парней у двери подозрительно уставились на Алексея. Тот небрежно оттер их плечом и проследовал к стойке. Шарап поотстал — кто-то из знакомых перехватил его, заведя разговор о кулачных боях.

Маленький буфетчик с жёлтым безволосым лицом скопца воззрился на новенького:

— Чего изволите?

— Изволю Верлиоку. Имею к нему «рапорт» от Большого Сохатого из Питера.

— Сей минут! — физиономия буфетчика приняла почтительное выражение, и он шмыгнул в заднюю дверь.

Лыков осмотрелся. «Пчельник» как «пчельник»... Три десятка посетителей, все на вид фартовые. Песен не горланят, на гармошке не играют, неспешно cedят водку и спокойно о чём-то беседуют. Незнакомец у стойки вызвал сдержанное удивление. Громилы обступили Тоську-Шарапа, тот им что-то рассказывал, оживлённо жестикулируя и тыча время от времени пальцем в Лыкова.

Подошёл крепкий бородач в тужурке со споротыми контрпогонами, бросил коротко:

— «Рапорт».

Лыков протянул ему бумагу, и тот ушёл с ней во внутренние комнаты.

Уже все посетители трактира беззастенчиво пялились на сыщика. Тот спокойно стоял у прилавка, ожидая приглашения.

Бородач быстро вернулся, молча кивнул, приглашая за собой. Видимо, он был немногословен.

В большой квадратной комнате с мещанской мебелью Лыкова ожидал Верлиока. «Иван» оказался рослым, хорошо сложенным мужчиной лет 35, со щегольскими усами и подвижными весёлыми глазами. Гостя он встретил приветливо.

— Проходи, садись! Как там Сохатый? Эй, водки человеку, живо!

Алексей коротко рассказал об их совместном приключении.

— Да, дела... Может, ему пока у нас лечь в лаванду?^[94] Я ему тут всё обеспечу по первому разряду, никакой эффенбах не сыщёт.

— Пока нельзя, — рассудительно ответил Алексей. — На вокзалах, на заставах — везде пасут, вытерки ломают^[95]; очень строго. Надо немного обождать. Плакат и соргу я ему дал — отсидится.

— Ну, Рафаил парень головастый, сам допетрит. У тебя что за нужда ко мне? Он пишет — ты ищешь двух мазуриков. Помочь требуется?

— Да. Я здесь человек сторонний. Мазурики где-то в Москве, но с липовыми паспортами, новых имён их я не знаю. Натворили в столице и теперь прячутся. Один бывший офицер, по фамилии Рупейто-Дубяго. Рыжий, осанистый. Выжига ещё тот. Второй при нём ординарцем. Мишка Самотейкин, колбасник.

Верлиока задумался.

— Офицер, а при нём колбасник? М-да... Что-то такое я слышал, но самолично не знаком. Вроде, есть здесь такие; но где? На Сретенке могут залечь, там притон на притоне. Ещё в Проточном и в Котяшкиной деревне, где самый сброд околачивается. Это то, что под моей рукой.

— Помоги сыскать, я заплачу.

«Иван» рассердился:

— Этого не хватало! Сохатый за тебя просит — и довольно. Он меня в Томской пересыльной отбил. Там два куклиша четырёхугольной губернии^[96] в лазарете варначили. Я после побега больной был, слабый; Рафаил заступился. Я должник его.

Молчаливый бородач в тужурке прервал их беседу. Он подошёл к Верлиоке и что-то долго шептал ему на ухо.

— Ну? — удивился «иван». — Ловко!

И повернулся к Алексею:

— Говорят, ты Шарапа побил?

— По-отечески... Парень-то не яманный, чего его зря обижать.

— А Сиплого с его ребятами уже немилосердно помял.

— Привязались четыре дурака. Наглые. Пришлось наказать.

— Сиплый шибко духовой, и ребята у него бывалые. Не можно их в одиночку сладить!

— А ты у них спроси, можно или нельзя.

— Ха! Их теперь спросишь! Двоих в Шереметьевскую больницу свезли, включая туда и Сиплого. Не боишься, что Хитровка ответит?

— Не я начал. Завели в казарму, стали денег спрашивать. Нашли мальчугана! Я им так отвечу, если кто ещё не понял, что костей не соберут!

— Ну, от хитрованцев мы тебя прикроем. Поживи пока в Шиповке, я распоряжусь.

— Сидеть мне некогда, сорга кончается. Подсоби лучше с поисками. Верлиока задумался.

— Начать лучше с «Арбузовской крепости». Тамошние ребята заправляют на всей Сретенке. Но это не мой участок, поэтому придётся заплатить. Я пошлю человека с тобой к ихнему коменданту. Татарин, кличут Шайтан-оглы. Человек серьёзный. Он тебе чёрта лысого достанет, если только тот прячется на Грачёвке...

Сретенка — удивительная улица. Другой такой нет во всей Москве. Более всего она напоминает обглоданный рыбий хребет, от которого отходят в обе стороны рёбра-переулки. Это не простые переулки. Обычному, законопослушному человеку сюда по вечерам лучше не соваться: разденут, ограбят, а то и ножом угостят. В каждой подворотне — притон с «марухами», которые марьяжат клиентов в тёмное время суток. Заманивают, спаивают, а потом подводят под клинки своих содержателей — «котов». Сретенка упирается в Сухарёвку — одну из главных московских клоак. От Самотёки до Большой Спасской сплошь лихие места, раздолье для уголовного элемента.

Созданный в 1844 году для надзора за проституцией Врачебно-полицейский комитет расположен в помещении Спасской части. Каждая зарегистрированная проститутка имеет при себе санитарный альбом и обязана раз в неделю являться в комитет для освидетельствования. Далеко шляться девкам некогда — останешься без заработка, да и штат ВПК не велик. Молва именно этому приписывает столь необычную концентрацию борделей: из 190 московских бардаков 150 находятся в районе Сретенки. Все здешние переулки уставлены ими сплошь. Дома в них не имеют ворот, не дежурят на входе дворники и не лают по ночам ни одна собака. Вся потаённая жизнь разворачивается в бесчисленных флигелях, уходящих глубоко во дворы. На крыльце их выставлены фонари в восемь светильников зелёного стекла — это официальные бордели. Но многие строения, не отмеченные этим знаком, являются теми же бардаками, но уже подпольными. Врачебного надзора за их обитательницами нет, а содержателями заведений являются, как правило, уголовные. Полиции такие заведения хорошо известны, но она их не закрывает, чтобы было с кого брать на лапу. В них-то и происходят самые страшные дела: посетителей спаивают дурманом, грабят, а потом везут к Яузе или Лефортовским прудам и топят. Говорят, громилы из Даниловских каменоломен недавно предложили городским деловым новую услугу: за 15 рублей забирают покойника и хоронят его у себя в подземелье. Там уж

точно не найдут.

Самое опасное место на Сретенке — это её левая половина до Цветного бульвара включительно. Осью является длинная, с переломом посередине, Грачёвка. В одном её конце, на Трубной площади, стоит дом Внукова, в подвале которого расположен уголовный трактир «Ад». В этот жуткий притон не смеют заходить ни сыщики, ни обыватели. Далее, там, где сходятся Большой и Малый Колосов переулки, растянулся почти на весь квартал большой угрюмый четырёхэтажный дом. Бывший барский, переделанный в доходный, он смотрит главным фасадом на длинный узкий сквер, выходящий на Цветной бульвар. Знающие люди обходят это место стороной да ещё и ускоряют при этом шаг. Дом называется «Арбузовская крепость», по фамилии прежнего владельца, и заселён почти исключительно преступным элементом. Как и в петербургском доме Дероберти, воры и налётчики проживают здесь сплочёнными шайками. Они вместе ходят по ночам «на делопроизводство», вместе потом отдыхают в расположенных в первом этаже «крепости» трактирах. Дворники и конторщик дома тоже назначены от уголовных, поэтому надзор за порядком и паспортный контроль фактически отсутствуют.

Лыков вошёл в парадное «Арбузовской крепости» в сопровождении молчаливого бородача в тужурке. Звали парня Стёпкой; он оказался ближайшим помощником Верлиоки и опытным дергачом.

Прямо посреди главной лестницы восседал на венском стуле грузный дядька с узкими хитрыми глазками, одетый в драную ливрею с золотыми галунами. Завидев гостей, он приветливо хмыкнул:

— Здорово, Стёпка, чёрт лубянский! Кого привёл?

— Питерский. Лыков. Письмо.

— Ты, брат, не говоришь, а будто телеграмму читаешь. Что за Лыков? Что за письмо?

Но Стёпка вручил швейцару клочок бумаги и добавил столь же лаконично:

— Очень просят.

Хитроглазый прочитал записку и дёрнул за висевший сбоку шнур. Через минуту вниз спустился тощий долговязый ярко-рыжий парень, одетый «под фу-фу» и в щегольских сапогах с гамбургскими передами^[97].

— Письмо Шайтан-оглы от Верлиоки из «Шиповской крепости», и человек при письме. Отведи к коменданту.

Лыков молча пожал руку Стёпке и отправился в сопровождении рыжего наверх. На третьем этаже открылась анфилада комнат. Большие и очень грязные, они тянулись во всю длину дома по направлению к

Сретенке. В каждой комнате — до десятка нар вдоль стены, стол со скамьями, печь в углу и иногда шкаф с простой посудой. Плечистые сурового вида мужики играют в карты и шашки, некоторые обшиваются, многие спят. Запах табака, конопляного масла и кислой капусты — точь-в-точь, как в тюремной камере, только разве парашей не воняет...

Пройдя четыре или пять комнат, рыжий завёл Алексея в небольшой угловой кабинет, занимаемый арбузовским комендантом. Высокий поджарый татарин лет пятидесяти, очень спокойный и уверенный в себе, с умным лицом и сильной проседью в усах, поднялся с дивана им навстречу.

— Так что, письмо от Верлиоки, и человек прилагается.

Комендант отпустил рыжего, прочитал «рапорт» и кивнул Лыкову:

— Садись, рассказывай.

Сыщик сел в мягкое кресло. Шайтан-оглы обставился с комфортом: оттоманка, хороший салонный столик, бюро с бронзовыми ручками, в углу камин, заставленный винными бутылками. На полу перед камином чистый коврик — неужели для намаза?

— Я Лыков Алексей Николаевич. Питерский вольный человек. Ищу в Москве двух мазуриков. Бывшего офицера по фамилии Рупейто-Дубяго и его как бы ординарца Мишку Самотейкина. Здесь они под чужими именами, которые мне не известны. Плачу тридцать пять рублей за подсказку адреса.

— Что такое «вольный человек»? И что у тебя за дело к этим двоим?

— Я сам себе хозяин, никому не служу. Не фартовый. Сидеть по тюрьмам некогда... Сейчас зарабатываю сбытом «красноярок» из куртажа в десять процентов. Хочу вступить с Рупейтой в сделку.

— Кому сбываешь?

— Рогожцам, в половину номинала.

— А как вышел на Верлиоку?

— Привёз ему «рапорт» от питерского «ивана» по кличке Большой Сохатый; это мой тамошний приятель.

— Ха! Мы с ним в 80-м году в Бутырках вместе с майданщиками состояли. Привет ему от меня передай. Как он?

— Сейчас плохо. Подломали они пакгауз, сторожа зачем-то замочили. Там окрысились. Все его ребята уже в ДЭПЭЗэ горюют, только Рафаил спасся. Лёг в лаванду наглухо.

— Ясно. Попал, значит, в колесо. А как живётся на вольных хлебах?

— Понимаешь, если бы деньги сами собой образовывались, вот, например, как сопли в носу... А так приходится рысачить. Зато мне никто ничего не может приказать.

Шайтан-оглы откинулся на спинку оттоманки, подумал с минуту, потом сказал:

— Помочь тебе, конечно, я могу. Но ребята бесплатно работать не должны. Давай вот как договоримся: ты сейчас даёшь мне два рыжика^[98] и при любом раскладе их теряешь. А ежели мы находим твоих мазуриков, то платишь ещё два. Согласен?

— И что вы за такие деньги процедите?

— Сретенку, Сухарёвку и Марьину рощу. Остальное не моё.

Лыков вынул из кармана бумажник, отсчитал четыре пятишники и вручил их «ивану». Тот аккуратно убрал их в бюро.

— Забирай парня, который тебя привёл. Его зовут Ассигкрит...

— Как-как? — опешил Лыков.

— Ассигкрит. Учти, он обидчивый, кличек не признаёт и именем своим заковыристым весьма гордится. Во всём остальном парень справный. Я сейчас обрисую ему, что надо. Прогуляйтесь сегодня вдвоём по Грачёвке. Ассигкрит будет соваться во все подходящие места и спрашивать, а ты слушай. Дадут — в мешок, не дадут — в другой... Рыжий у меня, навроде, как адъютант; ему всякий здесь расскажет без утайки. И тебя с ним никто не тронет... А я сам вечером буду в трактире Бакастова на Сухарёвке. Там соберётся двенадцать подчинённых мне «мазов», на именины к Сашке-Гармонисту. Их ещё обспрошу. Распиши мне наружность этих чувалов.

Лыков подробно описал приметы разыскиваемых им убийц, и ушёл с рыжим адъютантом в рейд по Грачёвке. Парень понял задачу с полуслова. Он быстро, со знанием дела, обшаривал переулок за переулком, заходя в заведения, преимущественно не отмеченные зелёным фонарём. Сыщику Ассигкрит заявил, что все полторы сотни местных борделей им обходить незачем. Большинство из них — «полтинничные», где пожухлые жрицы любви дарят свои торопливые ласки голытьбе. Есть с десяток первосортных, куда вход лишь по рекомендации и за большие деньги. И имеется ещё тридцать-сорок приличных, но не баснословно дорогих заведений, в которых «мамки» могут сдать хорошим постояльцам комнату без прописки. Часть таких борделей зарегистрирована, а часть нет, но подати Шайтан-оглы платят и те, и эти.

Проверка проходила везде одинаково. Ассигкрит безошибочно угадывал в дворах нужную дверь и входил в неё без стука. Навстречу тут же подымался крепкий субъект с разбойничьей рожей. Завидев, кто пожаловал, охранник склабился в подобострастной улыбке. Рыжий задавал ему вопрос. Мужик морщил низкий лоб, чесал в затылке, глядел в потолок,

после чего разводил руками.

Такая картина повторилась четырнадцать раз подряд. Неожиданно в пятнадцатом бардаке, в Пушкарёвском переулке, вышибала на заданный ему вопрос тут же ответил:

— Есть такие.

— Где они?

— Да тут оба. Офицер, с двойной фамилией, и денщик при ём, Мишкой кличут. Истинный богатырь! Да, и оба, навроде, как скрываются, опасаются всё чего-то.

— Наши! — обрадовался Ассигкрит. — Быстро сыскали. Вызвать их?

— Не надо, я сам. Ты возвращайся к себе. Скажи Шайтан-оглы: я покалякаю с ними и приду к вам в крепость, отдам вторую половину.

Рыжий недоверчиво смотрел на Алексея, не зная, как поступить. Видимо, он уже крепко рассчитывал на два червонца.

— Ладно, — сказал он после короткого раздумья. — Ты иди к ним, а я тебя здесь подожду.

И сел на порог. Алексей повернулся к вышибале:

— Кто где?

— Мишка у Секлети, в третьем номере, а офицер всегда одну и ту же берёт, наилучшую. Люська-Зверок прозывается. Всё левое крыло одна занимает. Красивая, шалава!

Лыков был возбуждён. Всё-таки, он нашёл их! Но что дальше? История с «красноярками» здесь не прокатит. Невозможно также поверить, что человек специально приехал аж из столицы с запиской от Пашки-Канонира к жалкому колбаснику, чтобы тот его «приставил к ремеслу». Нет, знакомство быстро перерастёт в задержание. И рыжий свидетель будет тут совершенно ни к чему.

Постояв в задумчивости, Алексей вернулся в раздевальню и выдал Ассигкриту два десятирублёвых билета.

— Держи. Не хочу я сейчас туда идти. Вдруг офицерик аккурат на бабу залез? А тут я со своими «красноярками»... Только знакомство испорчу, а мне нужно договориться. Подожду, когда Рупейто выйдет.

Рыжий не стал спорить, взял деньги и ушёл. Остался только вышибала. Как быть с ним?

— У вас петцольдовское пиво есть?

— Нет, токмо портер.

— Я тёмное не пью. Сбегай, принеси бутылки три, а я тут за тебя покараулю. Может, мне до утра придётся просидеть!

— Не могу, не положено. Чаю попейте.

Лыков вынул серебряный рубль, бросил его на стол.

— Говорю, в горле пересохло! Сдачу оставь себе.

Парень сразу схватил монету и направился к двери, натягивая на ходу шапку.

— Я мигом!

Как только он ушёл, Алексей тут же проник в коридор. Разыскал третий номер, прислушался — тихо. Собравшись, сыщик резко толкнул дверь и вошёл внутрь.

На широкой кровати лежал огромный мускулистый парень с румяным лицом, совершенно голый. Бугры мышц дыбились под смуглой кожей. Рядом симпатичная девица, тоже нагая, лила воду из кувшина в медный таз. Увидев незнакомца, она завизжала и выронила кувшин на пол.

— Ты Мишка?

— Ну, Мишка, — нахмурился гигант. — А ты чё сюды припёрся?

— Где офицер?

— Какой такой офицер?

— Не ври, я всё знаю. Где он?

— А, этот... У Люськи, где же ещё. Тама, в конце калидора.

И показал пальцем в стенку. Лыков машинально чуть повернул голову в том направлении, и тут же Мишка в прыжке прямо с кровати бросился ему в ноги. От неожиданности титулярный советник упал. Парень перелез через него, мигом поднялся и выскочил вон. Алексей поспешил следом, держась за ушибленный бок. Девица всё визжала...

Мишка подбежал к самой последней двери в коридоре и забарабанил в неё огромными кулаками:

— Ваше благородие, бежьте! Он пришёл! Бежьте шибче, я его задержу пока!

Тут налетел разъярённый Лыков. Досадуя на своё падение, он не стал нянчиться с «фиделькой» и одним мощным ударом отправил его на пол. За дверью послышались шаги и взволнованный шёпот. Сыщик налёг плечом, сломал замок и ворвался в номер. Он увидел красивую перепуганную блондинку, сидевшую, поджавши ноги, на кровати в шикарном дезабилье, и распахнутое настежь окно. Не раздумывая, Алексей прыгнул в него и сильным толчком сбил с ног мужчину, в одной рубашке и панталонах завязшего по колена в сугробе. Тот ойкнул и вытянулся во весь рост на снегу лицом вниз.

Всё было кончено. Лыков рывком поднял своего пленника, развернул к себе — и вдруг увидел молодое тонкое лицо с холёными усиками и испуганный взгляд. Это не был Рупейто-Дубяго!

— Кто вы?

Незнакомец отвёл глаза.

— Кто вы? Ну!

— Вы прекрасно знаете, кто я, — ответил мужчина, сильно грассируя. — Пусть я в вашей власти, но оскорблять меня не смейте!

Алексей внимательно всмотрелся в незнакомца и понял, что тот сильно напуган. И что, не сказав ему хотя бы части правды, сыщик не разберётся в возникшем недоразумении.

— Послушайте, — понизил он голос. — Видимо, имеет место ошибка. Я титулярный советник Иванов, чиновник сыскной полиции. Разыскиваю двух опасных убийц: отставного офицера Рупейто-Дубяго и его сообщника Мишку Самотейкина. Вы офицер?

— Так вы не за мной пришли? — недоверчиво спросил мужчина.

— Повторяю вопрос: вы офицер?

— Позвольте представиться: подпоручик лейб-гвардии Московского полка Загорянский-Киссель.

— Чёрт! И у вас в вестовых тоже Мишка? Что он там кричал, что за вами пришли, чтобы вы убегали? Кого-то ждёте?

Подпоручик замялся.

— Желаете, чтобы я отвёл вас в часть?

— Нет, не надо! Я расскажу, я всё расскажу, только чтобы никакой полиции! Дело в том, что я через неделю женюсь. На княжне Диди Гагариной. Сущий ангел: невинна, добра, глупа и очень богата. Очень! А у меня, как и положено порядочному офицеру, большие карточные долги. Очень большие! Наши родители всё уже оговорили, но кузен Диди, некто Ганчич, хочет расстроить нашу свадьбу. Чтобы самому на ней жениться и взять семьсот тысяч приданого. Негодяй! Он следит за мной. С недавних пор я хожу к Люське только переодетым в статское и в сопровождении своего денщика Михаила Анцова. На всякий случай. Он человек сильный и верный.

Как раз в это время огромная голая фигура высунулась из окна и «верный человек» закричал:

— Держись, вашебродие! Я уже иду!

И принялся неуклюже выбираться на улицу.

— Оденься и жди меня у выхода, — строго сказал ему Загорянский-Киссель. — Это не он; тут ошибка.

Мишка озадаченно крикнул, постоял немного в задумчивости и отправился выполнять приказание.

— Вот видите? — гордо констатировал подпоручик. — О чём уж я?

— О том, что вы теперь ходите к Люське-Зверок только в сопровождении.

— Да! Вы же понимаете: Ганчич может вломиться в это заведение и учинить скандал. Вызовут полицию, та составит протокол с упоминанием моей фамилии, а ему только этого и надо! Он такой негодяй, что на всё способен! За семьсот тысяч... Ну, мы с Мишкой и подумали оба, что это Ганчич ломится. Как вы меня напугали, господин Иванов!

Алексей слушал всю эту ахинею и злился. Бывают, ох, бывают в жизни совпадения. Офицер с двойной фамилией, в статском, скрывается, и при нём могучий Мишка. И не те! В итоге имеются ненужная огласка и сломанный замок. Как теперь оправдаться перед Верлиокой и Шайтан-оглы? Легенда с «красноярками» трещала по швам. Хлюст, стоящий перед ним, вызывал поэтому у сыщика сильную неприязнь.

— Последний вопрос, подпоручик. Скажите, а за неделю до свадьбы вам обязательно нужно ходить по бл...м?

Загорянский-Киссель растерянно захлопал длинными ресницами:

— Так ведь я же офицер!

— Понятно. Можете идти. И чтоб никому обо мне ни слова!

Через полчаса, объяснившись кое-как с хозяином заведения и заплатив полтора рубля за убытки, Лыков вернулся в «Арбузовскую крепость». Разыскал Ассигкрита и сказал ему расстроено:

— Вертай деньги. Не они это.

— Как так? — удивился рыжий. — Всё же сошлось!

— Всё, да не всё. Я ищу отставного ротмистра Рупейто-Дубяго. А здесь подпоручик Московского полка Загорянский-Киссель. Не в отставке, а служит.

— Эх-ма... А второй, Мишка?

— Его денщик. Тоже парень крепкий, что лишь добавило путаницы. Там вообще смешная история вышла...

И Алексей рассказал рыжему про свадьбу, козни Ганчича и бегство подпоручика через окно.

— Вобщем, Федот, да не тот. Пришлось ещё за сломанный ингер^[99] платить.

Ассигкрит посмеялся, вернул Лыкову двадцать рублей и они отправились вдвоём на Сухарёвку. Разыскали в трактире Шайтан-оглы, изложили ему свои приключения и услышали в ответ:

— Нету в наших краях этой парочки. Я всех «мазов» обспросил. Васька Лупкин вспомнил колбасника. Тот, будто бы, о прошлом годе в Лефортове на кулачках дрался. Он?

— Он.

— Вот. И офицер при нём имелся, как ты и говорил. Рыжий, фамилия Дубяга. Большой плут. Месяц назад они оба приходили к Ваське на Крестовскую заставу, прожили неделю у одной вдовы и съехали. Куда — не известно.

— И другие ребята их не видели?

— Ни один. Так что извиняй: в моей вотчине их нет. Пусть Верлиока поищет у себя. Там одна Котяшкина деревня чего стоит!

Глава 21

Котяшкина деревня

Верлиока возвращению Лыкова не удивился. Выслушал рассказ и резюмировал:

— День как день, да год не тот! Ну, что ж, пороемся теперь у нас. В моих владениях тоже есть где спрятаться. Весь век взаперти не просидишь; когда-нибудь, да выберутся они наружу.

— «Когда-нибудь» не годится. Купцы ждут, я уж с ними договорился, а товару нет. Эдак и дело сгорит.

— Понимаю. Давай прямо сегодня начнём. Мы как раз в Котяшкину деревню собираемся; валяй с нами.

— Оброк взимаете?

— Если бы! Эти стервецы платить не желают. Там сорок шесть бардаков, все не зарегистрированные. Оборот большой, и — мимо нас. Анчутка ономясь приказал привести к повиновению. Только это сказать легко, а сделать трудно. Мужики там зверовидные, повозишься с ними... Ништо! Я их поучу. Возьму пятнадцать человек и выжгу всю язву.

— Поболе бы, — подал голос Стёпка. — У них там Федя-Заломай.

«Иван» нахмурился:

— А ты мне не дрефь! Подумаешь, Заломай. Я ему ноги к ушам привяжу и плясать заставлю!

— Кто это? — полюбопытствовал Алексей.

— Тамошний батырь. Говорят, и вправду силён... Местные горлопаны его водкой поят и дуют в оба уха: «Ты, Федя, чужих сюда не пущай, мы сами с усами». А Федя простой, как банный веник; обещает нас побить!

— На такое стоит посмотреть. Поехали!

Лыков сел за стол, перекусил. От нечего делать перелистал газетку. Начали подтягиваться люди Верлиоки, все, как на подбор, крепкие и спокойные ребята. Водки перед налётом не пили, ели мало, говорили ещё меньше.

В полночь на пяти санях отправились в поход. По Бульварному кольцу добрались до Малой Дмитровки, по ней двинули на север. На углу Садовой-Триумфальной и Долгоруковской каратели спешили, оставили двух коноводов и плотной колонной проникли в 4-ю Тверскую-Ямскую. И сразу выяснилось, что их там уже ждут.

Два десятка оборванцев, вооружённых ножами и палками, перегородили улицу. Враждующие стороны встретились лоб в лоб и в первые секунды замерли от неожиданности; слышалось только напряжённое людское дыхание.

— Стёпка! — скомандовал Верлиока своему помощнику. Тот сунул руку запазуху и вытянул свинцовый шар на длинной ременной петле. Закрутил его над головой, гикнул страшным голосом:

— У-у-бью!!

И смело шагнул вперёд. Котяшкинские смешались: вид у Стёпки был устрашающий. Бандит врезался в цепь. Раздался глухой удар, с одного из оборванцев слетела шапка и он без звука повалился на мостовую. Остальные закричали жалобно, и бросились прочь по переулку. Окрылённые головорезы «Шиповской крепости» кинулись их преследовать; Лыков сзади едва поспевал за ними.

Вдруг со стороны Оружейной улицы обозначилось какое-то встречное движение. Побежавшие было туземцы развернулись назад. Послышались радостные крики:

— Федя-Заломай! Федя-Заломай пришёл!

Прямо по мостовой бодрым шагом к людям Верлиоки приближался огромного роста хлопец в чернёном тулупе^[100] и треухе, с простодушным круглым лицом. Он легко, словно прутиком, размахивал над головой самым настоящим бревном, в сажень длиной и вершка в три толщиной, и орал:

— А-а-а! И-ро-ды! Вот я вас!

Шиповцы опешили. Стёпка смешался, сдал было назад, но потом, устыдившись, шагнул вперёд и занёс кистень. Послышался звонкий шлепок. Дергач отлетел на тротуар, словно брошенная ветошь.

— Товарищи, тикаем! — гаркнул во все лёгкие Верлиока и первый показал пример бегства. Остальные громилы мигом развернулись и тоже бросились к саням. Лыков в одиночестве остался стоять посреди улицы, с любопытством наблюдая происходящее. Ещё издали он увидел, что парень изрядно-таки неповоротлив; бревно сыщика совсем не пугало.

Приметив, что один из противников не убежал, Федя-Заломай радостно ойкнул и направился прямо к нему. Встал напротив, шмыгнул носом и медленно-медленно замахнулся своим орудием. За мгновение до удара Лыков прыгнул на него и перехватил орясину за длинный конец. Потянул на себя, но богатырь сопел и не выпускал. Отпустив бревно, Алексей крутнулся на пятке и с разворота крепко засадил парню кулаком точно в челюсть. Тот содрогнулся, снова ойкнул — и опрокинулся назад, высоко вскинув вверх ноги в огромных валенках.

Трое туземцев бросились Федьке на подмогу. Лыков завёлся. Он схватил с земли орясину, взвесил её в руке — и вдруг, присев на одно колено, с треском сломал её об другое. Словно это была хворостина... Сыщик был так возбуждён в тот момент, что на следующий день не обнаружил на ноге даже синяка.

Котяшкинские оборванцы, завидев такое, шустро отбежали за ближайший угол и осторожно оттуда высовывались. Одинокий фонарь светил прямо над местом схватки. Титулярный советник отбросил половинки бревна, оседлал поверженного врага и схватил его за горло:

— Сдавайся, пёс, а не то удушю!

Федя-Заломай поморгал синими детскими глазами и пробормотал, захлёбываясь кровью:

— Не душите, дяденька, я сдаюсь.

Бой закончился. Алексей за воротник поднял пленного, поставил на ноги. Пошарил внизу и протянул ему ком снега:

— На, приложи.

Федя-Заломай послушно приложил. Потом склонил голову на бок и спросил кротко:

— Куда мне теперь?

— Пойдём к Верлиоке, в Поляков трактир.

Сделав шаг, хлопец вдруг остановился:

— А вас как звать?

— Лыков.

— Господин Лыков, а што со мною дальше будет?

— Это как себя поведёшь. Тебе котяшкинские деньги платят? За то, что ты их защищаешь.

— Не. Еды дают и водки, и всего не вдосталь.

— Хочешь пять рублей в месяц получать, с местом и харчами?

Федя недоверчиво смотрел на сыщика и молчал.

— Ну?

— А... делать за это што надоть?

— Всё то, что и раньше. Защищать, когда прикажут. Только уже Верлиоку, «ивана» из «Шиповской крепости».

— И взаправду пять рублёв дадут?

— Да, и место, и харчи.

Богатырь задумался, потом тряхнул круглой головой.

— Тогда надоть присягу принести.

Алексей сначала его не понял, но быстро догадался.

— Правильно. На образе. Чтобы всё было по-честному.

— Вот, по-честному! — обрадовался Федя, и они двинулись к Садовой. По пути подобрали очнувшегося Стёпку, сидевшего на тротуаре с разбитой головой. Лыков умело перевязал ему рану собственным носовым платком. Потом они поймали чухонца на паре резвых «финок» и поехали на Солянку.

По дороге Лыков разговорился с пленником и убедился, что тот действительно прост, «как банный веник». Федя-Заломай обладал огромной силой при разуме ребёнка. Сразу доверившись своему победителю, он стал настойчиво просить его:

— Господин Лыков, оставьте меня при своей персоне! Пожалуйста! Вы вона какой! Могли задушить, будто курёнка, а пожалели. И снегу дали приложить. Я вам любую работу работать стану!

— Тебе, Федя, без руководителя и впрямь нельзя. Запутают тебя злые люди, пропадёшь.

— Мне и мамка такое говорит. Возьмите!

— К себе не могу. Но готов пристроить тебя на хорошее место. Только не подводи меня, служи честно!

— Ей-богу, господин Лыков, всею-то душою! Вот как приму присягу — и не будет вернее меня человека.

Они ввалились в Поляков трактир, ведя раненого Стёпку под руки. Хмурый Верлиока сидел в общей комнате в окружении свиты и торопливо чистил револьвер. Увидев вошедших, он смешался.

— Господин Ногтёв! — торжественно объявил Алексей. — Федя-Заломай готов поступить к вам на службу. За пять рублей жалования в месяц, жильё и пропитание. Согласны ли вы на это?

— Что? — опешил ещё более «иван».

Сыщик подошёл к нему вплотную и прошептал сердито:

— Не мешкай, бери скорее! Он тебе за пятёрку весь Земляной город в повиновение приведёт.

— А... — смекнул Верлиока и встал. — Беру! Мне верные люди нужны.

— Тогда несите икону, Фёдор присягу принимать хочет.

— Какую присягу? — опять удивился бандит.

— Божий образ неси, Фёдор на веки вечные клясться будет.

Громилы кинулись по трактиру в поисках иконы и нигде её не находили. Верлиока спросил о чём-то своего нового вассала, однако тот не ответил. Заломай стоял молча со строгим и важным лицом и ждал, когда принесут образ.

Лыков отвёл «ивана» в сторону и сказал:

— Он словно дитя, совсем ветошный^[101]. Будь к нему справедлив, содержи и направляй — и получишь самого верного слугу.

— Понял. А как всё вышло-то?

— Я его победил.

— Дела... Правильно Сохатый пишет, что ты большой ловкач.

Наконец икону доставили. Верлиока взял её, шиповцы встали в круг. Федя-Заломай выступил вперёд.

— Клянусь перед сиим святым образом служить господину Ногтёву верою и правдою. Аминь!

Он истово наложил на себя три креста, поцеловал икону и поклонился своему новому хозяину в ноги. Тот растрогался и тут же выдал парню в подъёмные пятирублёвую ассигнацию.

Началось застолье. Феде принесли огромную миску каши с мясом, появились водка и закуска. Неофит поимённо знакомился со своими вновь обрётёнными товарищами и стоя пил за их здоровье, совершенно при этом не хмелея. Время от времени он вынимал из кармана «синенькую» и любовно её разглаживал.

Верлиока назначил повторный налёт на Котяшкину деревню на завтрашний вечер. Было ясно, что сопротивления шиповцам там уже никто не окажет. Алексей дождался, когда Федя наестся, и стал расспрашивать его о тех людях, которых он разыскивал.

— Колбасник у нас, — неожиданно заявил парень. — Мишкой Саратовским кличут, да. Здоровяк! Мы с ним на руках мерялись, он меня уронил.

— А офицер разве не при нём?

— Офицера не видал.

— Где Мишка живёт?

— Во 2-й Миюзской улице, в доме Рябова.

— Сведи меня завтра туда.

Уже под утро вся компания приехала на Лубянскую площадь. Верлиока поместил Лыкова на ночёвку в своей комнате, а Феде-Заломая выделил хорошее место на нарах и даже с тюфяком. Дитина был счастлив и мгновенно уснул с блаженной улыбкой на круглом детском лице.

В пять часов вечера следующего дня Алексей вежливо постучал в дверь квартирного хозяина во втором этаже доходного дома Рябова. Ему открыл лысый мужичонка с неприятными бегающими глазами.

— Чево ещё?

— Мишка Самотейкин здесь проживает?

— Не знаю я никакого Мишки.

Хозяин хотел захлопнуть дверь, но Лыков успел просунуть ногу. Федя-Заломай аккуратно обошёл его, шагнул в квартиру, взял мужика подмышки и поднял на уровень своих глаз.

— Ежели господин Лыков спрашивает, то надоть отвечать честно.

— Феденька, это ты! А я в темноте-то не заметил... Тогда конечно. Извиняйте! Пожалуйте, гости дорогие; всё расскажу.

Оказалось, что колбасник съехал с его квартиры сегодня утром, когда Лыков отсыпался в «Шиповской крепости».

— А офицер?

— Офицер Мишку и увёз. Важный, строгий. Приехал ни свет ни заря и увёз.

— Куда?

— А не сказал.

Алексей кивнул своему спутнику. Тот молча поднял огромный кулак и обрушил его мужику на лысину.

— Велели извозчику в Хапиловку ехать, — пробормотал тот сквозь слёзы, не смея даже прикрыть голову руками.

— Как теперь Мишкина фамилия? По фальшивому паспорту.

Квартирный хозяин покосился на Заломая и сказал ноющим голосом:

— Иванов.

— Точно Иванов? Гляди, сучий потрох, если окажется, что Сидоров, я сюда Фёдора вдругорядь пришлю.

— Иванов, ей-Богу, Иванов!

Так титулярный советник и ушёл из Котяшкиной деревни ни с чем. Проспал! Он опоздал перехватить убийц всего на несколько часов.

На вопрос, как вести поиски в Хапиловке, Верлиока ответил коротко:

— Никак.

— Это почему?

— Туда даже Анчутка Беспятый не суётся, со всею своею гвардией. Народ там больно лют!

— Так я не с войной иду, а с простыми расспросами.

— Ну и что? Посмотри на себя. Сапоги на тебе дорогие, пальто с шапкой справные, чамарка новая, часы... Вот они это всё и поснимают!

— Да я с них взамен головы поснимаю!

— Как обступят тебя человек с полста, сам отдашь. Там все чужие — добыча, а московских особо не жалуют.

— Разве ж они не москвичи?

— Хапиловка всегда была ни то, ни сё. Ни город, ни деревня, а бандитская слобода. И никакой власти там отродясь не было, даже от

фартовых — в слободе свои порядки. Каждый сам за себя и все вместе супротив пришлых чужаков.

— А когда чужих нет, то промеж своих дерутся?

— Верно. Только не дерутся, а режутся. Каждую неделю в Хапиловском пруду мертвяка вылавливают. Мужики зимой в нём лёд для ледников добывают, потому пруд у них завсегда открытый, круглый год можно народ топить!

— Как же Мишка Самотейкин с Рупейто там поселились? Они тоже чужаки.

— Полагаю, ни в какую Хапиловку они не поехали, а дали ложный след.

— Всё одно я должен убедиться.

— Если тебе твоя голова не дорога, то сходи, убедись. Только сначала свечку в храме поставь, на полпуда весом... Там душа дешевле гроша!

— Может, мне одеться поплоче, чтобы местная шпанка не позарилась?

— Тогда тебя примут за сыщика и тогда уж точно утопят.

— Почему за сыщика?

— Потому что у тебя наружность человека, который не должен ходить в чём попало. Если одел — значит ряженный. Ряженный — значит недоброе задумал, лучше бы его кончить. Тем более что в Хапиловке это совершенно безнаказанно.

Лыков задумался. Как быть? Ничего путного ему в голову не приходило.

— Ладно, — сказал он твёрдо. — Пойду и разберусь. Я всегда так делаю.

— Ну тогда хоть вытяжные сапоги^[102] перемени на простые. Из-за них одних тебя там зарежут!

— Ещё чего! Я за них двенадцать рублей отдал! Буду теперь перед всякой сволочью снимать?

Верлиока только сокрушённо покачал головой.

Глава 22

Хапиловка

Дрянная речонка Хапиловка образуется слиянием двух ещё более ничтожных речек — Сосёнки и Серебрянки. Длина её всего три версты, а ширина не превышает пяти саженьей. Между Преображенской и Семёновской заставами Хапиловка впадает в Яузу.

Дикая слобода на севере ограничена Черкизовой деревней, на востоке — Измайловой, а на западе — Преображенским валом. С юга подпирают Семёновское кладбище и железная дорога на Нижний Новгород. Сравнительно большое пространство густо заставлено домами самой непритязательной архитектуры. Строение исключительно деревянное и одноэтажное. Местность оживляется длинным, свободным ото льда даже зимой, прудом, через который переброшены в двух местах мостки. Вода в пруду грязная и зловонная: туземцы охотно помещают в него отходы своей жизнедеятельности. На единственный в слободе кургузый храм жители ответили несколькими десятками питейных заведений, и всё низкого пошиба. И словно задались целью обеспечить им достойный оборот... На Малой Семёновской улице, главной здесь, Лыков насчитал 8 кабаков, 2 кухмистерских, 4 портерных, 3 винных погреба и одну овощную лавку с закусочными комнатами. Ему предстояло обойти их все.

Стараясь не привлекать к себе внимания, сыщик подходил к стойке и спрашивал портвейну или рюмку водки. Если буфетчик ему нравился, он интересовался у него, где тут можно поселиться. Если что-то настораживало, он выбирал в зале посетителя поприличнее, подсаживался к нему и задавал тот же вопрос. Своим обходом Лыков преследовал сразу две цели. Во-первых, в такой клоаке мало есть домов, в которых сдаются внаём квартиры. Рупейто-Дубяго бывший офицер и абы где размещаться не захочет; наверняка в расспросах и мелькнёт его возможный адрес. Во-вторых, одновременно Алексей оценивал и сами заведения. В котором из них мазурики станут обедать?

Находить в хапиловских кабаках человека поприличнее оказалось нелёгкой задачей. За столами восседали оборванцы, оказавшие бы честь и самой Хитровке. Более половины из них имели откровенно уголовный вид. Очень быстро титулярный советник определил, что выглядит чересчур нарядно для слободки. Завсегдатаи с синими лицами косились на него и

начинали о чём-то шептаться. Уже на выходе из третьего заведения за ним увязались двое жиганов. Они подошли к Лыкову, но рта раскрыть не успели: тот взял их за бороды и молча потащил обратно в кабак. Вывел на середину зала, несмотря на отчаянные попытки вырваться, и хватил лбами друг о друга. Жиганы повалились, как кегли.

— Смотри у меня, дрянь! — грозно объявил Лыков на всё заведение. — Только кто суньтись!

Предсказания Верлиоки насчёт спайки хапиловских громил не оправдались. Поглядев на расправу, все молча вжали головы в плечи. Получить по мордам за чужую похмель желających не нашлось, и Лыков полдня ходил по слободе безнаказанно. Только в кухмистерской на Соколиной улице ему пришлось задвинуть в ухо какому-то наглецу, развязно потребовавшему полтину «на развод».

Приближалось время обеда, и Алексей стал подыскивать заведение почище. Его внимание привлёк единственный в слободе трактир под модным названием «Шари-вари». Он находился на улице Бужениновской, что тоже разжигало аппетит. Сыщик взялся уже за ручку двери, но открыть её не успел — та распахнулась от толчка изнутри. Двое выходящих мужчин нос к носу столкнулись с Лыковым. Он глянул на них и обомлел: перед ним стояли известные нижегородские налётчики Иван Беседин и Евгений Зарин.

Эта парочка нашумела в родном городе Алексея в 1880 году. Двое решительных людей объединились, чтобы грабить приехавших на ярмарку купцов. Действовали они дерзко, но никогда не допускали при налётах крови. Вынимали ножи, делали страшные лица, отнимали деньги — и уходили. Когда однажды польский меховщик оказал им сопротивление, ему основательно настучали кулаками по голове, но клинок под ребро загонять не стали.

После четвёртого нападения рассерженный Благово приказал Лыкову «прекратить робингулов». Агентурные данные, действительно, описывали дергачей как незаурядных персонажей. Беседин имел кличку Грамотей, потому, как любил читать книги и даже выписывал их по почте из Петербурга. Зарин в преступном мире Нижнего прозывался Аллилуйя, поскольку происходил из духовного звания. Ребята были не простые: любили выпить и закусить, ущипнуть за задницу арфисток, но могли и обсудить политику Бисмарка на Балканах. Расследование выяснило, что часть добычи налётчики отдавали беднякам с Миллионной улицы. Потом Лыков узнал, что Грамотей и Аллилуйя под вымышленными именами пожертвовали крупную сумму детскому приюту графини Паниной. После

этого ему совсем расхотелось их ловить... Однако Павел Афанасьевич сантиментам не поддался и прикрикнул на своего помощника: изъять и доставить!

Алексей вычислил укрытие налётчиков на Рождественской улице и под утро вломился в их комнату во втором этаже дома Обрядчикова. Но ловкие ребята вовремя услышали шум и успели скрыться на чердаке, откуда выбрались и на крышу. Когда Лыков последовал за ними, оказалось, что пути отхода дергачей были приготовлены заранее. Прямо на глазах сыщика они перебрались по доске на крышу соседнего дома, после чего сбросили доску вниз. Грамотей встал у самого края, соорудил рожу и показал титулярному советнику сочный кукиш:

— Что, Лыков, съел? А может, ты летать умеешь? Тогда давай к нам!

Лыков хмыкнул — и вытянул из-за спины револьвер. Налётчики сразу сникли. Расстояние между противниками не превышало трёх саженей. Алексей, который в тире с сорока шагов все шесть пуль барабана сажал не дальше первого круга офицерской мишени^[103], не мог промахнуться.

— А ну сдавайтесь, дурни!

Дергачи переглянулись. Алексей взвёл курок и прицелился Беседину прямо в лоб.

— Если двинешься — застрелю. Стой, где стоишь, и жди полицию.

Беседин повёл плечами:

— А стреляй, если не совестно бить безоружного.

И, повернувшись к сыщику спиной, не спеша стал уходить. Напряжённо, и вобрав голову в плечи, но удаляясь всё дальше и дальше... Зарин же сжал кулаки и смотрел на Лыкова в упор. Алексей помедлил несколько секунд, но не выдержал этого взгляда и убрал револьвер. Аллилуйя молча удовлетворённо кивнул и бегом отправился вслед за товарищем.

После этого случая налёты лихой парочки прекратились, а потом агентура донесла, что Грамотей с Аллилуйей отправились в Москву. И вот теперь они попались Лыкову в Хапиловке!

Первым опомнился Беседин:

— Ха! Кого я вижу! Сколь радостная встреча!

Зарин подчёркнуто любезно приподнял фуражку:

— Господин Лыков! Не ожидали. За кем теперь гонитесь?

— Да я, собственно, так, без дела... Пообедать захотел. Я могу и в другой раз зайти!

Но налётчики дружно ухватили его под локти:

— Что вы, что вы! Желудок надо беречь. И потом, жителям

Хапиловской слободы будет приятно узнать, что их посетил агент сыскной полиции.

Лыков с трудом изобразил на лице улыбку:

— А может, им не обязательно это знать? Растревожатся из-за таких-то пустяков...

— Ещё как растревожатся, — не унимался Грамотей. — Они страсть как любят топить вашего брата вон в том пруду.

— И вы готовы меня им выдать? — уже серьёзно спросил Алексей. — После того, как я не расстрелял вас на той крыше, будто куропаток.

Беседин смутился.

— А у меня есть мысль получше, — заявил Аллилуйя. — Давно мечтал отобедать на казённый счёт.

— Это в тюрьме, что ли? — опешил титулярный советник.

— Избави Боже! Ну вот, к примеру, в трактире «Шари-вари». Вам ведь выдают суточные, прогонные?

— А! — сообразил Лыков. — Желаете угоститься за счёт государя императора?

— Баш на баш. Вы нас кормите и поите. От пуза. А мы не выдаём местным ребятам вашей маленькой тайны. Всё по-честному!

— Ну пошли, — грустно вздохнул сыщик и толкнул дверь.

Стервецы порезвились на славу! Они слопали для начала по порции стерляжьей ухи, потом уплели последовательно почки в мадере, фунт сальяна, рыбный майонез^[104], холодную осетрину с хреном, ботвинью с тёртым белужьим балыком, расстегаи с налимьими печёнками, телячьи котлеты и жареные бараньи мозги на ржаном хлебе. Запили всё бутылкой дорогого сотерна, невесть как оказавшейся в этой дыре. Обед пробил солидную брешь в бюджете титулярного советника, так что сам он из экономии почти ничего не ел. Первое время Лыков сидел, как на иголках и с трудом поддерживал разговор. Дергачи же, наоборот, веселились от души: ситуация им определённо нравилась. Наконец сыщик успокоился. Выдавать его уголовной толпе земляки явно не собирались, просто они так развлекались.... Тогда он попытался извлечь пользу из встречи и спросил их про Рупейто-Дубяго. Однако Зарин сразу же осадил Алексея:

— Ты из нас доносчиков не делай! Что угощаемся за твой счёт — так это просто шутка. Тонкая. Всё останется по-прежнему: ты ловишь, а мы убегаем.

— Человек, которого я ищу, уж больно поган, — пробовал объясниться сыщик. — На нём уже четыре убийства. Надо его пресечь, а то так и будет ходить по крови. Нешто вам это безразлично?

— Каждый в своё время ответит за свои поступки перед Всевышним. И ты в том числе, и я, и Иван. Но мы дергачи, а не капорники^[105]. Выпить я с тобой выпью, а осведомлять — никогда.

В конце концов Лыков набрался. Он с утра ходил по кабакам и пил где водку, где портвейн — и всё без закуски. Теперь, в хорошо натопленном зале «Шари-вари», после сытного обеда с напитками его разморило. Он сидел, блаженно улыбался, смеялся шуткам собутыльников и пытался шутить сам. Шляться по зловонным кухмистерским в поисках убийц ему больше не хотелось.

Вдруг мимо их стола в ретирадное прошёл какой-то человек. Машинально, по многолетней профессиональной привычке Алексей смерил его взглядом. Высокий, грузный, рыжий, с прямой спиной. Лицо жёсткое, на правой щеке родимое пятно размером с полкопейки. Чёрт! Неужели? Он осторожно скосил глаза в угол, из которого появился рыжий. И обнаружил сидящего за накрытым столом угрюмого парня могучего сложения, с длинными волосатыми руками и низким, как у оранг-утанга, лбом.

Надо же было так расслабиться! Рупейто-Дубяго с Мишкой заявили в трактир посреди их беседы, сели за соседний стол, сделали заказ, почти отобедали — а он только сейчас их заметил. Хорош сыщик! Весь хмель мгновенно слетел с Лыкова; он почувствовал себя совершенно трезвым, собранным и готовым к схватке.

— Что случилось? — удивился произошедшей с ним перемене Беседин.

— Ну, пора, ребята, вам и честь знать. Спасибо за компанию. Идите, а я рассчитаюсь. Кое с кем...

— Я сигару ещё хочу выкурить, — закапризничал Зарин. — Покуда не выкурю — не уйду.

Алексей наклонился к собутыльникам и сказал им, понизив голос:

— Валите оба от греха подальше! Живо! Здесь тот, кого я ищу; сейчас станет горячо.

Дергачи изменились в лице. Не заставляя себя уговаривать, они дружно встали и взялись за фуражки.

— Да, нам и впрямь уже пора. Засиделись. Спасибо за угощение, господин Лыков, как-нибудь свидимся.

Услышав произнесённую фамилию, Мишка Самотейкин одним прыжком вскочил на ноги. Аллилужа ойкнул и виновато приложил ладонь к губам.

— К выходу! — скомандовал Алексей, а сам развернулся и пошёл на

колбасника. Тот окрысился и двинулся ему навстречу. «Мощный и уверенный; видать, не били ещё никогда», успел подумать Лыков, и схватка началась.

С самого начала сыщик занял такую позицию, чтобы видеть все двери и не дать Рупейто подкрасться сзади. Для этого он развернул колбасника спиной к стойке. Противники сошлись и обрушили друг на друга град ударов. Очень быстро Алексей понял, что Мишка не уступает ему в силе, но более медлителен. Его огромные кулаки летели, как пушечные ядра. Если Лыков не успевал увернуться и принимал удар на защиту, всё его тело содрогалось от страшного потрясения. Предплечья, казалось, вот-вот сломаются. Его ответные выпады все достигали цели, не нанося при этом противнику видимых повреждений. Но вот наконец Алексей мощным прямым так достал Самотейкина, что голова у того откинулась назад на поларшина; на секунду Мишка застыл. Левым боковым сыщик чуть подправил мишень, и повторным прямым правой задвинул колбаснику аккурат в подбородок. В этот удар он вложил всю силу. Бандит затрясся, словно в припадке эпилепсии, и на подгибающихся ногах сделал несколько неверных шагов к стулу. Тут вдруг из-за его спины выбежал Рупейто-Дубяго. Он схватил со стола новую портфель из тиснёной свиной кожи и бросился с ней к выходу. Лыков в два прыжка нагнал его, взял за ворот и развернул к себе лицом.

— Попался, кирасир хренов!

Серые на выкате глаза Дубяги смотрели на сыщика с волчьей ненавистью. Он хотел что-то ответить, но булькнул горлом и смог издать только злобный хрип. Лыков отобрал уже было портфель, но тут сзади кто-то положил ему руку на плечо. Он обернулся — перед ним, как ни в чём не бывало, стоял колбасник и ухмылялся.

В последнюю секунду сыщик успел чуть отшатнуть корпус. Видимо, это его и спасло. Мишка отвесил Алексею такую затрещину, что искры полетели из глаз. Он опрокинулся на стол, с грохотом разнёс его в щепки и потерял сознание...

Уже через несколько мгновений Лыков очнулся и с трудом поднялся на ноги. Его шатало, голова раскалывалась... В трактире было пусто. Сыщик выбежал на улицу. У дверей стояла коляска на летнем ходу, и Рупейто орал из неё извозчику:

— Пошёл!!

Не мешкая, Алексей схватился за колесо и упёрся, что было сил, словно врос в землю. Извозчик хлестал лошадь, но та не могла тронуться с места. Вдруг Рупейто обернулся и навёл револьвер. Лыков мгновенно

отпустил колесо и рыбкой бросился за коляску. Первая пуля чиркнула его по волосам, вторая пробила пальто и больно скользнула по рёбрам. Сыщик выхватил свой «бульдог» — и опустил его: рука от напряжения тряслась, он рисковал угодить в извозчика. Коляска умчалась в сторону Семёновской заставы и быстро скрылась из виду.

Корчась от боли, Лыков поднялся. Спрятал оружие, сунул руку под рубаху и увидел на пальцах кровь. К нему подбежали Зарин с Бесединым.

— Ну и дела! Тебе помочь?

— Вызовите извозчика, а я пока перевяжусь.

Лыков вернулся в трактир, разделся до пояса. Пуля Рупейто-Дубяго сделала ему глубокую ссадину на боку, из которой обильной струёй вытекала кровь. Приложив железной ваты^[106] и туго замотав рану бинтом (этот набор он всегда носил с собой), сыщик понемногу пришёл в себя. Болела челюсть от полученного страшного удара, ныл бок, но в целом он был в порядке. Обидно только, что упустил мерзавцев! Где их теперь искать?

Осторожно покашливая, к нему подошёл буфетчик:

— Господин хороший, с вас бы, помимо счёта, за поломанную мебель ещё получить... Посуду, опять, побили...

— Сколько?

— Восемь рублёв. И по счёту тридцать один.

Лыков вздохнул и полез за бумажником. С улицы просунулась голова Аллилуйи:

— Извозчик подъехал.

Титулярный советник, охая и держась за побитые места, уселся в возок. Дергачи сочувственно смотрели на земляка. Грамотей осторожно похлопал его по плечу:

— Слышь? Сменял бы ты эту службу. Жизнь дороже.

— Ништо. Вы тоже держите ухо востро. Попадётесь мне — припомню наш обед!

Все трое рассмеялись, и Алексей уехал в Москву. Через час он вошёл в оперативную квартиру на Самотёке и велел дежурившему там агенту вызвать Эффенбаха.

Когда начальник сыскной полиции прибыл, он застал своего друга в весьма потрёпанном виде. Бок снова кровоточил, на скуле багровел огромный синяк.

— Эх, Лёха! Кто это тебя так?

— Да понимаешь, в Хапиловку скатался.

— Голову сняли, а шапку вынес! Тамошние мазурики расстарались?

— Нет. Мишка Самотейкин кулаком угостил, а Рупейто пулей.

— Так ты их нашёл?!

— Нашёл — и упустил. Не ожидал. Этот чёртов колбасник и впрямь здоров, что бык. После такого удара, какой он получил, все предыдущие теряли способность к сопротивлению. Надолго, а то и навсегда. А Мишка встал через пять секунд! Невозможно же, а он сумел! Не ожидал...

— Что же теперь намерен делать? Они ещё глубже теперь занырнут, на самое дно.

— Я тебя для этого и вызвал. Ты — главный московский сыщик. Вот и скажи мне, где тут у вас «самое дно». Учти, что Хитровку, Сретенку, Котяшкину деревню и вот теперь ещё и Хапиловку я уже прошерстил. Куда бы ты залез, если бы знал, что Лыков идёт по твоему следу?

Эффенбах думал недолго:

— Я бы ушёл в каменоломни.

— В какие?

— У нас в пригородах две катакомбы, и обе освоены преступным элементом. Первые в Дорогомилово, вторые в Даниловке. В первые попасть легче. За ведро водки тебя там пропишут и обеспечат охраной.

— Это как?

— По нашим данным, там скрывается до полусотни человек. Обычный набор: грабители, беглые, дезертиры и те, кто в розыске. Еще столько же обитает поблизости, в казармах, что на берегу реки; я тебе о них рассказывал. Естественно, у них там есть служба оповещения. В случае появления чужака его проверяют: кто таков, зачем пришёл. В 81-м у меня там агента зарезали... А если нагрянет облава, обитателей казарм предупредят загодя и они тоже прячутся под землю. Там их отыскать невозможно. Более трёхсот выходов наружу! Разве их все перекроешь?

— Понятно. А почему за ведро водки?

— Под землёй лучший товар! Катакомбы Дорогомилово и их население — это, так сказать, второй сорт. За водку всё решишь.

— А Даниловка, выходит, первый сорт?

— Да. Там ведром вина не откупишься. Подземных жителей не более тридцати, но зато отборные. В Москве страшнее места нет. Трудно туда попасть, но ещё труднее оттуда выйти. Не ходил бы ты к ним, Лёш, а?

— Давай действительно начнём с Дорогомилово. Вдруг и не придётся лезть в Даниловские пещеры? Отлежусь денёк — и схожу в казармы. Там мой синяк никого не поразит.

— Есть один момент. А что, если Рупейто с Мишкой объявят уголовным, что их преследует сыщик Лыков, да ещё и опишут наружность?

Теперь они знают тебя в лицо. Ты приходишь с расспросами в «пчельник», а там уже извещены.

— Имеется такая опасность. Но кое-что можно предъявить и в ответ. За три дня, что мы с тобой не виделись, я завоевал определённый авторитет у Верлиоки. И не «рапортом» из Питера, а кулаками и головой. Его слова против приезжего столичного мазурика — что перевесит?

— Перевесят слова Рупейто-Дубяго. Зачем ему лгать, что ты сыщик? А твою легенду про «красноярки» он легко разобьёт.

— Опасна только очная встреча с Дубяго в окружении бандитов. И то не сразу зарежут, а вызовут сначала Верлиоку для расследования. В этой среде, Толь, просто так не убивают. Зачем им лишний труп? Следствие начнётся, кто-то может проболтаться... Сначала дорогомилдовские дергачи всё проверят. Это не очень страшно: или отоврусь, или отобьюсь. Я же надеюсь встретиться с этой парочкой где-нибудь в пещерке, без свидетелей. Тогда и посчитаемся!

— Ты сказал: Мишка вскочил на ноги, как только услышал твою фамилию. Значит, всё-таки измена?

— Измена. Кто-то предупредил их, что я приду к Маньке-Контузии. И кто-то назвал им мою фамилию. Что ж, сохраняю прежний принцип: больше самостоятельности, меньше отчётов в родной департамент.

— Кстати, Благово прислал телеграмму. И как раз требует в ней отчёта.

— Павлу Афанасьевичу я, конечно, доложусь. Но своим личным шифром, который знает только он. И сообщу о наших подозрениях насчёт измены. Вышлешь курьера ночным поездом, и пусть вручит мой рапорт Благово лично в руки! Больше чтоб никому.

— Сделаю. Но завтра ты в Дорогомилдово ещё не пойдёшь?

— Нет. Кулак у Мишки уж больно тяжёл. В жизни я такой оплеухи не получал! Требуется денёк отлежаться.

— Я распоряжусь, тебе сюда доставят доктора.

— Ещё еды и полдюжины пива. И денег рублей сто, а то земляки-налётчики меня объели на хорошую сумму. Но зато не выдали!

— Выписывать через канцелярию обер-полицмейстера получится долго. Там люди не понимают, что такое оперативная работа; им всё кажется, что мы тут ворует... Я выдам тебе из сумм на агентуру и, извини, попрошу расписку.

— Конечно! И не в чем тебе извиняться.

— Всё! Отдыхай, пиши свой отчёт. Через час явятся доктор, а завтра поутру — курьер. И льду приложи, а то рожа у тебя — не приведи,

Господи...

Глава 23

В Дорогомилвских казармах

Там, где Москва-река делает петлю, вторгаясь в Пресню, на другом её берегу располагаются четыре двухэтажные кирпичные казармы. Здания угрюмого вида, оставшиеся от закрытой каменоломни, не благоустроены и грязны. В одной казарме проживают рабочие Трёхгорного пивоваренного завода, в другой — цементного. Хотя они и пьют по-страшному, но работают честно и все имеют паспорта. А вот две других казармы заселила «золотая рота», составившаяся из отборных головорезов.

Золоторотцы имеют два сословия: надземное и подземное. До поры до времени они живут в казарме, днюют в здешнем «пчельнике», а ночью выходят на промысел. Их кормят переправа через Москва-реку и дорога на Можайск. Когда-то именно здесь войска Наполеона перешли реку вброд и вступили в город. В 1868 году на этом месте выстроили капитальный мост и назвали его Бородинским. Движение к Первопрестольной по нему значительное, и налётчиками есть из чего выбирать. Одиночные путники, экипажи и даже небольшие обозы становятся добычей золоторотцев. Под утро на подступах, а то и под мостом находят тела убитых и ограбленных людей. Многие же исчезают бесследно, и молва утверждает, что они хоронятся в здешних пещерах.

Когда терпение пристава истощается и он проводит в Дорогомиловке повальный обыск, попавшие под подозрение мазурики спускаются вниз. Они переходят в подземное состояние и надолго поселяются в здешних старинных каменоломнях. Жизнь их от этого мало меняется. Вместо сырой казармы появляется такая же пещера, и днём в кабаке приходится опасаться внезапной облавы. Всё остальное по-прежнему: водка, карты и по ночам кровь. Говорят, что из стоящих на берегу казарм прорыты в толщу горы длинные ходы, по которым легальные золоторотцы сообщаются со своими подземными братьями. Это вряд ли — расстояние между ними более версты, но легенда существует и ей многие верят.

Летом владения громил значительно расширяются за счёт толп беспаспортного люда, поселяющегося за Дорогомиловской заставой. Кладбище и Красный луг уставляются шалашами. Несколько тысяч ищущих место крестьян, бродяг, «спиридонов-поворотов», воров и спившихся ремесленников поселяются вблизи казарм. Громилы выбирают

из них тех, кто посмышлёнее, и ставят в работу. Человек получает фальшивый вид и устраивается дворником или истопником в купеческое семейство. Месяц-два ведёт себя исправно, заслуживает доверие хозяев. А потом однажды ночью отворяет дверь налётчикам...

Дорогомиловские дергачи оперируют и на Можайской дороге, добираясь до Одинцово и Подлипок. Местом же сбыта добычи служит рынок при Смоленской площади — до него, спасибо Бородинскому мосту, рукой подать. Зимой, когда движение на дорогах уменьшается, налётчики приходят в Москву. Пресня, Хамовники, Арбат и Пречистенка становятся по ночам опасны для прогулок. Сама Дорогомиловка несколько стихает и делается малолюдна. Днём из горы здесь и там вырываются клубы дыма: это подземные жители жгут костры, греясь в своих убежищах. Обыватели, завидя это, крестятся и ускоряют шаг...

Лыков появился в слободе к одиннадцати часам, когда открылись оба здешних кабака. Синяк на его скуле сделался багровым и придавал сыщику драчливый вид. Бок и голова совершенно зажили; титулярный советник готов был продолжать поиски.

Войдя в заведение Дуркина, Алексей сразу привлёк к себе внимание аборигенов. Взял в розлив полбутылку, сел за пустой стол. Все вокруг дружно прекратили разговоры и смотрели на него неприязненно. Не успел Лыков отхлебнуть из стакана, как напротив него без приглашения уселся рослый малый в щегольской, но неопрятной сибирке.

— Ты кто?

— Сыщик. Али не видишь?

Собеседник озадаченно замолчал. Подошёл ещё один золоторотец. Поплевал на палец, наклонился и поскрёб Лыкову синяк на скуле — не нарисован ли.

— Это кто тебя так?

— Его я и ищу. Мишка Самотейкин есть здесь?

Ещё два золоторотца подсели так же без приглашения. Теперь Алексей был со всех сторон окружён угрюмого вида ребятами, смотревшими на него с враждебным интересом.

— Нету тут такого, — ответил за всех фартовый в сибирке.

— Его ещё называют Мишка Саратовский. Колбасник. Здоровый такой... Ходит при отставном офицере. Фамилия офицерики — Рупейто-Дубяго. Ну?

— Не нукай, не запряг. На кой ляд они тебе?

— Взяли у меня для сбыта «красноярок» на значительную сумму, а

теперь бегают, сволочь. Второго дня в Хапиловке совсем их было поймал, да утекли. А я такие шутки не принимаю.

— Сам-от кто?

Лыков молча протянул собеседнику тряпицу. Тот развернул и стал внимательно изучать паспорт и наградные бумаги на Георгиевский крест и Аннинскую медаль.

— Хгм... Кавалер, значит...

Остальные трое дергачей по-прежнему не спускали с Лыкова глаз, но что-то в их поведении изменилось.

— Так. Кто могёт удостоверить твою самоличность?

— Сам я питерский, там меня многие знают. А у вас — Верлиока и Тоська-Шарап, кулачный чемпион.

Грабители переглянулись.

— Верлиока деловик серьёзный, — сказал худощавый испитой бородач. — «Иваном» сделан. Вчерась Котяшкину деревню к рукам прибрал.

— Я ему в том помогал. Там был такой Федя-Заломай...

— Есть такой! — обрадовался третий золоторотец, с рваным ухом и без двух зубов. — Дюжий вьюнош!

— Я этого юношу мордой об снег повозил и к Верлиоке доставил, как пленного. А там уж они договорились.

— Тоська-Шарап первый на Москве кулачный боец, — убеждённо сказал парень в новом казакине. — Я его в Ключиках смотрел. Ты тоже, что ли, кулачник?

— А ты зайди в «Каторгу», спроси там у Марка Афанасьева, как Лыков вашего первого бойца в бараний рог гнул.

Дергачи замолчали, призадумались. Потом первый громила вернул Лыкову бумаги и заявил:

— Слушай сюда. Я здешний «маз», зовут Ванька-Пан. Мы тебя проверим; ежели всё правда, то можешь в Дорогомилове остаться. Сколько платишь за отыскание этих двоих?

— Ведро вина и тридцать рублей денег. Но чтоб досконально! И слободу, и каменоломни.

— Уговорились. Тетей!

Испитой бородач сразу поднялся.

— Сходи, прогуляйся. В «Шиповскую крепость» и в «Каторгу». Одна нога здесь, другая там!

Дергач бросился исполнять поручение.

— Теперь ты. Раньше трёх часов Тетей не обернётся. Сиди покуда

здесь, на улицу не ходи.

— Пожрать хоть принесут?

— Тут кабак, а не кухмистерская. Буфетчик пошлёт в лавку за колбасой и яйцами, достанет с тебя.

И ушёл со своими людьми, а Лыков остался в заведении как бы под арестом. Явно за ним никто не присматривал, но он постоянно был на виду. Титулярный советник относился к этому спокойно. Он направил какого-то оборванца за колбасой, смело дав незнакомому человеку целую трёшницу. Тот исправно выполнил поручение и заработал гривенник, который тут же с радостью пропил. Алексей перекусил всухомятку, запил чаем «с позолотой», раскрыл газетку и принялся безмятежно её читать.

В половине третьего в кабаке появился Ванька-Пан, а через час — его посланец Тетей. Он что-то долго докладывал «мазу», иногда делая при этом энергический жест кулаком. Главарь внимательно выслушал, кивком головы отослал курьера и махнул Лыкову рукой. Тот не спеша подошёл, сел.

— Давай деньги.

Алексей выложил тридцать рублей и отдельно «синенькую» на водку.

«Маз» подозвал четверых дергачей.

— Нарисуй им своих должников.

Лыков в очередной раз тщательно описал наружность Рупейто-Дубяго и Самотейкина.

— Передайте от моего имени всем домовладельцам и на постоянные дворы: ежели таковые имеются — немедля сообщить! А ты, Кувалда, дуй в подземелье.

Дергачи разошлись. Ванька-Пан бросил буфетчику пятёрку:

— Напой ребят, да на четверых отложи.

Шайка довольно загудела, налётчики начали рассаживаться за столами.

— Вы гуляйте, а мы с Лыковым отлучимся ненадолго. Пошли!

Алексей не стал задавать лишних вопросов. Если что-то насторожило «маза» и он решил зарезать опасного человека на улице, то всё равно в кабаке не отсидишься. На всякий случай сыщик приготовился к схватке, но на выходе их никто не поджидал. Пан провёл Алексея по берегу вверх до еврейского кладбища. За ним, в полугоре, стоял двухэтажный кирпичный дом, окружённый высоким забором. «Маз» стукнул в ворота. Их молча впустил бородатый верзила. Запер ворота на дубовый засов и повёл гостей внутрь.

Втроём они вошли в роскошно обставленную залу. Там, в резном

кресле из карельской берёзы, развалился рыхлый мужчина лет пятидесяти пяти, в атласной жилетке и с тремя перстнями на пухлых пальцах. Позади него, сложив могучие руки на груди, застыл гигант с торжественно-глупым лицом.

Хозяин кабинета несколько секунд молча рассматривал Лыкова, потом, не приглашая сесть, заговорил неприятным трескучим голосом:

— Мы здесь проживаем своим умом и чужих не любим. Поэтому Анчутка Беспятый, и уж тем более какой-то там Верлиока для нас — тьфу! Понял?

Алексей молча кивнул.

— Я Гурий Осмачкин, хозяин Дорогомилово. Без моего согласия тут комар не чихнёт.

Алексей вторично кивнул.

— Предлагаю тебе, Лыков, сослужить одну службу. Ванька сказал, ты георгиевский кавалер. Так?

— Так.

— И медали имеются?

— Аннинская и за турецкую войну.

— Очень хорошо! Тут вот какое дело. На Божедомке есть один старый генерал. Давно в отставке и проживает одиноко, лишь с денщиком и кухаркой. Богатый! Сейчас генерал подыскивает своему денщику замену — тому надо на полгода отлучиться в деревню. Примет он на службу только отставного солдата — георгиевского кавалера. Старик доверяет лишь им... Ты пойдёшь туда, устроишься на место. Когда у нас об этом годе Пасха?

— 17 апреля, — почтительно доложил Ванька-Пан.

— А 17 апреля, как генерал с кухаркою вернуться со Всенощной, выждешь малость и отворишь ворота и дверь с чёрного хода. Дальше тебя не касается. Получишь за работу пятьсот рублей и новый «глаз»^[107]. Ну, согласен?

— А правильно старик кавалерам доверяет!

— Это что значит?

— Это значит, пошёл к чёрту. Я здесь за услугой, которую уже оплатил. Пусть твои люди сделают, что оговорено, и я дальше пойду. А стариков душить — это не ко мне.

Осмачкин посмотрел на Лыкова с насмешливым удивлением.

— Куда же ты теперь пойдёшь, после такого разговора? А вдруг в полицию заявишь? Нет, дурак, ты теперь мой.

— Мелковат ты, Гурий, чтобы Алексей Лыков твоим был. Я хожу, где хочу, и делаю, что хочу. А ежели мне кто в этом перечит, я тому башку

набок сворачиваю.

На лице Осмачкина появилось брезгливое выражение. Он вяло хлопнул в ладоши и скомандовал:

— Ослябя!

Гигант за его спиной крикнул, обошёл стол и двинулся на Алексея. Одновременно дворник и Ванька-Пан схватили сыщика за руки. Но он давно уже был готов к этому и не мешкал. Легко вырвавшись, сыщик взял обоих за грудки и поставил перед собой. Ослябя налетел на сообщников и запнулся. Тогда Лыков оторвал Ваньку от пола и наотмашь, словно каким предметом, ударил им гиганта в лицо, головой в голову. Тот отшатнулся. Бросив Пана, Алексей проделал тот же приём с дворником, но пробил ещё сильнее. Теперь двое противников, оглушённые, лежали на полу, а Ослябя, вытаращив от удивления глаза, качался посреди комнаты, готовый тоже упасть.

— Вот тебе раз, другой бабушка даст!

Лыков с размаху задвинул ему в переносицу так, что детина улетел в угол и врезался в комод. Треск, звон стекла, стоны... Осмачкин полез было в ящик бюро, но Алексей перегнулся через стол, схватил его за горло и как котёнка вытащил к себе. Поставил посреди кабинета, не разжимая хватки, и внимательно посмотрел в перепуганные глаза «хозяина Дорогомилово».

— Пусти... — прохрипел Гурий, быстро покрываясь красными пятнами.

— Ась? Не пойму, о чём ты? — издевательски ответил Лыков и ещё чуть-чуть свёл пальцы.

— Пу... пу... сти... Всё... возь... ми...

— Да я и так возьму, что хочу, без твоего разрешения, дурак. Сейчас вот людишек твоих добыю. Потом тебя в тонкий лист раскатаю. Говоришь, тут без тебя комар не чихнёт? И я теперь твой?

Сыщик ещё немного нажал, и Осмачкин захрипел, закатил глаза, ноги у него подкосились. Разжав хват, Лыков закатил ему крепкую оплеуху. Поймал на лету, встряхнул, поставил на ноги.

— Ну, понял теперь, кто ты есть, мокрица?

Гурий, не открывая глаз, молча согласно затряс головой.

— Уже лучше. Скажи мне, что ты ещё понял?

— Что ты... вы ходите, где хотите, и делаете, что хотите.

— Ты правильно понял, — милостиво констатировал Лыков. — Живи покуда, только не забывай урок. Иван! За мной на выход.

Ванька-Пан и сторож с трудом поднялись с пола. Лица у обоих были сконфуженные, из разбитых носов текла кровь. Ослябя продолжал лежать в

буфете, не подавая признаков жизни.

Сыщик вышел, не прощаясь. На улице его догнал «маз». Пройдя несколько шагов молча, Лыков вдруг развернулся, схватил его за ворот:

— Ты чего на меня кинулся?

— Приказали... — прохрипел Пан, не пытаясь вырваться.

— Лешая голова! Ты же навёл обо мне справку. Неужели не понял, что трёх человек на меня не достаточно?

— Я не поверил...

— А теперь веришь?

— Конечно...

Лыков отпустил «маза» и продолжил путь. Тот торопливо бежал следом, как собачонка, и виновато молчал.

— Ты хоть понимаешь, что теперь с тобой будет? — прервал паузу Алексей. — Этот Гурий — просто дешёвка. Но с самомнением. Он никогда тебе не простит, что ты наблюдал, как ему морду чистили. Сдоньжит, под тюрьму подведёт, но избавится от свидетеля унижения. Соображаешь?

— Не сможет! Он без меня, как без рук, — уверенно заявил дергач. — В Дорогомилово все знают Ваньку-Пана, и все его боятся. Фартовые меня слушают! Куды Гурий без моих ребят? Вся его сила — в нас.

— Пустые слова говоришь. Я таких, как Осмачкин, хорошо знаю. Они делают исподтишка. Гурий сначала всё обдумает, потом подсунет тебе, навроде, как помощника. На самом же деле сменщика. А несколько месяцев спустя попадёшься с бутором ^[108] к сыскным. И даже не поймёшь, что это Гурий тебя сдал.

Ванька шёл и молчал, потом спросил тоскливо:

— Что же мне делать?

— Хочешь, я с Верлиокой поговорю? Перейдёшь под его руку. Он много приличнее твоего Осмачкина. Останешься дорогомиловским «мазом», а Гурия — на помойку.

— Здешние не примут. Мы ребят Верлиоки недавно потопили — а теперь я под его руку перебегу! В глаза сказать побоятся, а нож в спину при случае сунут.

— Ну, как хочешь. Но я тебя предупредил!

За разговорами пришли в кабак и просидели в нём до полуночи. Один за другим вернулись из разведки все четыре дергача. Доклады их были одинаковы: Рупейто-Дубяго и Мишки Самотейкина в Дорогомилово нет.

— Ладно, Иван. Пойду искать дальше. Если услышишь что — не сочти за труд передать через Верлиоку.

— Куда ты сейчас пойдёшь? Поздно уже. Переночуй у нас!

— А ты уверен, что меня спящего не зарежут? После такого разговора с Гурием...

Ванька-Пан смутился.

— Дать провожатого? А то у нас пошаливают.

Лыков усмехнулся:

— Им же хуже будет. А то пройдемся вместе, покажешь мне дом, в котором Наполеон останавливался. Давно хочу на него посмотреть.

— Это вон там, на горе. Но темно сейчас, ни черта не увидишь.

— Ну, тогда бывай. Помни наш разговор. Уходить тебе надо от Осмачкина, пока не поздно...

Глава 24

Поиски продолжаются

Алексей пришёл в Шиповский дом под утро. Верлиоки в комнате не было, и он завалился спать на его постель.

Через пару часов сыщик проснулся от энергического потряхивания за плечо. Открыл глаза — над ним стоял комендант и с усмешкой его разглядывал.

— А? Что? — спросил Алексей спросоня.

— Да на фонарь твой люблюсь. Кто это тебя так?

— Хапиловские.

— Вот! — Верлиока нравоучительно поднял палец. — Думалось попить да попеть, ан плясать заставили! А ведь я говорил...

— Ну, там по-ихнему-то всё ж не получилось... Прахоря^[109] на мне и часы с цепочкой тоже. Однако ребят своих я не нашёл. А нынче ночью заходил в Дорогомилово, там всё прошерстил, и с тем же успехом.

— Ты был у Гурия Осмачкина?

— Да. Набил ему, дураку, морду. А также его телохранителю Ослябе с парой других глотов. И медведь костоправ, да самоучка...

— Вот это славно! — «иван» даже сел на стул и хлопнул себя по ляжкам. — Жалко, я не видал! Они нас о прошлом годе... тово...

— Слышал. В казармах этим весьма гордятся. Говорят, что утопили чужаков в Москва-реке.

— Верно говорят: двое моих насмерть утонули. Мы с тех пор туда и не суёмся. Слышь, Алексей! Поступай к нам на службу! Можно будет тогда всю Москву привести к повиновению. Ты вот человек чужой, приезжий. И ходишь бесстрашно один по тем местам, в которых я и с охраною боюсь показываться. Удивительно!

— Нет тут ничего удивительного. По мне сразу видно: человек зашёл ненадолго, по делу. Узнает, что ему требуется, и уйдёт, больше вы его и не увидите. Я туземцам не враг, потому и кончается всё благополучно. Ну, дали друг другу по мордам, да и разошлись... А ты? Тебе же надо покорить, завоевать, наложить оброк. Вот и получаешь отпор. Нет! Я человек вольный, не продаюсь никому. Найду Дубягу, облебастрю дело и укачу обратно в Питер.

— Где же теперь станешь его искать? В Арженовке, я узнавал, рыжего

твоего тоже нет.

— Тогда осталось лишь одно место — Даниловские каменоломни. Верлиока поёжился.

— Это в семь раз хуже Хапиловки. Подумай ещё разок!

— Уже подумал. Напиши лучше «рапорт» к тамошним обитателям.

— В Даниловке моим «рапортом» одно место подотрут. Там никого не почитают.

— Не пойму я этого. Вы фартовые, они фартовые. Случись что, на одной цепи по этапу пойдёте. Как они могут вас отрицать?

— Да вот могут. Там народ чванливый. И имеют право, потому, как первый сорт. Самые значительные дергачи и мокрушники стараются поселиться именно в Даниловке. В тех местах облав не бывает никогда! Какие облавы в каменоломнях?

— В Дорогомилове тоже пещеры есть.

— Есть. Только в пять раз меньше. И входят они в черту Москвы. Но даже и там полиция ничего не может поделывать. А уж в Даниловке... Тишь да гладь. На делопроизводство они к нам ездят, а под утро к себе возвращаются. Мы, конечно, этому не радуемся, но ничего поделывать нельзя.

— Почему?

— А потому что, ежели сами попадём в лаванду, к ним же явимся укрытия просить. И тоже тогда сделаемся даниловцами. Поэтому с ними никто не ссорится: не плюй в колодец!

— Как же мне с ними объясниться?

— Не знаю. Попробуй придти к Душкину и там поговорить с местными. Они, если захотят, передадут твой вопрос под землю.

— А если не захотят?

— Денег посули.

— Как я проверю, что там действительно искали? Возьмут мою соргу, пропьют, да ещё и посмеются над дураком.

— Это запросто.

— Но хоть кого-то из видных даниловцев ты знаешь? Чтобы я, при случае, мог сослаться.

— Ничего не даст! Ну, знаком я с одним, Сила Смеюхин по прозвищу Кабысдох. В банде Ивана Чуркина есаулом служит; большой человек! Мы были приятели, в одной камере на «бекасов» охотились^[110], вместе с этапа деранули. Только Сила теперь возвысился, мелкоту навроде меня не замечает.

— Ты «иван», Анчутка отдал тебе половину Садового кольца. Какая же ты после этого мелкота?

— Для них и сам Беспятый ничего не весит, не то, что я. Там другая табель о рангах. Много на Москве лихих людей, известных дергачей, мокрушников, хомутников; и среди беглых о-о-чень серьёзные люди имеются. Однако самый цвет, наивысшего сорта головорезы — в Даниловке. Столбовое, так сказать, уголовное дворянство. И ежели к примеру я, Верлиока, не последний здесь человек, приду туда и попрошусь под землю — не знаю, что получится. Может, примут в шепёрки^[111], а может, и нет...

— Ладно, схожу к Душкину, попробую.

Но вместо даниловского «пчельника» Лыков отправился на Самотёку и вызвал к себе Эффенбаха. Тот смог приехать только к вечеру.

— Скажи, как мне проникнуть в Даниловку?

Начальник сыскного отделения развёл руками:

— Понятия не имею. Все нити, вроде бы, ведут в трактир Душкина. Тот парень тёмный: маклак, беглых укрывает... Дважды мы его забирали, и дважды суд выпускал его «в сильном подозрении». Агентура там невозможна.

— Ясно. Тогда послушай одну историю.

И Лыков рассказал ему о генерале с Божедомки, на которого дорогомилдовские громилы готовят налёт.

— Очень хорошо! — обрадовался Эффенбах. — По тем сведениям, что ты сообщил, мы легко отыщем старика. Приставим к нему агентшу под видом кухарки. Когда же там объявится новый дворник-кавалер, мы уже будем знать замысел. И на Пасху поставим засаду и накроем Гурия с поличным.

— Ещё и крестик получишь, — съехидничал Алексей.

— А то! С меня тогда бутылка.

— Ты, главное, не проворонь! А то возьмёшь с поличным над двумя бездыханными телами...

После разговора на Самотёке Лыков поехал в Никитниковский переулочек. Степан Горсткин сильно ему обрадовался:

— Экий тебе хороший фонарь-то сработали! Нешто сыскал негодяйцев?

— Сыскал — и упустил. Я за эти дни всю потаённую Москву облазил. В Котяшкиной деревне на несколько часов опоздал. А в Хапиловке встретил их и сцепился. Вот, осталось от Мишки Самотейкина на память. Здоровый, чёрт! Ну ничего, попадётся снова, — верну должок с лихвенными процентами^[112].

— Надеешься, что будет новая встреча? А вдруг они вообще из Москвы деранули?

— Они наверное деранули. Только недалеко. Полагаю, Рупейто с Мишкой спрятались от меня в Даниловских каменоломнях.

— Хм... А что! Лучше места им не найти. Может быть, может быть...

— Ты человек осведомлённый. Скажи — как мне подъехать к Душкину?

— А зачем тебе этот гнус?

— Говорят, он там видная фигура. И имеет связь с подземельем.

— Ну, такую ерунду тебе только Эффенбах мог сказать. Душкин — фигура, но подставная. В Даниловке всё решает отец Николай Быков.

— Священник? — опешил Алексей.

— Настоятель Трёхсвятского храма в деревне Нижние Котлы. Деревня эта — старинный воровской притон, и батюшка ему под стать вышел. Благочинный! И при том — «иван», главарь уголовной слободы.

— Расскажи мне о нём поподробнее.

— С удовольствием. А ежели ты это доведёшь до сведения Синода и там возьмут меры, так все московские старообрядцы тебе благодарны будут!

Отец Николай по сути своей не Божий слуга, а предприниматель. В-первых, он говённый король Первопрестольной. Поскольку является тайным хозяином пудретного завода у себя в Нижних Котлах.

— Пудретный завод? Это, вроде, что-то сельскохозяйственное?

— Выражаясь научным языком, пудрет — это органическое удобрение. Шибко сейчас модное. Делается оно из дерьма; забыл, как это у вас, у благородных, называется.

— Фекалии.

— Вот! Фекалии! Ну и слово, растуды-т твою налево... Быков за гроши скупает г... пардон! фекалии по всему Замоскворечью и свозит к себе за Божий храм. Там, в заводе, в дерьмо добавляют золу, торф, гипс, известь и ещё какую-то хрень. Получают пудрет и продают его землевладельцам. Рентабельность двести процентов!

— Стёпа, — укоризненно произнёс Лыков. — Слово «фекалии» ты не знаешь, а вот слово «рентабельность» произнёс без запинки. Ты тоже предприниматель?

— Арсений Иванович поручил мне некоторые деловые операции общины, — без всякого самодовольства пояснил Горсткин. — Ну, такие, знаешь...

— Полузаконные.

— Да. И четвертьзаконные тоже.

— Ясно. Валяй дальше. В самом производстве удобрения ничего преступного ведь не содержится?

— Не содержится. Ежели не считать того, что завод записан на Кириака Душкина, дважды уже оставленного судом в сильном подозрении.

— Ну, у церковнослужителей не приветствуется служение ещё и Мамоне; поэтому Быков и прикрывается.

— Ты этим объясняешь? Ну, тогда добавим ещё. Про «чай с Рогожских плантаций» слышал?

— Слышал. Скупают по трактирам спитой чай, по пятидесяти копеек за фунт, потом подкрашивают и продают заново. Так это же ваш грех, общинный!

— Был наш. Сейчас его полностью прибрал к рукам отец Николай, и придал делу невиданный ранее размах. Скупка спитого чая составляет теперь лишь малую его долю. Два уезда собирают для Быкова копорский чай. Специальный человек шлёт из Тифлиса сотни пудов листьев кавказской брусники. Всё это перемешивается в подпольном заводе, который Быков создал в Даниловке. Добавляются листья осины, ясеня, рябины и бузины. Для получения должного цвета смесь окрашивается берлинской лазурью, мышьяковистой медью, графитом, лакмусом и свинцом. Для аромата добавляют пахучие цветы, для вяжущего вкуса — дубильные вещества, а для скручивания листьев — крахмальный клейстер. Потом всё это в подсушенном виде фасуется и продаётся в те же второразрядные трактиры. Как тебе промысел?

— Ну, нарушение Торгового устава налицо. Производство и сбыт товаров без патента. Штраф пятьдесят рублей.

— Ты полагаешь, потребление чая со свинцом, мышьяковистой медью и дубильными веществами безопасно для человека?

— Да, — согласился Лыков, — это уже свинство. За такое и посадить не жалко. Твой отец Николай — преступник. Но мне нужен выход на уголовную верхушку, а не на второразрядные трактиры.

— Не торопись. Я не запросто так назвал Быкова даниловским «иваном». Он действительно «иван», поскольку командует над преступным элементом всей слободы. На двух его заводах — чайном и пудретном — числится до 80 лихих людей, забирах и мокрушников. Именно числится; работают вместо них спившаяся голытьба и «спиридоны». А эти бандитствуют по ночам от Замоскворечья до Семёновской заставы, а днём спокойно сидят у Душкина. Потому: все с паспортами и прописанные. Облава приходит, так они даже не прячутся!

— Вот это другое дело, тут уже уголовка. Но ты уверен, Степан, в своих сведениях? Как-то в голове плохо укладывается: православный священник, благочинный — и «иван». Может, у него и кличка есть?

— Как же, имеется. Казистый.

— Почему Казистый?

— Увидишь его — поймешь. Наружность — бабам такие нравятся.

— Отец Николай именно руководит даниловскими головорезами? Не притонодержатель, не скупщик краденого, а именно главарь банды забирых?

— Самый настоящий главарь! Организует их операции, вооружает, укрывает, платит жалование. Карает и милует. Полсотни «утюгов» — прямые его подчинённые, а есть ещё и не прямые. Ведь обитатели каменоломен весьма зависимы от снабжения. Если полиция устроит, к примеру, осаду катакомб, то уже через две недели те опустеют. Жрать станет нечего, и громилы разбегутся. Схватить их, конечно, не удастся — там множество выходов, все не перекроешь; но прописку жиганам придётся сменить. Так вот, именно Быков снабжает каменоломни необходимым. И эти самые чумовые в Москве люди вынуждены с ним ладить. Не подчиняться — там никому не подчиняются, но ладить. Кроме снабжения, отец Николай занимается ещё и сбытом их ночной добычи. На которой кровь... Как все маклаки, хорошо на этом наживается. Он вообще сейчас очень богатый человек: два доходных дома в Москве, пакгаузы в Нагатино, банковские акции... Навалил полную зобню! Всё, разумеется, записано на чужие имена.

— Да... — сокрушённо пробормотал Алексей. — И это православный священник.

— Благочинный! Глядит лисой, а пахнет волком. Он, когда ездит по приходам, требует, чтобы ему от коляски до храма расстилали ковровую дорожку. Как тебе? А ещё земельные спекуляции, поборы с церковных общин, ростовщичество.

— Тьфу, гадость! Расскажу всё это Павлу Афанасьевичу. Он лично знаком с обер-прокурором Синода Победоносцевым и пользуется его уважением. Авось тот осерчает да прихлопнет вашего отца Николая. А ты бы помог Эффенбаху с уликами.

— Не очень верится, но помогу, чем сумею. А сейчас что от меня требуется?

— Свести меня с Быковым.

— Это можно. У меня встреча с ним завтра вечером, по поручению Арсения Ивановича. У них есть общие дела.

— Даже и не сомневался. Те самые, четвертьзаконные. Да, Стёп?

— Что смеёшься, дурачок? Тебе это на пользу. Отец Николай заинтересован в Рогоже и от встречи не откажется. И честно выполнит просьбу поискать, если поверит в твою историю.

— До сих пор все верили.

— Быков очень хитрый. Он сначала наведёт справку.

— А и пусть наводит. Придёт к тем же Верлиоке и Афанасьеву. Главное, чтобы батюшка на самом деле перерыл каменоломни.

— Если попросит Морозов — перероет! Кстати, Арсений Иванович о тебе вчера вспоминал. Ты обещал ему разобраться со смертью Крестовникова — и пропал на неделю.

— Да, прости. Я выяснил всё в тот же день, но некогда было заехать. История оказалась нехорошая...

И сыщик разъяснил Горсткину загадочное поведение полиции и родственников покойного.

— Так что, передай Морозову, что полиция здесь не при чём; покойный заплатил за свои грешки. Нечего было властям кукиш в кармане показывать... Еще скажи, что дело о несчастном случае уже перелицовано в дело об убийстве и ограблении Крестовникова. И что я иду в Даниловские каменоломни за убийцами его, Морозова, товарища.

Степан отнёсся к услышанному очень серьёзно.

— Ловко. Для Арсения Ивановича, поверь, это камень с плеч. Он до сих пор из-за той истории в ссоре с обер-полицмейстером. А это весьма вредно для наших дел. Я посоветую ему поехать к Козлову и помириться.

— Пусть смело ссылается на мои слова. Теперь нам ясно, что была подтасовка с запиской якобы от террористов. Убийцы известны. Мы схватим их во исполнение монаршего распоряжения, и они ответят по совокупности.

— С такой новостью я заставлю Арсения Иваныча написать Быкову про тебя собственноручную записку! Благочинный тогда расстарается вовсю...

— Поражаешься идиллии, что царит между миллионщиком Морозовым и даниловским «иваном» Быковым!

— Ты, Лёха, не поражайся, а пользуйся. Приходи послезавтра к утру; расскажу, что получилось.

Глава 25

За шаг до преисподни

Весь следующий день Лыков просидел в конспиративной квартире на Самотёке. Написал и зашифровал очередной рапорт для Павла Афанасьевича. Вычистил и смазал «бульдог» — подарок покойного Буффало. Выспался, отъелся. О предстоящем ему путешествии в Даниловские каменоломни сыщик старался не думать. Ясно, что это станет самой опасной его командировкой за всю службу в полиции. Если головорезы что-то заподозрят, Алексей Лыков просто бесследно исчезнет... Никто никогда не обнаружит его тела. Интересно, сколь быстро забудет лихого титулярного советника Варенька Нефедьева? Маменьку жалко с сестрицей, да и Благово сильно будет переживать...

С трудом Лыков отогнал от себя нехорошие мысли. Когда заехал на минутку Эффенбах, рассказал ему об отце Николае Быкове, благочинном и одновременно даниловском «иване». Тот был поражён.

— Вот это новость! Никогда у меня не поступало на него никаких сведений. А твой Горсткин не врёт? Может, там просто распря между старообрядцами и официальной верой?

— Мы это проверим. Если Быков проведёт меня в каменоломни, значит, сведения Степана верны.

— Ну не может этого быть!

— Эх, Толя! Бог дал попа, а чёрт скомороха. Интересно, кто дал нам отца Николая?

— Но поп-бандит — это, согласись, что-то новенькое.

— Я в этом деле, как ты догадываешься, показаний дать не смогу. Если благополучно вернусь...

— Протестую! Не «если», а «когда».

— ...Когда я благополучно вернусь, мы сядем втроём со Степаном и придумаем, как нам засадить этого галмана.

Эффенбах вдруг улыбнулся, словно вспомнил нечто весёлое:

— Слушай! Мой начальник стола приключений^[113] подал мне рапорт. Отмечено появление в городе какого-то крупного уголовного. Начались шевеления, стычки между группировками... В Шереметьевскую больницу попали за эти дни три налётчика с одинаковым диагнозом — сотрясение мозга. Это не про тебя рапорт?

— Похоже. А ты объяви меня в розыск! Пригодится для усиления легенды. Без фамилии, но с приметами. И обеспечь утечку через осведом.
[\[114\]](#).

— Сварганим. Ещё чего?

— Открой следствие об убийстве Крестовникова. Я обещался Морозову.

— Уже открыл.

— Перешли Павлу Афанасьевичу мой очередной рапорт.

— Сегодня ночью отвезут. Что ещё?

— Завтра я должен встретиться с Быковым. Надеюсь, мы договоримся, и тогда я спущусь в каменоломни.

— Это если Рупейто с Мишкой окажутся там.

— Я почему-то убеждён, что они там. Который день их преследую; пора уже и встретиться. По-настоящему, а не так, как вышло в Хапиловке.

Эффенбах только молча покачал головой.

— Так вот, — продолжил Алексей, — если я прав и придётся идти вниз, я пришлю тебе записку. Ждешь моего возвращения три дня, начиная с даты, указанной в записке. Если я так и не появлюсь — телеграфируй Благово. Выжгите тогда тут всё, что можно...

Эффенбах молча кивнул, повернулся и пошёл к двери.

— Погоди! Про генерала с Божедомки не забудь.

Начальник отделения остановился, хотел что-то ответить, но только махнул рукой и вышел вон.

С Самотёки Алексей поехал на Хитровку. Смеркалось, и извозчик дальше Петровского бульвара везти отказался. По Малому Трёхсвятительскому переулку Лыков пешком двинулся в сторону «Каторги». Всегда заполненная сизыми испарениями, яма Хитровки дымилась перед ним. Какие-то тёмные фигуры возникали из тумана, всматривались — и быстро отходили. У входа на площадь трое угрюмого вида оборванцев обступили Алексея и грубо потребовали закурить.

— Здоровье беречь надо, — назидательно ответил им титулярный советник. — Одно ведь, другого не будет!

Оборванцы озадаченно замолчали, потом один, самый угрюмый, нашёлся:

— А деньги есть?

— Денег-то много, да не во что класть.

Парень насупился:

— Эй! На Юр-базаре [\[115\]](#) так не шутят! Щас как осерчаем, будешь

знать!

— Ты, сосунок, кашляй помалу, чтобы на год хватило. А то спроси у Сиплого, что я с такими делаю.

Оборванец среагировал мгновенно:

— Робя! Лататы!

И троица бросилась со всех ног в ближайшую подворотню.

Больше до самой «Каторги» к сыщику никто не приставал. Войдя в трактир, он сразу прошёл к стойке. Посмотрел на Ваньку Кулакова, как солдат на вошь, и скомандовал:

— Проведи!

Тот послушно затрусил впереди него в задние комнаты. Афанасьев сидел в третьей из них и что-то высчитывал на бумажке. Увидев гостя, тут же поднялся:

— Алексей Николаевич? Проходите. Ванька — водки!

— Не надо; я на минутку.

Буфетчик ушёл. Хозяин заведения лукаво улыбнулся:

— Говорят, вы Осмачкина отщекатурили на обе корки?

— Правду говорят.

— И Котяшкиной деревне задали феферу?

— Тоже верно.

Афанасьев одобрительно хмыкнул:

— Пришёл, увидел, победил. Чему обязан сегодняшним визитом?

— Я собираюсь днями навестить Даниловские каменоломни.

Притонодержатель нахмурился:

— Вот куда бы я без нужды не стал соваться. И вам ничем помочь не сумею.

— Этого не требуется. Я уже договорился: за меня замолвят слово перед отцом Николаем.

Афанасьев внимательно посмотрел на Лыкова:

— И об этом уже осведомлены? Ловкий вы человек, Алексей Николаевич!

— Спасибо, Марк Иванович. Я к вам с небольшой просьбой. Одному в каменоломни даже мне идти неуютно...

— Понимаю!

— Я решил взять с собой в качестве свиты Федю-Заломая — это крепкий такой хлопец...

— Знаю.

— ... и ещё Тоську-Шарапа. Под землю им спускаться не придётся, они будут ждать меня наверху. На всякий случай.

— Разумно. Желаете, чтобы я прислал к вам Антона?

— Да. Я буду ждать его в Поляковом трактире.

Простившись с хозяином, Алексей отправился знакомым уже путём на Солянку. Как и ожидал, он застал в трактире и Верлиоку, и Федю-Заломая. Фёдор особенно ему обрадовался:

— Здравствуйте, господин Лыков. Ой! Кто это вас?

— Ребята из Хапиловки на сапоги позарились.

— Вот я их! — Федя поднял похожий на кувалду кулак. — Токмо скажите, которые!

— Они сейчас в больничке. Пошли по шерсть, а воротились стриженные...

— А! — довольно осклабился детина. — Будут знать, как налетать на господина Лыкова!

— Ты, Фёдор, завтра можешь мне понадобится. Я собираюсь в Даниловские пещеры. Вниз-то я пойду один, но наверху должен кто-то остаться. Мало ли что... Как, не испугаешься?

Заломай выслушал сыщика серьёзно и даже взволнованно:

— А што, тама угрожают? Вы тама в опасности будете?

— Всё возможно.

— Господин Лыков! Тогда я тоже в пещеры эти пойду. Вот. Куда вы, туда и я. Любому за вас голову свинчу!

— Спасибо, Фёдор, но это лишнее. С тобою ещё будет кулачный боец, Тоська-Шарап. Просто постоите там, пока я не вернусь.

— А ежели... эта...

— Если я не вернусь?

— Угу.

— Ждёте меня до темноты, потом уходите. Возвращайся тогда обратно к Ногтёву.

— А вы что же? — нахмурил простодушное лицо Федя-Заломай.

— Это как повезёт.

— Я пойду тогда вас разыскивать!

— Нет. Ты должен меня слушаться. Это приказ — уходить, как стемнеет!

Хлопец насупился и отошёл, не смея возразить. Лыков легко договорился с Верлиокой, что тот командирует завтра парня на весь день в его распоряжение, и ушёл играть на бильярде. В половине двенадцатого появился Тоська-Шарап. Алексей объяснил бойцу, для чего он его позвал.

— Как, сможешь?

— Просто постоять?

— Просто постоять. Если я выйду и попрошу в чём-то помочь, то и помочь.

— Не нравится мне, Лексей Николаич. Секреты какие-то... Финтифанты, немецкие куранты...^[116] Ты сказал бы толком. Это ж Даниловка; там, ежели что не так, и лобешник снимут.

— Подземных жителей моё дело не касается и их попросят не мешаться.

— Это кто? Для тиих парней начальников нету.

— Отец Николай Быков там всем заправляет; он и попросит.

— Батюшка? Ну, и дела...

— В каменоломнях прячутся Рупейто-Дубяго и твой знакомец Мишка. С ними и будет разговор. Я тебе не всё тогда в кабаке рассказал. Я этих харламов действительно ищу, но с целью поквитаться. Они в Питере взяли у меня и моего товарища, «ивана» Большого Сохатого, фальшивых банкнотов на сто восемьдесят тысяч рублей. Обещали обернуть, а сами скрылись.

— Смошенничали, значит?

— Смошенничали. А мы в «пекарню»^[117] свои деньги отдали, в треть номинала. Представляешь, какие это суммы? Мы с Сохатым теперь без штанов, а эти красноплои жируют. Тут ещё моего напарника в циркулярный розыск объявили^[118]. Он ушёл в лаванду, и приходится мне гоняться за ворами одному. Вдруг меня там ранят?

Тоська-Шарап задумался.

— Плачу пятьдесят рублей, — поторопился сказать Лыков. — Больше, извини, нет.

— Ладно. Постояю до темноты. Но если ты не выйдешь — я уйду.

— Конечно!

— Деньги потом отдашь, когда всё выгорит.

— Спасибо. Ты встанешь там не один. Вон того верзилу видишь? Федя-Заломай. Он с тобою будет, в напарниках.

— Вдвоём веселее, — одобрил Шарап. — Особливо в Даниловке. Когда выступать?

— Завтра я это узнаю.

— Сообщи. Я проживаю в доме Кантакузена на углу Якиманки и Второго Хвостова переулка.

— Жди «красную шапку»!^[119]

Кое-как проведя в «Шиповской крепости» ночь, в восемь утра Лыков

был уже у Горсткина.

— Всё в порядке, — сразу сказал тот. — Личное письмо Арсения Ивановича подействовало. Быков ждёт тебя в любое время. Обещал помочь.

— Вот спасибо! — обрадовался сыщик. — Я тогда прямо после обедни и подъеду. А то уж надоело ждать.

Степан понимающе кивнул:

— Вестимо! Уж ежели надо залезть ко льву в пасть, так хочется сделать это побыстрее. Тебе, может, того... помочь?

Алексей знал, что Горсткин храбрый человек и не побоится спуститься с ним в каменоломни. Но один раз он уже попросил друга о помощи...

— Нет, хватит с меня Буффало. Всю жизнь себе этого не прощу. А ты жди хороших вестей. Нам ещё с тобой на коронации вкалывать!

И уехал в Нижние Котлы.

Отец Николай оказался рослым осанистым мужчиной представительной наружности, лет пятидесяти пяти, с благолепным лицом и длинными, с сильной проседью, бородой и волосами. Он принял Алексея в своём доме, смахивающем на богатую господскую усадьбу.

— Проходите, сын мой. Рекомендация самого Арсения Ивановича Морозова — это лучшая рекомендация.

И выставил уже ладонь. Но Лыков под благословение не подошёл и даже не счёл нужным перекреститься на висевшие повсюду иконы.

— Что это? — нахмурился благочинный. — В доме пастыря так себя не ведут!

— Да будет вам, отец Николай, — отмахнулся гость. — Некогда мне спектакли разыгрывать. Кто к вечерне, а мы к харчевне! Давайте лучше об деле говорить.

— А как же с верою Христовой?

— Одну молитву я знаю.

— Какую же?

— «Господи прости, в чужую клеть пусти да подсоби вынести!».

Пастырь рассмеялся:

— Хорошая молитва! Ну, ладно, давайте говорить об деле. Оно у вас в чём заключается? Арсений Иваныч дал только намёк.

— Я, изволите ли знать, приехал из столицы. Лыков Алексей Николаевич. Человек свободного рода занятий, главным образом таких, которые дают хороший доход. Я буду излагать откровенно.

Быков молча кивнул, внимательно наблюдая за гостем.

— Есть два мерзавца, коих я разыскиваю. Одного зовут Рупейто-

Дубяго, он бывший офицер. Другой при нём на услугах, вроде денщика; именуется Мишкой Самотейкиным. Эти архаровцы взяли у меня с товарищем на реализацию на сто восемьдесят тысяч «красноярок». Четыре месяца пудрили мозги, ни копейки не заплатили, а потом вообще скрылись, сбежали сюда.

Быков продолжал молча смотреть на Алексея.

— Я у вас неделю, облазил всю Москву. В Хапиловке они мне было попались, но убежали. Полагаю, что мерзкая эта пара укрывается в ваших краях. Мне говорили, что в каменоломнях иногда предоставляют убежище за деньги.

— Редко, очень редко! И потом, почему именно в каменоломнях? Там холодно, неудобно.

— Это вам виднее, отец Николай. Я не настаиваю на подземелье. В Зюзино, Даниловке, Черёмушках множество постоянных дворов, где селят кого попало безо всяких прописок. Степан Горсткин говорит, что вы в этих местах можете всё. Помогите, пожалуйста! Дайте своим команду, чтобы обыскали окрестность. Виды у моих мазуриков на другие имена, но спутать не спутают. Офицера за версту видно. К тому же он рыжий и с родинкой на щеке. А Мишка — тот колбасник. Здоровый как бык! Ходят всегда вдвоём.

— Это не вы, Алексей Николаевич, к слову спросить, давеча задали чёсу в Дорогомилово?

— На волка поклёп, а кобылу зайцы съели, — ухмыльнулся Лыков.

— Понятно. Где ещё искали?

— Верлиока и Шайтан-оглы обшарили всё внутри Садового кольца, плюсом Арженовку, Тверскую и Крестовскую заставы. Я лично прошёл Котяшкину деревню и Хапиловку. Остался только ваш конец.

— Они могли вернуться в уже осмотренные места. Упомянутые вами зайцы так петляют, если вы охотник.

— Мне бы сообщили.

— Хорошо. Я распоряжусь. Сегодня всё обыскать не успеют; приезжайте завтра в это же время. Что смогу, сделаю.

— Ребята меня пограбили, так что, много я заплатить не сумею...

— Пятьдесят рублей вперёд и ещё сто, когда взыщете с них долги. Согласны?

Лыков полез за бумажником, но Казистый махнул рукой:

— Не сейчас, завтра. Если, конечно, их найдут. Если пусто, то вы мне ничего не должны, из уважения к вашему рекомендателю.

— Спасибо. Уж и катакомбы пожалуйста не забудьте.

— Не забудем. До завтра!

Лыков откланялся, вышел и уехал на поджидавшем его извозчике. Быков проследил за ним в окно, потом хлопнул в ладоши. Открылась дверь, из соседней комнаты появились двое.

— Он? — спросил благочинный.

— Он, — ответил тот, что постарше, рыжий, грузный, с прямой спиной.

— И что же, господин Рупейто-Дубяго? Гость был вполне убедителен. Почему я должен верить вам, а не ему? Сам Морозов рекомендовал...

— Но он же сыщик!

— Это слова, но где доказательства? Может, вы действительно взяли у Лыкова фальшивых банкнотов и сбежали?

Отставной кирасир топнул ногой:

— Подумайте хоть о своей безопасности! С вашими-то делами и впускать в дом сыскаго агента!

— Под меня копать у них мозгов не хватит. Дурака Душкина, вон, и то засадить не могут...

— Хорошо. Назовите вашу цену.

— Восемь тысяч рублей.

— Побойтесь бога, отец Николай! — Дубяго даже обежал стол. — За титулярного советника! Чин девятого класса! Давайте сойдёмся на пяти.

— Семь, и это моё последнее слово. Лыков дышит вам в затылок. В Хапиловке просто повезло; в следующий раз он завяжет вас в узел. Не понимаю: вы хотите избавиться от погони или вам нравится бегать по всей Москве?

Рупейто оглянулся на своего «фидельку». Мишка Самотейкин сжал огромные кулаки:

— Пусть тока попадётся, я ему... ух!

— Вот видите! Мы можем поймать его, например, завтра по дороге к вам. И придушить за бесплатно. А вы — семь тысяч!

— Ха! Вы всерьёз полагаете, что у вас получится? Мелко плавает ваш колбасник... Сиплый из Сухого оврага и Осмачкин из Арженовки так же думали, и что? Нет. Лыков очень ловкий и опасный человек. Его надо раскассировать хитростью, так, чтобы наверняка. Кроме того, господин Рупейто, мне в Даниловке совсем не нужен труп сыщика со следами насильственной смерти. Представляете, что тогда здесь начнётся? Утки в дудки, тараканы в барабаны...

— Что вы предлагаете?

— Я встречусь с Лыковым, как и обещал, завтра, и скажу, что вас нашли. Вы действительно сговорились с обитателями каменоломни, и вам

разрешили поселиться в Ивановской пещере. Есть там такая... Нарисую ему карту, объясню, что пещера эта стоит особняком и имеет единственный вход. Если Лыков туда проникает, то мимо него вам уже, якобы, никак не проскочить. Он соглашается, заходит туда — и всё! Никакого трупa, никакого следствия; агент просто исчезнет.

— Каким образом?

— Ивановская пещера особенная. Она действительно имеет только один вход. Прорытая там галерея проникает в гору на восемьдесят саженей и достигает развилки. Я пошлю Лыкова в левый коридор; скажу, что он кончается подземным залом, в котором вы и поселились. На самом деле коридор-то всего один. Он описывает петлю длиной примерно в сто саженей, и возвращается обратно в галерею с правой её стороны. Там вы и встанете, только не шумите, не курите и не жгите огня. Когда Лыков доберётся до развилки, вы дадите ему как следует удалиться вглубь петли. После чего выходите из укрытия в галерею и пускаете в ход вот это.

Благочинный порылся в ящике и выложил на стол продолговатый цилиндр серо-жёлтого цвета.

— Это что, динамитный патрон? — заинтересованно спросил Рупейто-Дубяго.

— Кизельгур. Очень мощный! Собственно сам кизельгур — это такой особый сорт пористой глины. Глина связывает гремучую ртуть, которая в чистом своём виде взрывается даже от лёгкого сотрясения. Патрон же срабатывает только от огнепровода; вот вам и он. Пропустив Лыкова в левый коридор, вы кладёте кизельгур так, чтобы взрыв обрушил всю эту часть галереи, включая и развилку. Поджигаете шнур и убегаете. У вас будет две минуты.

— А Лыков останется в той петле?

— Да. Если даже его не убьёт взрывом, он окажется в ловушке. Вход и выход петли завалит обрушившимся сводом, и вашего врага ждёт самая страшная смерть — от медленного удушья. Не берусь судить, насколько ему хватит оставшегося воздуха. Который, кстати, будет ещё и отравлен газами... Но такой участи не пожелаешь никому!

— Лыков точно оттуда не выберется? Парень уж больно ловкий...

— Я же сказал: штука очень мощная. Взрыв обрушит свод галереи на большом протяжении. Вы сможете прокопать сто саженей плотного грунта, без лопаты, при условии быстрого уменьшения воздуха? И с лопатой не прокопаете. Лыков тоже не справится.

— Так значит, смерть от удушья? И тело никогда не найдут. Ловит волк роковую овцу... Да, за такое и семи тысяч не жалко!

Рупейто-Дубяго залез в портфель, вынул пачку банкнот, отсчитал нужную сумму и протянул её Казистому.

— Не фальшивые? — подозрительно спросил тот, проверяя билеты на просвет.

Отставной кирасир молча перекрестился на икону.

— Ладно. Последняя предосторожность. Главная галерея в десяти саженях от входа имеет ещё одно ответвление, по правой стороне. Когда дело будет сделано и вы примётесь уходить — сверните в него.

— Это зачем?

— А вдруг Лыков придёт не один? Вы ползаете наружу, а вас там дожидается полицейский отряд!

Рупейто с подозрением уставился на отца Николая:

— И куда же нас приведёт ваше ответвление? В стан Ваньки Чуркина? Решили хапнуть всё содержимое моей портфели?

— У Ваньки хапнешь, — усмехнулся благочинный. — Скажет, что там было пять рублей... Не бойтесь, Дубяго. Вы выберетесь наружу в полуверсте от того места, где вошли. Там не будет ни громил, ни полиции. А чтобы развеять ваши подозрения, через десять минут сюда явится один видный обитатель каменоломен. Бандит по кличке Кабысдох. Он уже третий год, как проживает под землёй и знает здесь каждую пядь. Кабысдох отведёт вас в Ивановскую пещеру, вы её всю обойдёте и изучите. С факелами в руках. И петлю, и боковой проход в безопасное место. Определите, где именно заложить патрон, сколько вы успеете пробежать за две минуты — словом, подготовитесь. Лыкова надо бить наверняка!

Глава 26

Тем временем в Петербурге

Благово дочитал рапорт Лыкова до конца и не мешкая пошёл к фон-Плеве.

— Владимир Константинович, вы показывали кому-нибудь донесение Лыкова, которое он подал перед отъездом в Москву?

— Да.

— Кому же?

— Тайному советнику Римеру.

— Но зачем, Владимир Константинович?

— Согласно личного распоряжения министра, переданного мне в телефон.

Благово стукнул себя кулаком по колену и отвернулся, с трудом сдерживая раздражение.

— Что случилось, Павел Афанасьевич?

— Вы помните, может быть, что там упоминается единственная зацепка для поисков, московская любовница Самотейкина?

— Да, помню; Манька-Контужия. Лыков её нашёл?

— Нашёл. Мёртвую.

Плеве осёкся.

— Как это случилось?

— Её задушили за несколько часов до его прихода. Дворник дал точное описание колбасника...

— Т-а-а-к... В совпадение вы, конечно, не верите?

— В последнем своём рапорте Лыков сообщил: он обнаружил обоих убийц в Хапиловке. Случайно была вслух произнесена его фамилия, и это помешало задержанию: Рупейто с Мишкой смогли убежать. Откуда-то они знали и его фамилию! Какие уж тут совпадения...

Плеве вскочил со стула и принялся ходить по комнате. Наконец он взял себя в руки, сел напротив своего вице-директора и сказал, глядя ему прямо в глаза:

— Есть только одно объяснение этому. Ведь так?

— Так. Здесь измена, и изменник — Ример.

— Но что я мог сделать, Павел Афанасьевич? Приказ его сиятельства. Оказалось ещё, что Ример, как дворянин, приписан к лейб-губернии. [\[120\]](#) С

ним теперь никак не совладать.

— А если выйти к графу с отношением?

— Бесполезно. Доклад Лыкова был сдан через мою приёмную. Мы же с вами и окажемся виноваты — граф скажет, что утечка произошла отсюда.

Полицейские помолчали, потом Плеве спросил, отводя глаза:

— Как он там?

— Ходит по притонам. Сдружился с парочкой московских «иванов», которые давно в розыске. Полагаю, Эффенбах, читая лыковские рапорты, только слюни вытирает... В Хапиловке — это такая пригородная уголовная слобода — Алексей налетел на Рупейто с Мишкой. Вышло столкновение, сначала в трактире, потом на улице. Колбасник, действительно, страшно силен. Даже Лыков не справился, но только потому, что был один, а их двое. Получил касательное огнестрельное ранение. Мне бы туда, в Москву, а?

— Как у вас дело о конногвардейцах?

— Послезавтра передаю прокурору.

— Сразу и выезжайте, как передадите. Раньше нельзя.

На этом беседа закончилась. Благово вернулся к себе недовольный. Он опасался за Лыкова и считал, что его место сейчас в Москве. Но убийства в Конногвардейском полку расследовались им также по августейшему распоряжению. Государь торопил министра с передачей дела в суд, и граф сообщил вчера об этом Плеве. Придётся пока задержаться в столице.

Размышление Благово прервал курьер:

— Ваше высочорodie! Там в вестибюле человек к вам просится. Назвался графом Шторре. Прикажете пустить?

— Граф Шторре? Да, пусть заходит. Чего это я Автондилу понадобился?

Автондил Папа-Фёдоров, известный в обеих столицах карточный шулер, обыгрывал простаков на Нижегородской ярмарке, прикрываясь графским титулом. Благово дважды приходилось его арестовывать. Элегантный, весёлый грек, очень артистичный, он вызывал у сыщика симпатию. По правде сказать, и вся ярмарка любила «графа Шторре». Когда тот бывал при деньгах, то устраивал грандиозные попойки, с невероятной щедростью делясь с окружающими своим капиталом. Особенно много перепадало смазливый каскадным певицам. Они даже сочинили про своего любимца песню и распевали её со сцены. Там были такие слова:

«Эти глазки, эти усики

Ах! с ума меня свели!»

Папа-Фёдоров таял при этих словах и лез за бумажником... Если же он оказывался на мели, то купеческая молодёжь охотно кормила и поила его на свой счёт до появления очередного «карася» (так шулеры называют намеченную для обыгрыша жертву). Из-за песни Автондил и получил кличку — Усики. Вот уже три года, как Благово переехал в столицу и потерял шулера из виду.

Вошёл Папа-Фёдоров, как всегда, элегантный, но непривычно серьёзный.

— Здравствуйте, Павел Афанасьевич!

— Проходи, Усики. Садись, рассказывай, что случилось. Тебя обыграли в карты?

— Хуже. Вы не поверите, Павел Афанасьевич, но я только что получил заказ. На ваше убийство!

— Что?!

— Ей богу! Час назад в «Доменике», в отдельном кабинете, у меня состоялась встреча с двумя солидными господами. Один назвался сенатором Шульцем; он и вёл весь разговор. Второй не представился и по большей части молчал.

— Невысокого роста, бритый и очень высокомерный?

— Точно так.

— Это был тайный советник Ример. Синоним шкворня ему в антоним горла! И о чём был разговор?

— Шулец сказал, что получил на меня рекомендации. Как на человека, способного выполнить любую работу... Вскоре выяснилось, что им требуется наёмный убийца, чтобы устранить статского советника Благово.

— Усики! Но ведь ты же шулер, а не мокрушник. За версту видать. Как эти люди могли так обмишуриться?

— Шулец сказал, что меня им порекомендовал Виноградов.

— Виноградов? Не понимаю!

— А я понимаю. Его, как знатока столичного «дна», заставили искать исполнителя. И Виноградов назвал меня, зная, что я тот час же приду к вам. Он хотел вас предупредить.

— Хм... Да, это похоже на Ивана Александровича. И нашим и вашим за пятак спляшем.

— А вот не правы вы, Павел Афанасьевич! Конечно, он взяточник и человек без принципов. Но он сыщик! Хороший сыщик, любимец самого

Путилина. Полагаю, Виноградов действовал, так сказать, из чувства корпоративной солидарности. Отказать не мог, но и соучаствовать не желал. Вот и назвал меня.

— Не знаю, не знаю... Но почему эта парочка тебя сразу же не раскусила? Что ты не мокрушник...

— Ха! Я, как только понял, чего от меня требуется, сразу насупился, соорудил такую рожу... Эдакая, знаете, смесь настороженности, степенности и осознания своего высокого уголовного статуса. Интонация, грозная угрюмость в глазах... Имею знакомых дергачей с убийцами — их и сыграл.

— И Шульц с Римером поверили?

— А почему вы удивляетесь, Павел Афанасьевич? — Папа-Фёдоров даже обиделся. — Я когда графом Шторре был — все меня за настоящего графа принимали!

— Да, Усики, извини. Ты действительно очень артистичен. Но продолжай. Итак, те двое предложили тебе меня убить.

— Да. Я, разумеется, спросил — а кто это такой, Благово? Когда узнал, что вице-директор департамента полиции, то начал заламывать цену.

— Но не отказался?

— Нет. Мы сошлись на десяти тысячах рублей.

— Ого! Я и не знал, что столько стою!

— После этого Шульц выдал мне аванс — две «больших». Они у меня с собой. Показать?

— Что я, двух тысяч никогда не видел? Ты скажи, на чём расстались.

— Этот второй...

— Ример.

— ...Ример заявил, что убийство нужно выдать за покушение террористов. При вашей должности это, мол, очень даже вероятно.

— Знакомый почерк. И как же ты должен меня убить?

— Мне было сказано, что вы живёте около министерства, в Театральной улице, а на службу в департамент ходите по правому берегу Фонтанки. Пересекаете её всегда по Симеоновскому мосту, и далее до департамента идёте уже по левому берегу.

— Верно! — удивился Благово.

— В департаменте вы появляетесь аккуратно в четверть девятого часа. Стало быть, на мосту оказываетесь за десять минут до этого.

— И это верно. А как ты должен уходить?

— В заранее припасённом экипаже в сторону Песков, и там затеряться. Экипаж с возницей я должен найти сам.

— А ведь могло и получиться, — констатировал статский советник.

— Я потому и пришёл, Павел Афанасьевич. Вы всегда ко мне, мазурику, относились по-человечески. Сейчас, спасибо Виноградову, вы предупреждены.

— И спасибо ещё тебе!

— Ага. Я, как вы понимаете, никаких показаний давать не стану, а немедленно уеду из столицы. Подальше — в Ташкент или Иркутск. Иван Александрович тоже смолчит. Ему ещё достанется от Шульца на орехи за такую рекомендацию!

— Ничего, этот отоврётся, — успокоил Папу-Фёдорова сыщик.

— Конечно, отоврётся. Но после этого Шулец с Римером будут искать террориста по другим рекомендациям.

— Понимаю. Я не могу донести до сведения начальства о том, что сейчас от тебя услышал. Доказательств нет. Что ж, примем это, как данность. Ты, Автондил Манолович, действительно уезжай. Ещё раз спасибо за предупреждение! А мне придётся ходить по набережным Фонтанки с удвоенной осторожностью...

— Может, маршруты сменить? Или ездить в карете с охраной?

— Мне охрана не положена. А маршруты... Кого судьба минует, того и обнесёт.

Тепло простившись с шулером, Благово взялся было за папки с делом конногвардейцев, но тут вошёл рассыльный из департаментского телеграфного пункта.

— Ваше высочордие! Экспресс на ваше имя из Москвы.

Статский советник дрожащими руками схватил бланк и прочёл:

«ЛЫКОВ УШЁЛ ДАНИЛОВСКИЕ КАМЕНОЛОМНИ ТРИ ДНЯ
НАЗАД ГДЕ ИСЧЕЗ ТЧК СОГЛАСНО ОСТАВЛЕННЫМ ИМ
ИНСТРУКЦИЯМ НАЧИНАЮ ПОИСКИ ТЧК ЭФФЕНБАХ»

Глава 27

В Даниловских каменоломнях

На следующий день, в одиннадцать часов пополудни, Лыков снова приехал в Нижние Котлы. Он был так уверен, что беглецы отыщутся, что сразу прихватил с собой помощников. Тоська-Шарап и Федя-Заломай остались ждать его на улице; Алексей прошёл к благочинному один.

— А кто это с вами? — спросил отец Николай, поглядывая в окно.

— Мои ассистенты. Хорошие ребята, тихие.

— Разумно, — одобрил Казистый. — Пещеры есть пещеры. А знаете, ведь нашли мы ваших беглецов!

— Вот это чудно! — обрадовался Лыков. — И где они, шельмы, оказались?

— В Ивановской каменоломне. Это такое обособленное место, между бойнями и мусульманским кладбищем. Она не соединена с общими пещерами, и уголовные, действительно, иногда сдают её пришлым под убежище.

— И как я смогу отыскать там этих нехороших людей? Дайте хоть провожатого.

— Провожатый, конечно, будет. Но только до горы. Дальше вы уж сами... Ошибиться невозможно: пещера имеет единственный вход. Там одна длинная галерея. Она имеет два ответвления на правую сторону, но они тупиковые, вам туда не надо. Ваш коридор, господин Лыков, будет отходить у развилки налево. Это примерно восемьдесят саженей вглубь горы. Коридор кончается подземным залом, имеющим высоко в потолке отверстие наружу. Его называют постоялым двором: в зале можно жечь костёр, готовить пищу... Как только вы свернёте влево, Рупейте с Мишкой уже мимо вас не проскочить.

— А что, в правых ответвлениях они никак не могут оказаться? — спросил Лыков, глядя благочинному прямо в глаза.

— Зачем?

— Затем, чтобы, к примеру, ударить мне в спину?

Но Казистый спокойно выдержал взгляд сыщика и только пожал плечами:

— А мне это для чего? Чтобы недополучить с вас сто рублей? И поспорить с Арсением Ивановичем Морозовым? При том, что Рупейто мне

не сват, не брат...

— Ну, хорошо. Вот вам «петруша»^[121] в качестве аванса; остальные, как условились, по окончании дела. Когда появится ваш обещанный провожатый?

— Он ждёт в соседней комнате. Так что, можете отправляться хоть сейчас. Юсуф!

В комнату вошёл крепкого сложения азиат, в ватном халате и с меховой шапкой в руках.

— Это Юсуф-барантач^[122]. Он узбек. Угонял там скот, попал в Сибирь. Бежал вместе с Иваном Чуркиным. Тот привёл его в Москву и поселил вместе с собой в каменоломнях. Юсуф тут всё знает. Факелы припас?

Барантач молча кивнул.

— Ну, тогда идите. Да благословит вас Господь!

Отец Николай с чувством перекрестил Лыкова, и тот ушёл.

Полуторные сани с кибиткой с трудом вместили четырёх мужчин мощной комплекции. До Ивановской пещеры оказалось семь с лишним вёрст. Они проехали кирпичные заводы, Бекетовскую рощу, татарское кладбище, пересекли угрюмый Андреевский овраг. Местность вокруг была унылая, невысокие холмы чередовались с глубокими балками. В склонах балок то тут, то там виднелись словно бы огромные норы. Из одной такой норы высунулся по пояс человек, одетый во всё чёрное. Юсуф пронзительно свистнул в два пальца, и человек тут же исчез под землёй. Возница перекрестился и прибавил ходу.

— Эй, бачка, не дрефь! — осклабился барантач. — Со мной не тронут.

Чем ближе они подъезжали к пещере, тем сильнее захватывало Алексея чувство надвигающейся опасности. Узбек-проводник старался не смотреть на него, а когда косился, то щурился и кривил скулы. Недалёкий, видимо, человек, он не умел скрыть своего враждебного отношения к Лыкову. Почему? Заказчик как заказчик... Но барантач вёл себя так, словно ему сообщили, что Лыков — «вода». Значит, в пещере ловушка? А он везёт с собой двух людей, которые вовсе не обязаны рисковать ради него жизнью... Итак, задача номер один: уберечь их от опасности. Задача номер два: спастись самому. Желательно, взяв при этом убийц, живыми или мёртвыми.

Подъехали к большому плоскому холму, у основания которого чернел вход в подземелье. Ничего так себе вход — в сажень высотой! Выгрузились. Юсуф развернул прихваченную с собой кошму и вынул оттуда два осмолённых факела.

— Бачка! Дашь пять рублей — Юсуф с тобой пойдёт, дорогу казать будет.

Лыков даже обрадовался:

— Даю!

И повернулся к своим «ассистентам»:

— Ребята! Вы тогда можете уезжать; барантач всё покажет. Садитесь и дуйте обратно в Москву.

Тоська-Шарап покосился на стоящего неподалёку узбека и прошептал:

— Лексей Николаич! Ты понимаешь, что делаешь?

— Очень понимаю, Антон, поэтому и говорю: берите ноги в руки! Срочно! Тут всё хуже, чем я думал.

Кулачный боец пристально смотрел на сыщика и раздумывал. Потом сказал:

— Поехали все трое.

— Я не могу.

— Нешто тебе деньги дороже жизни?

— Нельзя давать себя обворовывать, понимаешь? Раз спустил, другой — и тогда все начнут об тебя ноги вытирать.

— Значит, остаёшься?

— Остаюсь. А ты забирай Фёдора и дуйте, что есть мочи. Извини, что тебя втянул; не думал я, что они сговорятся.

Федя-Заломай стоял и слушал, явно не понимая происходящего. Но когда Алексей, прощаясь, протянул ему руку, он отвёл её.

— Я тута останусь, господин Лыков. Буду вас тута ждать, как вы велели.

— А теперь я велю уезжать! — рывкнул на парня рассерженный сыщик. Чуть не силой усадил упрямца в сани, кивнул Тоське, и извозчик быстро скрылся из виду.

— Ну, — сказал Алексей, оборотясь к барантачу, — теперь решим с тобой. Вот тебе «синенькая».

И протянул купюру. Юсуф принял её и стал засовывать под халат. В эту секунду Лыков сильно ударил бандита в переносицу, подхватил рухнувшее тело, швырнул внутрь пещеры и шагнул следом. Прислушался — тихо. Высунулся наружу — никого.

Через несколько минут барантач очнулся и застонал. Из сломанного носа на халат лилась ярко-алая кровь. С волчьей ненавистью узбек поглядел на сыщика и прохрипел:

— Кепе-оглы! ^[123] Чтобы ты сдох, собака!

— Сколько их там?

— Всё одно тебе конец!

Алексей вынул револьвер, снял его с полувзвода и приставил пленнику ко лбу:

— К аллаху захотел? Это можно. Сколько их там?

— Двое.

— Кто?

— Твои.

— А ваши?

— Наших нету.

— В каком они проходе: в правом или в левом?

— В правом, — ответил азиат, и веко его едва заметно дёрнулось.

Понятно...

— Ну вот и поговорили, — удовлетворённо кивнул Лыков. Убрал за спину револьвер — и мгновенно нанёс барантачу удар кулаком в висок. Обыскал бездыханное тело, забрал свою купюру; найденный при бандите нож забросил далеко в снег. Ну, пора... Он зажёл один из факелов, второй взял в ту же руку фитилём вниз. Отстранил огонь подальше от себя — и шагнул в пещеру.

Уже через несколько шагов галерея сделала крутой поворот, и дневной свет позади исчез. Лыкова окружила плотная, казалось, даже вязкая темнота. Факел позволял видеть впереди себя не более, чем на пару саженей. Наконец Алексей успокоился, его охватила привычная решительность. Вы хотели боя, сволочи, думал он сердито — будет вам бой! Я ещё выволоку вас на свет Божий. А ежели кого при этом зашибу — не обессудьте; не надо было людей убивать...

Вдруг справа открылся ход. Сыщик остановился, прислушался и принялся. Тихо, ничем не пахнет... Он опустился на колени и посветил. Следы... Свежие, вчерашние. Шло два или три человека. Куда теперь? Алексей вернулся в основную галерею и в ней тоже обнаружил следы. Ну что ж, решил он, пойдём дальше до развилки. Казистый обещал развилку. Скорее всего, засада там. Если же никого не отыщется, придётся вернуться сюда.

Развилка не показывалась сыщику долго, так, что факел успел выгореть наполовину. Сюда бы сейчас Таубе! Барон видит в темноте, как кошка — можно было бы красться, не зажигая огня. Эх, баронище, почему ты не рядом? Дались тебе эти папуасы...

Вдруг Лыков увидел развилку. Он подошёл и долго-долго вслушивался. Ни звука. Азиат попытался его обмануть и посылал направо; значит, надо идти в левый ход. Или тут более сложная уловка? Нет, Юсуф

не похож на особого хитреца.

Титулярный советник опустился на колени и тщательно осмотрел оба коридора. Ничего не понятно! И там, и тут следы, но слева натоптано больше. И тянет махоркой.

Решившись, Алексей шагнул в левый коридор и продолжил осторожное, но быстрое продвижение. Вскоре он обнаружил, что описывает радиальную дугу слева направо. Что за чёрт! Неужели петля? Сыщик вынул револьвер и ещё более ускорил шаг; теперь он почти бежал. И тут раздался взрыв.

Это был даже не взрыв, а очень сильный хлопок. Волна горячего воздуха пролетела по коридору, оглушила Лыкова, сбила с ног и загасила факел. Несколько секунд он лежал в темноте, соображая; потом осторожно пошевелил руками и ногами. Всё было в исправности, только заложило уши... Нащупав факел, титулярный советник достал спички и снова зажёл его. Стало чуть легче... Нехорошие мысли, тем не менее, уже начали его обуревать. Снова перейдя на быстрый шаг, как и прежде, по дуге, Алексей вдруг с разбега угодил в земляную осыпь. Он посветил — это были явно последствия взрыва. Мелкие куски твёрдого, как камень, грунта обрушились сверху и перегородили ход; осыпь чуть дымилась.

Постояв несколько секунд, Лыков развернулся и побежал обратно, считая про себя шаги. И на двести семьдесят втором шаге наткнулся на точно такую же осыпь. Всё, он в ловушке!

Сыщиком овладело мгновенное отчаяние. Он полез по земляной куче, добрался до её верха, отложил факел и принялся разгребать грунт руками. Четверть часа ушло у него прежде, чем он осознал бессмысленность этого занятия. За это время Лыков углубился в осыпь всего на аршин: как только он отгребал землю, с потолка валились новые куски...

Наконец, взяв себя в руки, он отошёл назад, сел и задумался. Эфпенбах примется искать его через три дня. Эх, дурак! Спуделял. Надо было сказать: через два... Тоську и Федю-Заломая возьмут, и те укажут место, где они простились с Лыковым. Тогда власти начнут раскопки в Ивановской пещере. Интересно, на каком расстоянии взрыв обрушил своды галереи? Одновременно в ней могут работать не более двух землекопов. Хватит ли у него сил, а главное, воздуха, чтобы дожидаться их?

При этой мысли Алексею вдруг показалось, что стало труднее дышать. Но он жёстко осадил себя: главное — не вдаваться в панику.

Потом титулярный советник подумал о Юсуфе. Вот ведь человек! Понимая, что сейчас умрёт, он решил погубить и врага, даже уже после своей смерти. И сумел так сыграть, столь натурально дёрнуть веком, что

сыщик поверил. Ума у барантача было не много, а вот азиатской хитрости — с избытком. Эту хитрость Лыков недооценил, и теперь он действительно на краю гибели... Как у солдата, поступок врага вызывал у него уважение.

Значит, Рупейто-Дубяго с колбасником скрывались в правом коридоре. И когда он, Лыков, прислушивался, ползал в поисках следов и нюхал воздух, они таились в темноте и ждали. Возможно, всего в нескольких шагах от него. И дождались, когда сыщик шагнул в левый коридор, оказавшийся началом петли. Тогда убийцы вышли из укрытия и заложили динамитный патрон так, чтобы обрушить оба хода и часть основной галереи. Потом подожгли шнур и убежали. Ловко...

Итак, в лучшем случае четыре дня. А в худшем, если завал длинный — недели или месяцы. А как их прожить? Двести семьдесят два шага — это значительное пространство; воздуха должно хватить надолго. Если не заниматься бессмысленным копанием и потушить факел, то удастся и ещё растянуть. Но как быть с питьём? В полку говорили, что без него человек умирает через три дня!

Лыков полез в боковой карман пальто и вынул баклажку. Перед тем, как отправиться сегодня утром в Нижние Котлы, он заправил её водкой. Подумал, что в пещере будет холодно и залил туда целый штоф^[124]. Вот молодец! Если экономить, то на неделю хватит. А еда? Без неё, говорят, можно протянуть около трёх недель. В Германии вон голодом разные болезни лечат и, будто бы, успешно. А он, умница, ещё и краюху хлеба догадался сунуть в карман. Думал водку ею закусывать, а теперь это его главный пищевой ресурс.

Лыков повеселел. Ещё поглядим, чья возьмёт! На хлебном вине мы ещё поборемся! Что у него ещё есть? Спичек полный коробок. Факел, у которого на три четверти обгорел фитиль, и ещё один нетронутый. Неплохо, неплохо... Значит, сидеть и не рыпаться. Беречь силы и воздух, ждать, пока отроют.

И началось его сидение. Лыков регулярно заводил часы и отмечал прошедшие сутки чертой на стене. Вскоре ему уже сделалось зябко и пришлось прогуливаться по коридору, чтобы согреться. Вино в баклажке тоже убывало быстрее, чем ему бы того хотелось, но к концу первых суток сыщик услышал вдалеке стук падающих капель. Обнаружилось, что в одном месте из свода просачивается вода.

На вторые сутки хлеба уже не осталось, и Алексея начал мучить голод. На войне и потом на Кавказе ему выпадало всякое, и голодать тоже приходилось; сыщик терпел. Более всего его угнетала темнота. Факелы приходилось беречь и без необходимости не зажигать. Донимал сильно

холод. Лыков садился на корточки, обхватывал плечи руками, чтобы не растерять тепло своего тела, и сидел так часами. Когда он засыпал, то прислонялся спиной к стене и вскоре просыпался от озноба.

Лыкова грели воспоминания. Он закрывал глаза и видел дом, детство, маменьку с сестрой; особенно же любил представлять Вареньку Нефедьеву. Как она там, прекрасная богачка? Вот бы найти клад — в пещерах они встречаются! — выйти в отставку и приехать к ней свататься.

Но иногда Лыковым овладевало отчаяние, ощущение безысходности и неизбежности мучительной смерти. От голода или от удушья — какая разница? Огромная могила, казалось, давила на его плечи и высасывала жизненные силы. К чему ложь? Если быть честным перед самим собой, ясно же, что спасение невозможно! Это гроб. Галерея обрушилась, быть может, на все восемьдесят саженей. Свод, видимо, треснул, и при попытке отрыть землю сверху станут валиться всё новые и новые массы. Полицейские побьются пару дней, потом поймут, что без толку. Снимут фуражки, перекрестятся и уйдут... Один Благово станет раз в год приезжать сюда и часами молча сидеть у входа. Варенька всей правды никогда не узнает — никто ей не скажет. И маминьке не скажут — как такое объяснить? Наврут, что утонул и тела не нашли. Все его попытки бороться, продлить существование — ненужное геройство, позёрство перед самим собой. Всё кончено. Он погребён заживо, и осталось только умереть, как христианину. То есть, в страшных мучениях... Уж лучше вложить ствол «бульдога» в рот, нажать — и дело с концом!

В таких мыслях Алексей прожил целый день, и день этот стал самым тяжёлым в его короткой жизни. Лишь под вечер сыщик несколько укрепился духом. То ли смирился, то ли успокоился. Будь что будет! Умирать — значит, умирать. По его, Лыкова, службе такой исход весьма даже вероятен. Но кончатся титулярный советник будет достойно. Как сильный человек, а не как хлюпик. Георгиевский кавалер всё-таки! Ну, и... вдруг произойдёт божественное чудо? Никогда не стоит зарекаться. С этим и уснул.

На четвёртый день своего заточения, вскоре после полудня, Лыков отошёл в дальний конец коридора справить нужду. Вдруг он увидел в темноте зелёные фосфорицирующие глаза! Ну вот, подумал сыщик, я уже и свихнулся... Что-то быстро; а ещё кавалер... Глаза были явно кошачьими, помещались низко у самой земли и медленно к нему приближались. Ну откуда в этой могиле мог взяться кот? Сейчас подожду немного, и жираф явится, горестно вздохнул Алексей. Отчаяние его достигло высшего предела. Может, всё же застрелиться, пока ещё он владеет своими

поступками? Лучше быстрая смерть, чем тягостное ожидание конца...

— Мяу! — раздалось в тишине.

«Так... Вот уже и слуховые галлюцинации...»

Неожиданно Лыков почувствовал, что бесплотное животное, плод больного воображения, очень даже натурально потёрлось об его ноги. Что за чертовщина? Дрожащей рукой титулярный советник зажжёт спичку и увидит возле себя красивого пушистого кота, вполне материального. Непонятной из-за темноты расцветки, тот тепло урчал и ходил кругами... Откуда явилась эта животина? Четыре дня никого не было, и вдруг... У сыщика спёрло от волнения дыхание.

— Кыс-кыс-кыс! — выдавил он из себя кое-как, но спичка погасла и глаза тут же исчезли.

— Эй, ты куда? Стой, вернись! Барсик! Васька! — в отчаянии закричал Алексей, и глаза опять зажглись, совсем неподалёку. Дрожащими руками Лыков зажжёт новую спичку. Кот обнаружился в нескольких шагах; он приветливо махал хвостом и смотрел с дружелюбным любопытством. Потом вторично сказал «мяу» и исчез в стене! Алексей не верил своим глазам. Куда он делся? Спичка тем временем тоже затухла. Наощупь сыщик добрался до того места, где только что стоял кот, пошарил над полом и обнаружил отверстие. Как же он раньше его не замечал?

Уф! Сердцу у Лыкова билось, как паровой молот. Он боялся сделать ещё одно обследование и убедиться, что найденный лаз слишком для него узок. Наконец, он решился. Встал на колени, сунулся внутрь. Голова пролезла легко, но накачанные плечи застряли. Чёртов атлетизм! Впервые в жизни Алексей проклял свою силу. Но потом взял себя в руки. Сбросил пальто, переложил револьвер запазуху, как-то сложился, ужался — и пополз.

Полз он долго, казалось, целую вечность. Вспоминая потом это приключение, Лыков оценивал преодолённое им расстояние саженей в пятьдесят. Лаз то расширялся, то сужался, имея малозаметный подъём. В двух местах Алексей основательно застрял; казалось, всё, хода нет, нужно возвращаться назад. Снова его охватывало отчаяние. Пришлось сначала бросить баклажку, но во второй теснине не помогло и это. Каким-то чудом сыщик сумел извернуться и выскользнуть из чемарки, и это его спасло — он протиснулся дальше. Наконец, почти уже сходя с ума от страха и нечеловеческого напряжения, Лыков увидел впереди свет. У него сразу прибавилось сил. Ещё несколько минут — и он выбрался на поверхность. Тусклое весеннее солнце ослепило сыщика, резь в глазах заставила зажмуриться, но вскоре прошла. Первое, что он обнаружил — это кот.

Красивый, дымчато-серой масти, тот стоял возле лаза и словно бы дожидался Алексея. Смотрел он ласково и как-то ободряюще...

— Спасибо тебе, Божье создание! — титулярный советник протянул запачканную землёй руку и погладил кота. Снова мяукнув («Ну, пока!»), тот неторопливо сошёл вниз под гору.

Лыков выбрался на поверхность и осмотрелся. Было три часа пополудни. Славно припекало, снег на вершинах холмов уже стоял, но в оврагах ещё лежал большими гудами. Живой! Хорошо-то как...

Вокруг не было ни души. Слева, у подножья горы, Алексей увидел вход в пещеру, куда он шагнул четыре дня назад, и решил его обследовать. Вдруг Благово с Эффенбахом уже там и, обливаясь слезами, шуруют в две лопаты? То-то обрадуются...

Спустившись вниз, сыщик первым делом вынул «бульдог». Всё же он находился в Даниловских каменоломнях. Войдя в галерею, Алексей не обнаружил трупа Юсуфа — кто-то его уже прибрал. Осторожно и бесшумно он двинулся вперёд, хотя всё его существо противилось возвращению в подземелье. Факела при себе у Лыкова уже не было, но за четыре минувших дня он научился обходиться без света. Пройдя так сажень сорок, он услышал отдалённый шум, а потом разглядел и тусклый огонёк. Удвоив осторожность и поставив револьвер на боевой взвод, сыщик подкрался к освещённому месту поближе. Он увидел, как человек высокого роста и богатырской комплекции в полном одиночестве пытается прорыться вглубь галереи. Стоя по колено в грунте, он, словно крот, настойчиво и неумолимо отгребал лопатой землю себе за спину. Судя по отвалам, человек уже пробился вперёд сажень на пять.

Убрав «бульдог», Лыков вышел в круг света, образуемый масляной лампой, и сказал вполголоса:

— Фёдор, я живой. Отдохни немного.

Богатырь замер, бросил лопату, обернулся — и со всех ног бросился к Алексею. Подбежал, обнял — и разрыдался... Федя-Заломай стоял и ревел белухой, боясь выпустить Алексея из могучих рук. Наконец, тот высвободился сам, отступил на шаг и проговорил, растроганный:

— Ну, полно, полно... Всё хорошо... Ты как здесь оказался?

— Господин Лыков! Господин Лыков! Ах, Есусе Христе сыне Божии, спасибо тебе, благодетелю и всех бедняков засупнику... Вы живы! А я... четвёртый день лопатой ворошу, вона скока нарыл!

И хлопец показал на отвалы.

— Герой! — похвалил его титулярный советник. — Тут сажень не меньше пяти-шести. Оставалось всего-ничего; ещё сто с хвостиком.

Фёдор осёкся, но Лыков тут же крепко обнял его и поцеловал в залитую слезами щёку.

— Главное не это, а то, что ты меня не бросил!

— Как же я вас брошу? Вы наставник мой и покровитель.

— Спасибо тебе за верность. Всё же: как ты здесь оказался? Я же велел вам с Шарапом уезжать.

— Мы и уехали. Тока беспокоило мне стало. Еду, а сам думаю: а вдруг вы тама в опасности? Один, без помощника... Откатили наприимерно версту, на подъёме я соскочил — и назад. Шарап мне кричал вослед, но я не слушался. Вертаюсь — а из пещеры дым валит! Чёрный, вонючий... И никого. Я в неё шасть, смотрю — трухмен^[125] лежит, что с вами остался. Мёртвый. Тута я совсем за вас перепугался. Эх, думаю, пень ты дубинородный, бросил-таки господина Лыкова! А войти нельзя, задохнешься. Долго я ждал, покуда весь дым сойдёт, и тогда токмо в пещеру полез. Вот здесь нашёл, что вас завалило. Плакал, плакал... Опосля вернулся в Даниловку. Купил лопату, ланпу, водки и хлебу. Решил вас раскопать. Вот.

— И все четыре дня копал?

— Ага. Здешние ко мне приходили.

— Какие здешние?

— Разбойники. Страшные... Расспрашивали, чево я здесь делаю. Я рассказал. Не тронули. Посмеялись да ушли; трухмена тока свово забрали.

— Где же ты ночевал?

— У выхода. Костёр жёг. Тут в овраге под снегом полнёхонько валежнику.

— А чем питался?

— Хлебом.

«Нельзя такого человека в дергачах оставлять, — подумал Алексей. — Он ещё не испорченный, только очень наивный. Возьму с собой в Петербург. Если научится грамоте, устрою в полицейский резерв. Хороший городской получится! Не осилит — пристрою в услужение к порядочному человеку. Приглядывать буду и помогать; негоже эдакими верными людьми бросаться!».

— Вот что, Фёдор, — сказал он мягко. — Ты, помнится, просил меня взять тебя к себе. Не передумал?

— Я же эта... господину Ногтёву присягу давал.

— А если он отпустит тебя со мной?

— О! — Заломай воздел вверх ручищи. — Бегом побегу! Моя главная мечта, господин Лыков, при вас находиться. Очень вы у меня доверие

вызываете! А с моим умишком так рассудить: ежели к хорошему человеку не пристроюсь, пропаду.

— Ну и договорились. Зови меня теперь Алексей Николаевич.

— Слушаюсь, Лексей Николаич! Уж не пожалеете...

— Тогда поехали в Москву. С Ногтёвым я сам поговорю, сегодня же, и вещи твои заберу. Тебе в Шиповском доме появляться незачем.

— А у меня, Лексей Николаич, всё на мне, другого нету. Тама что, токмо тюфяк, так он ихний.

— Ещё лучше. Тогда двинули на дорогу возницу искать, а то я замёрз уже.

И они пошли к людям. Вид у них был босяцкий: чумазые, перепачканные в земле, а Лыков при таком холоде в одной жилетке и порванных на коленях брюках. Словно выходцы с того света, подумал Алексей, и вдруг понял, что он и в самом деле выбрался именно оттуда... И ничего — жив, здоров; много, если отделается насморком. Сильный организм, несмотря на четырёхдневный пост, сбоев не давал. Молодая кровь бурлила, мышцы играли, солнце грело и наполняло каждую его клеточку радостью жизни. Из такой могилы выскочил! Теперь ему сам чёрт не брат!

Потом Алексей вспомнил о деле. Рупейто-Дубяго с Мишкой считают его погибшим. И, полагают, теперь им можно немного расслабиться. Они постараются уехать из Москвы, подальше от следствия. Прятаться удобнее всего в Петербурге: большой город, Лыков его уже обыскал. А он вернётся следом за ними в столицу и забросит свою сеть. Успокоившиеся убийцы рано или поздно попадутся. Или Сохатый их отыщет, или они заглянут в сторожку к Пахому-Кривому, или Мишка навестит Кекинские дома — но поимка неизбежна.

Первые два мужика с санками побоялись везти Алексея с Федей-Заломаем, но третий, отчаянный, прельстился на трёшницу и доставил их на Самотёку. Наскоро умывшись, почистившись и переодевшись, Лыков оставил своего «ассистента» на попечении смотрителя квартиры. Велел только получше накормить парня... Сам же поехал на Мясницкую в сыскное отделение.

Когда он без доклада прошёл в кабинет начальника, то увидел умиляющую душу картину. Эффенбах с Благово стояли перед картой Москвы и о чём-то горячо спорили. Павел Афанасьевич говорил настойчиво:

— А вы ещё казаков попросите! Князь Долгоруков не откажет, особенно, если обер-полицмейстер его попросит; а он попросит! Тогда

район поисков...

— Я же велел не беспокоить по пустякам, — недовольно обернулся Эффенбах на вошедшего. Увидел Лыкова — и замер. Благово застыл, медленно повернул голову, ахнул... Сшибая на ходу стулья, сыщики бросились Алексею в объятия. Трое серьёзных, достойных мужчин вцепились друг в друга и стояли так с минуту, сопя и чуть ли не всхлипывая... Потом Благово отошёл, спросил сиплым от счастья голосом:

— Где ты был?

— Сидел в Даниловских каменоломнях.

— Тебя вычислили, схватили, а потом ты убежал?

— Не совсем так. Меня действительно вычислили, не знаю, каким образом. Полагаю, что Рупейто с Мишкой пришли к отцу Николаю раньше меня и сказали, что их ловят. Попросили убежища. Когда же появился я, Быков, видимо, предложил им избавиться от преследователя. Во всяком случае, в пещере была засада.

— И?

— У них оказался динамитный патрон.

— Они взорвали пещеру?

— Да. Свод обрушился сажень, антретно^[126], на семьдесят-восемьдесят, если считать вместе с петлёй, — блестнул Лыков словечком из флотского лексикона своего шефа. — Меня пришлось бы откапывать полгода...

Благово с Эффенбахом переглянулись.

— Мы как раз сейчас собирались в Даниловку. Тоська-Шарап уже разыскан, сидит в секретной; а Федя-Залолмай пропал, как сквозь землю провалился.

— Он и вправду провалился. Все четыре дня меня откапывал. Пяток сажень прорыл! чистый крот...

— Ну и ну... Как же ты жил эти четыре дня?

— Тосковал. Думал — конец... Но крепился! Питался водкою — у меня была с собой баклажка.

— Вот! — вскричал Эффенбах. — А говорят, что водка вредна! Никогда этому не верил, а теперь особенно.

— А выбрался ты как? — продолжил расспросы Благово.

— Через четыре дня пришёл кот и вывел меня через узкий и длинный лаз, которого я не заметил.

— Какой кот?

— Дымчатый, ласковый.

Благово прошёл в угол к иконе, трижды на неё перекрестился:

— Слава тебе, Господи, слава тебе, Господи, слава!

Потом вернулся к Алексею:

— Коты тебя всегда любили.

— Теперь они меня спасли!

— Что же ты лаз-то не заметил, сыщик?

— Ну, нервы... И потом, мне сейчас кажется, что его там и не было раньше. Я же всё обыскал. И вдруг он появился! Чудо какое-то, мистика... И ещё до сих пор не пойму, как я в этой теснине не застрял. Поболе кота размером-то.

— Да, Лёха, — сказал уважительно Эффенбах, — не берёт тебя ни крест, ни пест. Но постой: ты же без еды девяносто шесть часов!

— Ничего, только голова немного кружится, да подташнивает...

— Сейчас из трактира кучу жратвы принесут!

— Это можно. Но игру надобно доиграть до конца. Я тайно возвращаюсь в Петербург. Федю-Заломая увожу с собой. Он парень верный, беру его под свою опеку... Сыскное же отделение пусть ведёт поиск пропавшего Лыкова с привлечением Тоськи-Шарапа. Легенда такая: Лыков мошенник и связан с фальшивомонетчиками, через него хотят выйти на изготовителей «красноярок». Понял?

— Сделаем, — заверил Эффенбах. — Отмоем «демона» для будущих трудов. Не пойму только, зачем тебе Федя-Заломай? Он же дергач.

— Он станет дергач, если его сейчас не забрать у Верлиоки. Но отнюдь не поздно спасти человека. Возьмём да покрасим, и выйдет Герасим...

Неожиданно Благово, зайдя сзади, потёр Лыкова по затылку. Тот недоумевающе оглянулся:

— Что, земля осталась?

— Нет. Ты глянь на себя в зеркало.

Алексей, извернувшись, всмотрелся и обнаружил, что на его тёмно-русых волосах появился клоч седины. словно кто мазнул кистью, обмакнув её перед этим в белила.

— Посидишь четыре дня в могиле, ещё и не то появится. Ладно, я хоть там не свихнулся...

Глава 28

Домой!

Эффенбах зашёл в свой кабинет и первым делом снял перепачканные землёй сапоги. Переобулся в лакированные штиблеты, кивнул Тоське-Шарапу:

— Вставай сюда. Ковёр мне не измажь!

Они только что вернулись из Даниловки, где кулачный боец показывал место, на котором расстался с Лыковым. Полицейские прошли по подземной галерее до завала, осмотрели место и составили протокол. Тоська был очевидно подавлен увиденным.

— Что же ты, Антон Шарапов, с таким дерьмом водишься?

— Это вы про Лыкова так, ваше высокоблагородие? Не знаете, видать, настоящего-то дерьма. Лексей Николаич порядочный человек... был. Как понял, что нам с Федькой опасность угрожает, сей же час оттудова прогнал. Остался один, и вот... А вы — дерьмо! Это рази дерьмо?

— Ну ладно, — примирительно сказал сыщик. — Дай сейчас устное показание, и отпущу домой. Лыков твой приехал к нам из Петербурга. Вот, оттуда прислали на него целую папку. Он был не фартовый, а, как у них говорят, «брус». Но тёрся возле деловых. Раздобыл где-то на большую сумму поддельных банкнотов и хотел их сбыть. Лыков указывал тебе цифру?

— Указывал, да я не помню.

Эффенбах раскрыл синюю папку, подсмотрел:

— Сто восемьдесят тысяч?

Шарап кивнул.

— А такие фамилии он называл: Рупейто-Дубяго и Самотейкин?

— Называл. Он искал их по Москве.

— Питерское сыскное сообщает: по сведениям, указанные лица взяли у него фальшивые билеты на реализацию и сбежали с ними сюда. Лыков для того их искал, чтобы поквитаться?

— Для того.

— Значит, вор у вора дубинку украл? Ну, деловые, дают! Впрочем, нам, сыщикам, только легче будет, если они друг друга перебьют... Ладно, поехали дальше. Кличку Большой Сохатый Лыков называл?

— Не помню.

— Не желаешь ты помочь следствию, Шарапов! — сокрушённо констатировал Эффенбах. — Зайка-немогузнайка. Ну, тогда иди отсюда. Завтра зайдёшь подписать протокол.

Тоська повернулся.

— Стой! А правда, что Лыков такой сильный был, как рассказывают?

— Правда.

— Ну, ступай... Завтра опишешь ещё приметы Самотейкина. Устал я от вас, безобразников...

В это же время в карете с зашторенными окнами Лыков с Федей-Заломаем ехали к матери последнего и вели при этом серьёзный разговор.

— Ты заметил, Фёдор, что между мною и, к примеру, Верлиокой есть отличие?

— А как же, Лексей Николаич! Спрятать вас он мелко плавает, хошь и «иван».

— Я не об этом. Верлиока бандит, он людей грабит. А потребуется — и убьёт. Ты готов по его команде убить?

Заломай долго молчал, потом сказал:

— Вы же сами меня к нему в службу отдали.

— Я тогда считал, что ты — как они. А теперь вижу, что ошибался. Если меня в пещере не бросил, значит, у тебя совесть есть. А это в человеке самое главное, важнее даже и ума.

— Лексей Николаич, а вы... кто?

— Я чиновник департамента полиции. Сыщик. Ловлю убийц, чтобы они кровь человеческую не проливали.

Федя-Заломай шумно вздохнул.

— Что, испугался? Только плохое о сыщиках слышал?

— Угу.

— А матушка твоя что думает?

— Старая она уже. За меня шибко боится. Но в Бога весьма верует и меня тому же учит.

— Вот видишь! А Бог что говорит? Не убий. Не укради. Так?

— Вроде так.

— А чем бы ты у Верлиоки занимался? Этим бы и занимался.

— Про сыщиков бают, что они хуже разбойников. Мзду берут. А то кого заарестуют облыжно, а опосля за деньги выпускают.

— Есть и такие, — согласился со вздохом Лыков. — В семье не без урода. В любом деле есть люди честные и бесчестные. Но я вот не такой. Учитель мой, Павел Афанасьевич Благово, тоже. Друзья мои — Титус, Форосков. Я тебя с ними со всеми познакомлю. Не захочешь служить в

полиции — не обижусь. Пристрою тебя к другому какому ремеслу. Главное — зарабатывать на жизнь честным трудом. Всё равно, каким, лишь бы честным. А не людей душить...

За разговорами они приехали. Мать Феди-Заломая, Платонида Ивановна Кундрюцкова, пожилая бедная вдова, обитала в угловой каморке ветхого домика возле Пресненской заставы. Маленькая, подвижная, с добрым морщинистым лицом, она, увидев сыщика, первым делом поклонилась ему в ноги:

— Спасибо вам, господин Лыков, что принимаете участие в судьбе моего Феденьки. Прост он, и я проста; а люди-то вокруг лихи. Надобно ему при ком-то состоять, чтобы собственного разума набираться.

— Я, Платонида Ивановна, хочу взять вашего сына с собой, в Петербург. Здесь он пропадёт. Как, отпустите?

— В Петербург! — ахнула старушка. Села, чуть не разрыдалась, но взяла себя в руки. — Что ж. Лишь бы Феденьке там было хорошо. Вы уж его не бросайте!

— Я устрою его на службу и, как только он определится с жильём, то приедет сюда за вами.

— За мной? — недоверчиво спросила вдова.

— Да. Будете жить вместе с сыном в Петербурге. Вас что в Москве держит? Могилы родителей и мужа?

— Точно так, господин Лыков.

— Ради сына придётся чем-то пожертвовать. Ему жить да жить; а без матери плохо. Станете раз в год сюда навещаться. Зато Фёдор на глазах будет. А как женится да детишки пойдут, поможете их растить.

Тут Платонида Ивановна не выдержала и разрыдалась, но не от горя, а от умиления такой перспективой. Быстро успокоилась, благословила сына на отъезд и собрала его нехитрые вещи. Алексей оставил ей свой столичный адрес и десять рублей денег.

— Самое большее, на два месяца только прощаетесь, — ещё раз успокоил он старушку, и они с Фёдором уехали.

Оставив опять Заломая на квартире в Самотёке, Лыков покатил в Никитники к Горсткому. Туда же заглянул и Эффенбах.

— Ну, что, господа, давайте решать, что с Быковым делать будем, — заявил начальник отделения. — Давно бы пора его прекратить, но как? Митрополит крайне неохотно наказывает своих. Переведёт отца Николая в отдалённый приход — вот и будет всё его наказание!

— Я ему дам «неохотно», — пригрозил митрополиту Лыков. — Благово возмущён, он будет встречаться с Победоносцевым. Но нужны

улики. Степан! Дай совет.

— Эх вы, сыскари хреновы, — вздохнул рогожец. — Никуда без Горсткина. А совет такой: брать Казистого с поличным.

— Это как? Он же сам на разбой не ходит. Предлагаешь накрыть его за фальсификацией чая?

— За это много не дадут, отмажется. Но Быков снабжает всем необходимым головорезов из каменоломни. У них налажено так: бандиты шлют списки, благочинный собирает посылку и выставляет счёт. Раз в месяц к нему приходит Иван Чуркин и они вдвоём сводят дебет с кредитом. Вот в этот момент и надо его брать. Представляете? Ввалится полиция, а благочинный со знаменитым душегубом коньяки распивают. На столе деньги, расчёты, списки... Вещи лежат краденые... Тут уж не отвертится!

— Да, это было бы здорово, — согласился Эффенбах. — Но как узнать, когда именно они соберутся?

— Через дьячка.

— Через какого дьячка?

— Поясню. Есть у отца Николая дьячок при храме, Харлампием звать. Доверенное его лицо. Сволочь при этом неимоверная... Харлампий имеет одну тайную поганую страсть. Раз в неделю он, переодевшись, ходит в Драчёвку, в бардаки. И спрашивает там девочек помладше. Одиннадцать-двенадцать годов чтоб было, старше его уже не возбуждают. И при этом, тварь, заражает их перелоем.^[127]

— Так-так-так! — заинтересованно произнёс Эффенбах. — На Драчёвке и восьмилетних могут предложить, за особую плату. Но и те, каких Харлампий заказывает, уже под статью подходят. Называется «растление девицы, не достигшей четырнадцати лет, если оное было сопровождаемо насилием». Статья 1449-я Уложения о наказаниях. От десяти до двенадцати лет каторги.

— Но он же без насилия! — возразил Горсткин.

— А мы сделаем с насилием и свидетелей найдём. Чтобы как следует пугануть. В какие заведения ходит твой Харлампий, не знаешь?

— К Варлиху, к Редкину.

— Очень хорошо! Редкин давно у меня в осведомителях. Возьмём негодяя на акте, составим протокол по 1449-й, а потом предложим сдать отца Николая. В обмен на смягчение протокола. Уберём «насилие» — получит только четыре года. Как думаешь, согласится?

— Ещё как согласится. Тогда Казистому крышка!

— Так ему и надо, — резюмировал Лыков. — Будет знать, как титулярных советников динамитом взрывать!

Посмеялись, и Лыков с Эффенбахом уехали на Мясницкую. До поезда оставалось три часа. Сыщики заперлись в кабинете, куда надворный советник вызвал только своего помощника Никодимова. Алексей стал диктовать им под запись всё, что успел увидеть и услышать в московских притонах за время своих поисков. Начал с описания двух беглых, встретившихся ему в «Каторге», причём Никодимов сразу опознал по приметам Ваську, которого сыщик посадил на буфет. Далее пошли подробности о Верлиоке, Шайтан-оглы, Осмачкине, Ваньке-Пане... Ни один агент Эффенбаха никогда не проникал в те страшные места, которые Лыков спокойно обошёл за неделю. Сыскарей интересовало всё: где бывает Верлиока, как поставалена охрана «Арбузовской крепости», сколько лет Ассигкриту и какие пакгаузы на Москва-реке принадлежат Гурию Осмачкину. Лыков рассказал, что вспомнил. Он умолчал только о своих земляках Зарине и Беседине; не хотелось ему, чтобы Эффенбах укатал в тюрьму «робингулов».

— Ну всё, Алексей, пора тебе на вокзал, — сказал на прощание главный московский сыщик. — Спасибо тебе. Весь гадюшник перевероршил! Попробуем теперь провести уборку... Жду на коронацию!

Глава 29

Конец истории

Лыков сидел в квартире Благово и с наслаждением распивал чай. Он только что вернулся из бани, где отмыл все тяжелые воспоминания о пребывании в катакомбах. Прислуга Аграфена Нестеровна разбирала на кухне его перепачканные в земле вещи. Брюки и рубаху чинить было уже бесполезно, чемарка и пальто остались в Ивановской пещере. Уцелели только барейка и жилет. Поскольку жалование у чинов девятого класса невелико, Алексей слёзно просил тётушку отмыть его имущество.

Московскому приобретению Лыкова было строго сказано, что он больше не Федя-Заломай, а Фёдор Кундрюцков. И что он временно поступает в услужение к Благово и поселяется в угловой комнате. Никакого месяца ждать не надо: послезавтра Фёдор на один день возвращается в Москву, забирает мать и приезжает вместе с ней. Пока они живут на Театральной улице, а там будет видно. Специально нанятый отставной унтер начинает учить парня грамоте; а это такой строгости человек, что у него все выучиваются... Благово, когда услышал от Алексея в подробностях историю о поведении хлопца в подземельи, полюбил простака и тоже принял над ним шефство.

Утром Лыков привёз смущающегося от столичных впечатлений Фёдора в помещение Полицейского резерва в здании Александро-Невской части. В цейхгаузе парню подобрали форму, выдали шашку, револьвер и свисток. Когда тот переоделся и подошёл к зеркалу — обомлел. Форма городского и впрямь очень шла Феде-Заломаю. Его богатырская фигура приобрела монументальность, а лицо сделалось строгим и торжественным. Парень даже покраснел от удовольствия — он сам себе в таком виде очень нравился.

— Ну что, будешь теперь грамоте учиться? А то в городские не примут.

— Угу.

— Ещё неплохо бы тебе, Фёдор, жениться и усы отрастить. Здесь это быстро делается!

Благово выдал Кундрюцкову десять рублей подъёмных и отправил, в сопровождении младшего дворника, в конфекционный магазин приодеться. Им же с Лыковым предстоял трудный разговор в начальственных

кабинетах; нужно было подготовиться.

Монаршее повеление до сих пор оставалось не выполненным. Убийцы Макова ходили на свободе, арестовать их не удалось, хотя все улики были налицо. Показывать простреленный бок и излагать, как страшно быть погребённым заживо, не приходилось — это никого наверху не интересовало.

— Алексей, давай оттабаним^[128]. Что мы имеем?

— Сторожку Пахома-Кривого. Кекинские дома. Артиллерийскую вдову возле Московской заставы. Ну, и Большой Сохатый может что-то разузнать.

— Начни с него. По данным Адресной экспедиции, он прописался в 6-й Рождественской улице. Чёрт, времени очень мало. Скоро коронация. Нас с тобой угонят на целый месяц в Москву, и Рупейто сможет тогда безнаказанно прогуливаться хоть по Невскому проспекту!

Тут в дверь постучали и вошла прислуга. Женщина уже в возрасте, она относилась к Лыкову по-матерински.

— Алёша, — спросила Аграфена Нестеровна, — эта вещь тебе нужна?

И протянула ему какой-то небольшой предмет.

— В жилетном кармане лежала.

Лыков недоумённо покрутил вещицу в руках. Крестик греческой формы, залитый белой эмалью; что-то очень знакомое...

— А! — наконец вспомнил он. — Это так, пустяки.

— Где ты его взял? — живо заинтересовался Благово, внимательно разглядывая вещицу.

— В сторожке Пахома-Кривого на полу нашёл. Я уж и забыл про него.

— Ты хоть знаешь, что это такое?

— Нет. Чей-то жетон. Там и номер на обороте имеется.

— Эх ты, тёмный человек. Это знак Общества Белого креста. Полное его название: «Общество попечения о нуждающихся семействах воинов, потерявших здоровье в мирное время». Соображаешь?

— Вот это фокус! А что, если Рупейто под новым именем укрылся именно там? С его наружностью только офицера и представлять.

— Правильно рассуждаешь. Купить поддельный указ об отставке несложно. А Общество Белого креста — это такая тихая заводь, куда полиция до светопредставления не заглянет.

Аграфена Нестеровна поглядела на сыщиков, махнула рукой и ушла по своим делам. Благово торопливо листал «Адрес-календарь за 1882 год».

— Ага, нашёл. Угол Кавалергардской и Очаковской.

— Поехали?

— Поехали. А ты как, уверен в себе? Насчёт Мишки... Может, подкрепление взять?

— Не надо подкрепления, Павел Афанасьевич! Кулаки аж чешутся. Шкуру сейчас с него спускать буду, без эфира; вам понравится. А вот вы прихватите для себя револьвер — Дубяга не подарок.

Через полчаса Благово с Лыковым входили в приёмную Общества Белого креста. Пустые коридоры, всюду тихо, благолепно и немного скучно... Председателем Общества оказался седой тщедушный генерал-лейтенант, на вид полный лимфатик^[129]. Почему-то он совсем не удивился появлению полицейских.

— Скажите, ваше превосходительство, у вас не появился примерно с месяц назад новый сотрудник? Высокий, осанистый, лет сорока, имеет рыжие волосы и усы, а на щеке родинку.

Генерал пошамкал бесцветными губами, поглядел в потолок, потом ответил неожиданно бодрым голосом:

— Вы описываете моего помощника ротмистра в отставке Штакенбурга.

— Он бывший кирасир?

— Говорит, что из драгун, а по повадкам истинный кирасир. И это меня настораживало...

— При нём состоит обезьяноподобный денщик по имени Мишка?

— Состоит. Страхолюдный паренёк... Что они натворили?

— Да так... Убили четырёх человек: двух в Москве и двух здесь, в Петербурге.

Генерал ахнул:

— Вот сукины дети! Не зря я на Штакенберга в Военное министерство секретный запрос послал.

— Давно послали?

— Вчера, как тот из Москвы вернулся.

— Что же вас к этому побудило?

Генерал опять пошамкал губами, потом сказал, глядя на Благово с некоторой иронией:

— Видите ли, молодой человек, я только с виду придурковатый. В польскую компанию 1863 года я отвечал в корпусе за разведочное направление; некоторое понятие имею. Меня насторожили нестыковки в указе об отставке ротмистра Штакенберга. Как, кстати, его настоящее имя?

— Рупейто-Дубяго. Он действительно отставной ротмистр из драгун, но начинал армейским кирасиром.

— Ещё надеялся меня обмануть, дурачок, — усмехнулся генерал. Он порылся в столе и протянул сыщикам бумагу — это оказалась копия запроса в Военное министерство. Письмо было составлено очень умно и выказывало замечательную наблюдательность корреспондента.

— Я думал, вы пришли в качестве ответа на запрос.

— Извините, ваше превосходительство, но мы не из Военного министерства, а из Эм Вэ Дэ. Преследуем этих убийц во исполнение монаршего распоряжения.

В один миг тщедушный на вид генерал вскочил на ноги:

— Чем я могу помочь в исполнении данного распоряжения?

— Где Рупейто-Дубяго может находиться сейчас?

— Ему предоставлена служебная квартира в нашем здании. Вход со двора, во втором этаже налево. Ротмистр жалуется на боли в руке — следствие контузии — поэтому редко выходит. Я уж на него, как на работника, рукой махнул. А выгнать боевого офицера было совестно.

— Можете, ваше превосходительство, прямо сейчас начать искать ему замену. Лыков, за мной!

Они обнаружили убийц сразу, как только вошли во двор. Рупейто стоял около выгребка и что-то сердито выговаривал Мишке Самотейкину, а тот согласно кивал низколобой головой. Увидев Лыкова, живого и здорового, оба выпучили глаза.

— Шутник покойник: умер во вторник, в среду хоронить, а он поехал боронить! — ухмыльнулся Алексей. — Ась? Что-то я не вижу на ваших рожах радости. По поводу моего чудесного воскрешения.

Рупейто сунул было руку в карман шинели, но Благово уже нацелил свой верный «галан»^[130] ему в лоб. И сказал вкрадчиво:

— Знал бы ты, скотина, как я мечтаю пристрелить тебя при сопротивлении аресту, ты бы не шевелился...

И ротмистр тут же поднял руки вверх. Зато осерчал Мишка Самотейкин. Не обращая внимания на дуло револьвера, он, словно бык, пошёл на Лыкова.

— Чё, мало тогда показалось? Добавки отвесить?

— Ага, — улыбнулся Лыков во весь рот, уже предвкушая удовольствие. — Я тогда шутил, а нынче всерьёз будет. Готов ли?

— Готов, готов.

— Ну, тогда получи.

И неожиданно с двух сторон сильно хлопнул колбасника кулаками по ушам. Тот опешил, разинул рот и тут же получил прямой в челюсть. Быстро-быстро засеменил назад, но не удержался на ногах и шлёпнулся на

пятую точку. Из разбитой губы обильно хлынула кровь.

— Ах, маракузия! — взревел Мишка. Не без труда поднялся и бросился на Алексея. Тот ловко отскочил и дал ему вослед крепкого пинка.

— На!

Мишка снова упал, теперь уже на брюхо. Вскочил, посмотрел на себя: весь перепачканный, штаны треснули по шву... С матюками подскочил он к обидчику, злой, огромный и страшный. Однако Лыков явно развлекался. Перед самым столкновением он нырнул вниз, подхватил Самотейкина под коленки и швырнул его через голову.

Хватившись со всего маху о булыжники, колбасник лежал, потрясённый, на спине и не помышлял уже о сопротивлении. Титулярный советник, однако, с этим не согласился.

— Эй, ты чего там разлёгся? Вставай, баранина! Я только начал веселиться.

Схватив Мишку за волосы, он одним рывком, словно картонного, поставил его перед собой.

— Учись, дурак, как это делается. С Лыковым тягаться — не баб резиновыми жгутами душить. Готов ли?

Колбасник молча кивнул и выставил вперёд огромные кулаки. Лучше бы он этого не делал... Лыков напал стремительно. За восемь секунд он нанёс двенадцать ударов, каждый из которых сбил бы с ног обычного человека. Самотейкин ещё стоял, но уже не пытался даже защищаться. Голова его безвольно моталась из стороны в сторону, залитое кровью лицо сделалось жалким.

Отойдя на шаг, сыщик любовался на свою работу. Потом вспомнил:

— Да! А за Хапиловку?

Благово с Рупейто одновременно отвернулись. Лыков примерился и ударил...

Через полчаса с Очаковской улицы на Фонтанку, 16 рванули три кареты. В одной трясся, лёжа на полу, Мишка Самотейкин — он был без сознания. Во второй везли скованного наручниками Рупейто-Дубяго. В третьей ехали довольный Благово и возбуждённый, не остывший ещё после боя, Лыков. Когда проезжали мимо Таврического сада, Благово наклонился к своему ученику и сказал вполголоса:

— Слышь, Алексей! Когда станем делать доклад, не рассказывай никому, что мы нашли их случайно, по жетону. Пусть начальство считает: убийц ловко вычислили. И мы с тобой такие охрененные сыщики, что чёрта из-под земли достанем!

— Но это же сущая правда, Павел Афанасьевич!

— Вот-вот, так всем и говори.

Эпилог № 1

Через три дня после задержания Лыков обнаружил, что пятно седины на его затылке исчезло. Могучий организм титулярного советника переборол все последствия пребывания в пещере. Весёлый и уверенный, он ввалился в кабинет начальника и обнаружил Благово в таком же хорошем расположении духа. Павел Афанасьевич только что вернулся с аудиенции у министра.

— Московский Баранчик сознался! — объявил он своему ученику.

— В чём именно?

— В трёх убийствах. Маньку-Контузию Самотейкин душил без его участия.

— А изменника он назвал? Который меня выдал.

— Об этом ротмистр молчит. И вряд ли что скажет. Но всё равно, дело сделано, августейшее распоряжение выполнено. Главное — признание им убийства Макова. Министр передал нам «монаршее благоволение». В канцелярии как раз сейчас вписывают нам с тобой в служебные формуляры это отличие.

— Вот повод! Как говорят у моих друзей уголовных: «Плюнь пошире! Кутнём, да закаемся». Сегодня вечером выпью аршин водки.

— А ты что, выпиваешь аршин водки? — подозрительно осведомился Благово.

— Легко, Павел Афанасьевич. Там шестнадцать рюмок всего! проверено.

— Вот! Не зря наказывала мне твоя матушка приглядывать за тобой в столице. Особенно насчёт пьянства и баб. Как у тебя, кстати, с последними?

— А-а! — Лыков легкомысленно махнул рукой. — Девки не люди, козы не скотина...

— Понятно. А то я получил вчера письмо из Нижнего Новгорода, от Варвары Александровны Нефедьевой.

— Что? — опешил Алексей.

— Барышня справляется о твоём здоровье и очень тонко пытается у меня выведать, не завёл ли ты кого-нибудь. Но такого сыщика, как я, не проведёшь!

— Покажите письмо! — потребовал Лыков. Благово беспрекословно протянул ему бумагу. Алексей прочитал и расплылся в блаженной улыбке.

— И правда... Хорошая она, а, Павел Афанасьевич?

— Не дурил бы ты барышне голову. Скатайся на выходной день в Нижний, зайди на чашку чаю...

— Вы же знаете мои обстоятельства! Сто шестьдесят восемь рублей жалования минус эмеритальные выплаты. Хорош же я буду! Это называется: титулярный советник на поиске богатых невест.

— Собираешься дослужиться до тайного и только тогда сделать предложение? А согласится ли Варвара Александровна столько ждать?

— Павел Афанасьевич! А моя служба? Ведь не по почтовому ведомству числюсь! Десять месяцев в году хожу по лезвию. И ладно, если только убьют; а вдруг сделаюсь калеккой? Имею ли я право связывать такую свою жизнь с другим человеком?

— Когда ты строил флиртации Машеньке Коковцовой, это тебя почему-то не останавливало.

— Ну, там нет заповедного имения со ста тысячами годового дохода. И потом — оно ничем не кончилось.

— И с расстройства ты завёл себе белошвейку с Итальянской улицы.

— Откуда вы знаете? Она славная девушка, только очень легкомысленная. Это для здоровья! Врачи говорят, что полезно...

— Вот поймашь французскую болезнь, тогда поймешь, что именно для здоровья полезно. Права твоя матушка — глаз да глаз за тобой нужен. Так что ответить госпоже Нефедьевой?

— Что Алексей Лыков жив, здоров и сердце его свободно. И... тонко так намекайте, как вы умеете, что помнит. Но не решается навязывать знакомство такой богачке.

— Ладно, попробую. Совсем с вами сводником заделаешься... Но вернёмся к делам. Сейчас судьба Рупейты решается на самом верху. Судить его общим судом и сослать на каторгу нельзя. Убийство Макова объявлено государственной тайной. Будто бы для того, чтобы взяточники боялись... На самом деле не хотят огласки, что член «Священной дружины» оказался обыкновенным уголовным преступником. И потом, на каторге Рупейто выдаст тайну «демона» Лыкова. Хотели засунуть нашего кирасира в Шлиссельбургскую тюрьму, но она будет готова только через год. Поэтому граф Толстой договорился со своим финляндским коллегой — оттуда утечка затруднена. Рупейто посадят в Выборгский шлосс. Бессрочно.

— Бр-р! А Мишка Самотейкин?

— Сегодня утром свезён на Пряжку, в психиатрическую лечебницу. После того, как ты его побил, у Мишки что-то случилось с головой. Заговаривается, плачет...

— А он не пртиворяется?

— Такие люди не умеют притворяться. Смотритель секретных камер рассказал: из нашего колосса словно выпустили воздух. Ссутулился, худеет на глазах, сделался робок и послушен. То ли Мишка считал себя непобедимым, а ты его развенчал; то ли последний удар задел мозг. Вчера вечером Самотейкин попытался разбить себе голову об угол печки. На Пряжку его отправили в смирительном камзоле.

— Задел мозг... Было бы что задевать, — буркнул Лыков, но в душе испытал неловкость. Последний удар, действительно, выглядел лишним; Мишка уже не сопротивлялся. С другой стороны, жалеть убийц не числилось в его правилах. Варил бы колбасу — остался бы жив!

— Рупейто выдал Быкова? — сменил неприятную тему Алексей.

— Да. Оказывается, именно благочинный придумал всю засаду и выдал им патрон кизельгура. Теперь отец Николай попался!

— А идея Горсткина накрыть его в компании с бандитами?

— Эффенбах телеграфирует: арест планируется через два дня. Скоро ты опять поедешь в Москву, на этот раз надолго, до самой коронации; там отдашь Казистому должок. Я встречался сегодня утром с Победоносцевым. Константин Петрович в страшном гневе. Обещает по гроб запереть попа-«ивана» в тюрьме Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря. У священнослужителей свои порядки; там всё возможно.

— Когда будем брать Большого Сохатого?

— Это без тебя. Его разыскивает Петербургское сыскное за убийство сторожа. Один из членов банды раскололся и даёт показания. Его водят по улицам для опознания, наудачу. Я шепнул Виноградову правильный адресок. Завтра парня как бы случайно привезут в 6-ю Рождественскую, и он укажет на твоего приятеля. Ты окажешься ни при чём.

— Понятно. Последний вопрос, Павел Афанасьевич. Что будем делать с Пахомом Стамезкиным? Нешто так и дадим старому душегубу умереть в своей постели?

— И этот вопрос уже решён. Пока ты куролесил по Москве, я встретился с отставным генералом от инфантерии Львом Иовлевым Апушкиным.

— С Апушкиным? — поразился Лыков. — Из того рода?

— Да. Это друг моего покойного батюшки, бывший саратовский губернатор. И старший брат того молодого барина, которого полвека назад удушил в Поиме Стамезкин. Ему сейчас 86 лет, и он ещё очень бодр. Всё ему рассказал, и про получарки в комодке упомянул. Это же главное доказательство... Ты бы видел, как Лев Иовлевич меня благодарил! И тебе

велел в ноги кланяться. За то, что при жизни узнал, пусть уже и на склоне лет, тайну гибели своих единственных брата и племянника.

— И... что же дальше?

— Вот, почитай. Тут всё написано.

И Благово протянул Алексею номер «Ведомостей Санкт-Петербургского Градоначальства» недельной давности. Чернилами была обведена заметка под названием: «Загадочное убийство на Холерном кладбище». В заметке рассказывалось, что сторож заброшенного кладбища Иван Иванов, 78-ми лет, был найден в своей избушке связанным и повешенным. У него во рту, забитая в самую гортань, обнаружилась серебряная получарка старинной работы, с гербом дворянского рода Апушкиных. Генерал от инфантерии Лев Апушкин, последний представитель старинного угасшего рода, не смог разъяснить происхождения получарки. Сыскная полиция продолжает расследование...

— Как всё произошло?

— Не знаю. И спрашивать не буду. Полагаю, Лев Иовлевич взял с собой старого верного денщика Данилу — а тот ещё весьма крепок — и они приехали на кладбище. Обнаружили получарки, и совершили правосудие. Пять штук генерал взял себе, а шестую забил в глотку старому душителю. И правильно сделал.

— Согласен. Нечего было людей убивать. Не люблю я этого.

Эпилог № 2

Благово шёл на службу правым берегом Фонтанки размеренным шагом, обходя подмёрзшие за ночь лужи. Начало октября... Скоро каналы закроются льдом, задуют ледяные ветры, заскрипит под полозьями снег. Действительный статский советник сменит шаг на галоп, а в кабинете будет долго отгреваться чаем. Лыков вернулся из Сибири с тремя огромными синяками на спине, но живой и здоровый. Хорошо... Получил Станиславскую звезду^[131] и камер-юнкерских орлов в петлицы — это в 26 лет! А поскольку разбогател в Забайкалье, то начал потихоньку готовиться к свадьбе.^[132] Его, Благово, тоже не обошли наградами: навесили на задницу ключ^[133], и теперь он обязан присутствовать на всех дворцовых приёмах плюс ещё дежурства. Как там у Козьмы Пруткова? «Камергер редко наслаждается природою». И ведь действительно — редко! Когда он, к примеру, последний раз рыбачил в Гатчине? Ох, давно...

Приблизившись к Симеоновскому мосту, по которому он всегда переходил на другой берег Фонтанки, Благово обратил внимание на человека в длинной суконной шинели. Тот стоял, облокотясь на перила, курил и вяло глядел по сторонам. Усы с бородкой, жёлтое нездоровое лицо. Человек как человек. Но было в нём что-то фальшивое. Поза излишне убедительная, и беззаботность какая-то уж очень беззаботная. Сигарету держит в левой руке, а правую опустил в карман шинели.

И тут вдруг Павел Афанасьевич вспомнил, как восемь месяцев назад весёлый грек Папа-Фёдоров пришёл к нему на службу с дикой новостью. Что получил заказ на его, Благово, убийство. Ему велено было вот так же стоять утром на этом мосту и дожидаться вице-директора; тот всегда ходит в департамент одним и тем же маршрутом. Застрелить и умчаться в экипаже. Вон, кстати, и экипаж, едва различимый в сумерках, таится за углом. Т-а-а-к... Они нашли другого исполнителя.

Деваться Благово было уже некуда: он вышел на мост. Развернуться и побежать? Возле цирка Чинизели всегда стоит городской. Если он ошибается в опасениях и перед ним обычный зевака — выйдет смешно и неловко. Если не ошибается, то его догонят и застрелят в спину. Ну-с, твоё превосходительство, что выбираешь: быть смешным или быть мёртвым?

Оружия Павел Афанасьевич никогда просто так не носил, брал только на задержания. Отбиться тростью? От револьвера не отобьёшься. С каждым шагом Благово приближался к человеку с жёлтым лицом, но ничего

спасительного не приходило ему в голову. В висках стучало всё сильнее. Неужели сейчас в самом деле убьют? В центре столицы, в ста саженях от департамента...

До незнакомца осталось семь шагов. Шесть. Пять... Вот огонёк сигареты описал дугу и упал в Фонтанку. Сейчас желтолицый повернётся к нему!

Вдруг за спиной вице-директора раздался звон копыт. Подлетела пароконная коляска, остановилась, и из неё высунулось умное лицо Плеве.

— Павел Афанасьевич! Доброе утро. Вас подвести?

— Доброе утро, Владимир Константинович. Вы от графа? Что так рано?

— А, сорвал ни свет ни заря. И, как всегда, из-за пустяков. Так присядете?

— Пожалуй. Спасибо. Сегодня что-то скользко; дважды чуть не сделал оверкиль.

— Это как? — рассмеялся Плеве.

— Ну, кверху килем. В нашем случае это вниз головой!

Боковым зрением Благово увидел, что человек в суконной шинели быстро ушёл в направлении храма Святых Симеона и Анны и сел там в ожидавший его экипаж. Уф... Болтая ни о чём, полицейские начальники доехали до департамента, и только у себя в кабинете Павел Афанасьевич смог перевести дух. Министр внутренних дел граф Толстой вызывал Плеве обычно к вечеру, а сегодня неожиданно дёрнул с утра. Неужели эта случайность спасла Благово жизнь? Или это плод больного воображения?

Успокоившись и всё обдумав, действительный статский советник послал курьера за Лыковым. Вскоре тот вошёл своей бесшумной пластунской походкой, сильный и надёжный, и стало как-то легче.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! — гаркнул он по-солдатски.

— Садись, камер-юнкер хренов.

— От камергера слышу!

Посмеялись, потом Благово сказал:

— Кажется, четверть часа назад меня хотели убить.

Лыков посмотрел на шефа: нет, не шутит.

— Где?

— На Симеоновском мосту.

— Кто?

— Неизвестный мужчина.

— Он в вас целился?

— Нет, стоял и курил. Ждал, когда я подойду поближе. По счастью, случайно появился Плеве и взял меня в свою коляску.

— Мужчина на мосту просто стоял и курил? Почему же вы решили, что он собирается вас убить?

— Ты помнишь по Нижнему Новгороду Папу-Фёдорова?

— Усики? Конечно, помню. Хороший парень.

— Этот хороший парень, когда ты в марте разгуливал по хапиловкам, рассказал мне одну занятную историю...

Лыков выслушал «занятную историю» и ошалел.

— И вы до сих пор это от меня скрывали? Почему?

— Есть вещи, которые тебе лучше не знать.

— Например? — обиделся Алексей.

— Например, кто дал команду проломить мне голову в Нижегородском кремле в феврале 1881-го. Помнишь? Мы тогда ожидали приезда государя.

— И вы знаете, кто?

— Знаю, и тогда знал.

— А мне не скажете?

— Не скажу. Эти люди мне уже не враги; а чем меньше знаешь, тем лучше спишь.

Лыков хотел набычиться, но передумал.

— Ладно! Но вернёмся к истории Папа-Фёдорова. Значит, Шульц и Ример? Они желали вашей смерти?

— Да.

— Шульца я помню, а второй кто таков? Вы тогда в марте предостерегали меня от общения с ним, но без подробностей.

— Это тёмный человек. Я сам не понимаю, какие силы он представляет. Но он желает мне зла. И именно Ример наверняка предупредил Дубяго о Маньке-Контузии и назвал ему твоё имя. Значит, он от меня не отстал. Восемь месяцев прошло, я думал, что всё забыто, а нет! Ведь я говорил о нём с государем.

— Это тогда, перед коронацией?

— Да. Его величество прочитал доклад о поимке убийц Макова и, как ты помнишь, пожелал со мной встретиться. Очень ласково принял. Только поэтому я и решился заговорить с ним о Римере, что тон беседы сложился благожелательный. Мне некуда было деваться. Кому жаловаться на приятеля Воронцова-Дашкова и графа Толстого, ежели не государю?

— И не вышло?

— Не вышло. Я коротко, но совершенно отчётливо доложил его величеству, что тайный советник Ример препятствовал расследованию и

имел секретную связь с Рупейто-Дубяго. Тот молча выслушал, потом сказал, глядя при этом в окно: «Ваше дело сейчас — это коронация. Надеюсь на верную службу. Идите!».

— И вы не посмели ничего добавить?

— А как тут добавишь? Государь посмотрел на меня так... странно. И отчуждённо. Словно хотел сказать: «Это не твоего ума дело, Благово; я всё знаю, но изменить ничего не могу».

— Понятно... Но удивляет другое: зачем Римеру вас преследовать и даже желать вашей смерти? Для чего он вообще пытался спасти Дубяго от арестования? У них есть какие-то общие чёрные дела?

— Несомненно. Рупейто-Дубяго — его средство воздействия на противников. Наверняка за ним с колбасником стоят кровавые злодеяния, совершённые по указке Римера. Иначе не стал бы тайный советник защищать эту парочку столь настойчиво и откровенно. И ведь почти получилось! Карл Карлович ошибся только в одном: недооценил Лыкова. Наша сыскная полиция вряд ли бы нашла Московского Баранчика с его фиделькой, когда те легли на дно. А что есть человек, способный безбоязненно прочесать все притоны обеих столиц — этого они не могли предположить.

— И всё равно это не объяснение, — упрямо возразил Алексей. — То, что случилось — уже дело прошлое. Римеру лучше его не ворошить, внимания к себе не привлекать и пытаться только спасти Дубяго. Например, устроить ему побег, если так важно сохранить их общие тайны. Но для чего убивать Благово? Дело-то закрыто.

— Благово говорил о нём с государем.

— И это ничем не кончилось!

— Всё равно Благово опасен. Он ничего не забудет и может начать вредить. Собирать сведения, распространять слухи среди коллег, искать сильных союзников. И в один прекрасный момент, когда ситуация позволит, нанести удар. Благово опасный противник, поэтому надёжнее будет убить его.

— Значит, они с Шульцем не отстанут?

— Не отстанут. Пока не добьются своего.

— А вот это хрен! — сдвинул брови Лыков. — Есть такая идея...

На следующее утро Благово вышел из дому в обычное время и двинулся на службу. В тридцати саженях сзади, одетый в статское, за ним фланировал майор Закс-Гладнев. Бывший полицмейстер Нерчинского каторжного района, он был переведён, по рекомендации Лыкова, в распоряжение столичного градоначальства. В Петербурге Александр

Витальевич окончательно избавился от забайкальской сонливости и обещал вырасти в очень толкового полицейского офицера. Особенно же переезду в столицу была рада его жена... Закс-Гладневу уже подготовили место участкового пристава Казанской части — одной из самых «боевых». Пока же, в ожидании назначения на должность, он охотно согласился покараулить Благово.

По другому, левому берегу Фонтанки параллельно этой парочке и с той же скоростью двигался Лыков. Он должен был выйти на Симеоновский мост одновременно с Павлом Афанасьевичем и зайти предполагаемому террористу со спины.

И, наконец, возле церкви Святых Симеона и Анны, также переодетый в партикулярное платье, дежурил Фёдор Кундрюцков. Месяц назад он закончил кадр Полицейского резерва, получил чин младшего городского и свой первый пост на углу Большого и Малого Казачьих переулков. Но через несколько дней его увидел случайно проезжавший мимо градоначальник генерал Грессер. Восхитившись монументальной статью нового городского, он приказал перевести его на более ответственный пост — к Аничкову дворцу, любимому государем. Так что, карьера Фёдора началась весьма удачно. Сейчас Благово выпросил его у Грессера на несколько дней «для проведения секретной операции». В задачу Кундрюцкова входил арест экипажа, поджидающего террориста.

Ловушка распахнулась — но захватила пустоту. На Симеоновском мосту действительного статского советника в этот раз никто не поджидал. То же самое повторилось и на следующий день. Благово сказал своим телохранителям:

— Всё! Хватит караулить мою никчёмную особу. Видать, я начал выживать из ума и наблюдать то, чего и не было...

— Нет, — возразил Лыков. — Они повторят свою попытку на четвёртый день, по старому бандитскому обычаю. Но и завтра мы будем на месте!

Коллежский ассессор оказался прав. Когда послезавтра он проходил мимо Фонтанного дворца Шереметьевых, то ещё оттуда заметил одиноко стоящую на Симеоновском мосту мужскую фигуру. Подошёл поближе, примотрелся. Высокий мужчина с сивыми усами на жёлтом лице, и так же курит. Сбрил бороду и сменил суконную шинель на ватный макинтош — думает, его не узнают!

С другого берега на мост ступил Благово. Вот он приближается к курильщику... Вот, так же, как и в прошлый раз, окурок брошен в Фонтанку... Когда до Павла Афанасьевича осталось три шага,

желтомордый повернулся к нему лицом и выхватил револьвер. Тут сзади подошёл Лыков, схватил его за плечи и отобрал оружие.

— Что это у тебя за штука интересная? Дай-кося я посмотрю.

Незнакомец обмер от неожиданности, но тут же в его левой руке появился нож.

— Экой ты настырный! — подивился Лыков; отобрал и его. Выбросил трофеи в Фонтанку, потом схватил террориста одной рукой за ворот макинтоша, перенёс через перила и подвесил над рекой. Тот совсем растерялся и задрал вверх перекошенное от страха лицо.

— Давай так, — доверительно сказал ему Алексей. — Я буду задавать тебе вопрос, всегда один и тот же. Как только ты не ответишь или соврёшь, стану отгибать палец. И так до правдивого ответа — или твоей смерти. Учти, пальцев всего пять. Начнём. Кто тебя подослал?

— Пошёл к чёрту! Немедленно подними меня обратно!

Лыков отогнул мизинец.

— Вторая попытка. Кто тебя подослал?

— Вытащи меня наверх, сволочь!!

Коллежский ассессор оттопырил безымянный палец.

— Слушай, я, конечно, парень сильный, но даже я не сумею удержать тебя двумя пальцами. Так что у тебя последняя попытка. Последняя! Ну? Кто тебя подослал?

— Шульц, сенатор Шульц!

— Вот давно бы так, — удовлетворённо кивнул Лыков и поднял террориста на мост. Тут сзади подъехал Фёдор Кундрюцков в лёгкой одноколке; в ногах у него лежал возница.

Лыков с пленником, Благово и подоспевший Закс-Гладнев набились в экипаж и поехали в департамент. Там Павел Афанасьевич с благодарностью отпустил своих добровольных помощников, а сам, вместе с Алексеем, принялся за допрос.

Желтолицый усач оказался известным убийцей, находящимся в розыске, по кличке Вовка-Белотел. Сообразно кличке, он был родом из Ярославской губернии.^[134] Прославился налётом на стереотипную Бялобжеского, при котором убил трёх человек. Скрывался от полиции в пещерах за Горячим полем. Через нескольких посредников на него вышел сенатор Шульц и предложил десять тысяч за убийство Благово. Пояснил: это тайная воля «самой верхушки» и ловить Белотела станут больше для вида, но всё равно после акта лучше уехать из столицы.

Вовка дал точное портретное описание Шульца и опознал его по

светокопии.^[135] Благово с Плеве поехали к министру. Граф Толстой долго тёр нос, сморкался и брюзжал, но всё же был вынужден поговорить в телефон с министром юстиции Набоковым. Тот пригласил всю компанию к себе, и в Шуваловском дворце^[136] состоялось секретное совещание.

Конечно, об аресте сенатора не могло быть и речи. Известно, что уголовные часто оговаривают в своих показаниях различных влиятельных лиц с целью запутать следствие. Но здесь попытка покушения на вице-директора Департамента полиции, чиновника четвёртого класса и камергера! Кроме того те, кому положено, знали, что именно этот человек провёл блестящую агентурную операцию под шифрованным названием «Между Амуром и Невой». Чем в очередной раз обратил на себя благосклонное внимание государя... В конце концов, было решено очень вежливо опросить (но не допросить!) тайного советника Шульца. Задать ему несколько вопросов при полном уважении к его сановному статусу...

Видимо, у бывшего управляющего Третьим отделением остались-таки свои люди в Департаменте полиции. Когда в 1880 году отделение было упразднено, из 42 чиновников, состоящих в его штате, во вновь созданный департамент было принято только 17 человек. Кто-то из них и предупредил Шульца. Когда следователь прибыл к нему на квартиру, лакей сообщил, что барин недавно ушёл в Соболевские бани, что по Мойке у Красного моста. Настырный следователь отправился по указанному адресу и обнаружил сенатора мёртвым. Со вскрытыми венами тот лежал в ванне «дворянского» номера ещё тёплый...

Вечером этого насыщенного дня Благово сказал Лыкову:

— Ример соскочил с крючка. Шульц унёс его имя с собой в могилу. Пока он затаится, а когда всё забудется, то нанесёт новый удар. Будь теперь всегда настороже!

На другое утро тайный советник Ример, сидя у себя дома, получил от рассыльного письмо без обратного адреса. Вскрыл конверт и прочитал:

«Если ещё хотя бы раз с Павлом Афанасьевичем Благово случится нечто, подобное вчерашнему, ты покойник. Наведи обо мне справку и поймешь.

Лыков».

Примечания

1

60 сантиметров.

Старый домашний способ лечения простуды: на растёртую нашатырём грудь больному клали лист плотной т. н. «сахарной» бумаги и топили на неё свечной воск. Кстати, очень хорошо помогало...

3

197 cm.

На тот момент — директор Канцелярии МИД.

Рогожец — старообрядец австрийского согласия (центр толка находился на Рогожском кладбище Москвы).

«Маз» — главарь шайки; родский — старший вор.

Алиби.

Лигеры — члены Лиги (одно из названий «Священной дружины»).

9

180 см.

В 1860 году все армейские кирасирские полки были переименованы в драгунские.

Линнемановская — прежнее название малой сапёрной лопатки.

За горло (жарг.).

В. кн. Михаил Николаевич помимо прочих своих должностей являлся также генерал-фельдцеймистером, то есть начальником всей российской артиллерии.

Дворец в. кн. Михаила Николаевича.

Министерские советы в императорской России — коллегиальные консультативные органы при министрах.

Формализоваться — обижаться.

Рансенъирован — осведомлён.

Атаманцы — казаки Лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка.

Подворотный — должность тюремной стражи, часовой при воротах.

Гайменник — убийца (жарг.)

Большая — тысяча (жарг.)

Урок — задание.

На испуг (жарг.)

Взломщик (жарг.)

Дорогие цельнотянутые сапоги, в которых головка и голенище соединены вместе.

Бан — вокзал (жарг.)

Не имеющие мастерских и работающие прямо на улице, в присутствии заказчика.

Воздохот — сожитель (петерб.)

Питинбрюх — пьяница (петерб.)

Семибашенный — народное название Литовского замка.

Отначиться — откупился (жарг.)

Регалка — татуировка (жарг.)

Поздравлять царя — выпивать (жарг.)

За Бугры — за Урал, т. е. в Сибирь на каторгу (жарг.)

Съезжий дом — гостиница (не путать со съезжей — полицейской частью).

«Красноярки» — фальшивые банкноты (жарг.)

Яманный — плохой (жарг.)

Малашки — фальшивые документы (жарг.)

Виксатиновый — пропитанный водонепроницаемым составом.

Вода — сыщик (жарг.)

Стрюцкий — пьяница с претензией (разг.)

Смушка — дорогая мелкозавитая овчина, выделяемая из ягнят трёхнедельного возраста.

Давать плейту — убежать (жарг.)

Город Катаев — тюрьма (жарг.)

Брус — случайный арестант, не уголовный (и, следовательно, стоящий ниже фартового в преступной иерархии).

Дзет! — Берегись! (угроза; жарг.)

Талыгай — военный (жарг.)

Фига — сыщик (жарг.)

Пёс — городской (жарг.)

Шмирник — сторож (жарг.)

Душитель (жарг.)

Пять рублей (жарг.)

Мандра — еда (жарг.)

Вардалак — налётчик (жарг.)

Ламышник — полтинник (жарг.)

Бусать — есть (жарг.)

Скуржавые — серебряные (жарг.)

Вид — временный паспорт.

Мотя — доля в добыче (жарг.)

Записной жорж — профессиональный преступник. Чёрт мутной воды — ещё не преступник, но человек, склонный к совершению преступлений (жарг.)

Барно — хорошо (жарг.)

Кортома — аренда.

Грант — грабёж (жарг.)

«Собака» — сторублёвая купюра (жарг.)

Тюлькагон — лжец (жарг.)

Саксон — нож (жарг.)

Трифон — топор (жарг.)

Руда — кровь (народн.)

Денежный пакет.

Плакат — бессрочный паспорт.

Т.е. зарыл в землю.

Святцы — карты (жарг.)

Играть на Демидов счёт — без денег, в долг (народн.)

Фляки — потроха (польск.). Чай «с позолотой» — т. е. с ромом.

Тестяное — выпечка на десерт.

Вольтижёры — наземные акробаты.

Черновики.

А.А.Абаза — член Государственного совета; при Александре Втором был государственным контролёром и министром финансов. Вышел в отставку, не согласившись с курсом Александра Третьего на ужесточение режима.

Магазин готового платья.

Срочную телеграмму.

Веджвурова посуда — нечто среднее между фарфором и фаянсом; прочная и красивая, изобретена британцем Джошуа Веджвуром. Мазарган — популярный в XIX веке тонизирующий напиток, смесь подслащённого кофе с водой и льдом; вытеснен впоследствии кока-колой.

— Пощади! (турецк.)

Автомедон — (возничий, управляющий колесницей Ахилла в «Илиаде» Гомера) — прозвище московских извозчиков.

Демимоденка — дама полусвета.

Десу — нижняя юбка.

«Картофельное шампанское» — фальсифицированный «Редерер».

«Зелёные ноги» — беглые каторжники (жарг.)

Этурди — ветреницы (фр.)

Позднее из-за находящейся поблизости матросской богадельни эта местность получила название «Матросская Тишина»

Т.е. на четвереньках.

От латинского слова fidel (верный).

Т.е. топорной.

Чамарка — длинный однополый сюртук.

Лечь в лаванду — укрыться от полиции (жарг.)

Ломать вытеку — проверять документы (жарг.)

Куклиш четырёхугольной губернии — бродяга (жарг.)

Одетый под фу-фу — шикарно по-простонародному. Сапоги с гамбургскими передами — с глянцевыми голенищами и с головками из матовой кожи.

Рыжик — червонец (жарг.)

Ингер — замок (жарг.)

Т.е. крытом чёрным сукном.

Ветошный — простодушный, доверчивый (жарг.)

Вытяжные сапоги — то же самое, что и «крюки»: вытянутые из цельного куска кожи, без шва между головками и голенищами, дорогие и щегольские.

Офицерская мишень — круг диаметром 290 см, на котором начертано 14 окружностей с интервалом 10 см.

Сальян — сорт дорогой паюсной икры; рыбный майонез — рыба под майонским соусом.

Капорник — доносчик (жарг.)

Вата, пропитанная йодом.

«Глаз» — паспорт (жарг.)

Бутор — поличное (жарг.)

Прахоря — сапоги (жарг.)

«Бекасы» — клопы (жарг.). «Охота на бекасов» — старинное арестантское развлечение в камере.

Шепёрка — шестёрка (жарг.)

Лихвенные проценты — повышенные, сверх установленных законом.

Стол приключений — структурное подразделение сыскной полиции, отвечающее за регистрацию преступлений.

Освед — осведомитель (полицейский слэнг).

Юр-базар — Хитровка (жарг.)

Выражение, обозначающее ложь.

Пекарня — мастерская по изготовлению фальшивых денег (жарг.)

Циркулярный розыск — общероссийский (аналог сегодняшнего федерального).

«Красная шапка» — платный посыльный в Москве.

Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой являлся помещиком Рязанской губернии. Став министром, он особенно охотно назначал на должности в своём ведомстве именно рязанских дворян, лично известных ему по участию в местных выборах. Поэтому Рязанская губерния заслужила у современников ироничное название «лейб-губернии».

Пятидесятирублёвый банкнот (получил своё название из-за изображённого на нём портрета Петра Первого).

Барантач — то же, что и басмач: угонщик скота, разбойник.

123

Грубое азиатское ругательство.

Штоф — 1,23 литра.

Т.е. туркмен.

На глаз, примерно (флотск.)

Перелой — триппер.

Табанить — грести назад (флотск.)

Лимфатик — вялый безжизненный человек.

Револьвер системы Галана образца 1870 года, состоял на вооружении
российского военного флота.

Орден Святого Станислава 2-й степени со звездой.

См. книгу «„Демон“ преступного мира» («Между Амуром и Невой»).

То есть, сделали камергером.

Белотелы — прозвище ярославцев в Петербурге.

Светокопия — фотография.

Ул. Итальянская, д.12 — адрес Министерства юстиции.